

В. А. Попов
СТОПЫ БЛАГОВЕСТНИКА
Жизнь и труды В.Г. Павлова

Переселенцы

"Странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои."

Пс.38,13

Ближайшая родословная Василия Гурьевича Павлова восходит к сословию зажиточных русских земледельцев. Его прадед Петр Климович родился в 1757 году, в селе Жабино Ранненбургского уезда, Рязанской губернии в семье однодворцев. Эта категория крестьян, образованная из бывших служилых людей: казаков, стрельцов, засечных сторожей, пользовалась некоторыми привилегиями от государства и в том числе правом владения землей. Поэтому тяжкая доля крепостной зависимости не коснулась Петра Климовича. Не научившись грамоте, он имел от природы деятельный здравый ум и за свою житейскую смекалку был поставлен на почетную должность местного старшины.

Новые религиозные веяния, усилившиеся в России с начала девятнадцатого века, прокатывались от царского престола до крестьянских низов. Император Александр I сделал своей привычкой читать Библию и искренне, от души молился в уединении Всевышнему Царю Царей. Посетив в 1810 году Лондон, он долго и заинтересованно беседовал с квакером Вильямом Гремлетом.

"Я молюсь каждый день не установленными образцами молитв, но как мой Господь побуждает меня, указывая мне мои нужды", — высказывался о своих переживаниях русский император. Доброжелательно принял Александр I и пастора Петерсона, прибывшего в Россию спустя два года с намерением создать Библейское общество. В лице Александра I Общество обрело самого активного члена.

Открывая заседание учредителей, император внес 25 тысяч рублей и затем ежегодно жертвовал по 10 тысяч рублей на его развитие. Не жалел он для благородного дела типографий, книгохранилищ и книжных лавок. Напечатанный в 1816 году полный текст церковнославянской Библии за 7 лет переиздавался 15 раз. Столетиями пребывая в руках официального духовенства, Библия теперь пошла к народу. Солдаты и казаки, неимущие вдовы, мещане, колонисты, старцы торопились приобрести таинственную Божию Книгу. С особой жадой вникали в библейские истины мыслящие русские крестьяне.

Петр Климович, воспитанный в православной религии, слушая рассказы грамотных людей из Библии, присоединяется к [молоканскому](#) течению. Чтобы сделать такой решительный поворот, нужно было преодолеть живучий обывательский принцип: "в какой вере родился, в такой и помирать буду." Петр Климович нашел в себе достаточно мужества и самостоятельности, став на путь религиозного свободомыслия. Правда, переход в молоканство обошелся для него без особых гонений, Петр Климович умел ладить с православными священниками, к тому же, не страдая от материальной нужды, он без ущерба для семьи продолжал жертвовать в пользу православного духовенства.

После рождения от сына Григория второго внука Гурия Петр Климович со всем семейством переселился в Самарскую губернию, но обживать приволжские степные просторы Павловым не пришлось.

Весной 1834 года тысячи молокан Самарской, Саратовской, Астраханской и Таврической губерний одновременно, как по единому сигналу, тронулись на Кавказ. Какая же сила объединила и привела в действие такую огромную массу верующих?

Еще в 1818 году среди молокан обрела необыкновенную популярность книга Юнга Штиллинга "Победная Песнь" о втором пришествии Христа. Юнг Штилинг принадлежал к пиетическому направлению богословской мысли. Пиетисты ратовали за обновление духовной жизни, придавая чрезмерное значение чувствам. По расчетам Юнга Штиллинга второе пришествие Христа должно совершиться в 1836 году, в стране Востока, около Араратских гор. Туда, скрываясь от дракона, выйдет на встречу с Господом жена, то есть избранный народ Божий, Новый Израиль. Но перед приходом Христа, по учению Штиллинга, должны явиться пророки Илия и Енох.

В молоканских селениях не замедлили появиться люди, самолично выдававшие себя за пророков. Некий Лукьян Петров, путешествуя по городам и селам, проповедовал пришествие Христа и близкое наступление тысячелетнего царства. Проповедник убеждал единоверцев оставить все и, одевшись в лучшие одежды, идти в обетованную землю на Кавказ, чтобы быть ближе к Палестине.

— Эй, эй! Бегите из северной страны! ... Спасайся, Сион, обитающий у дочери Вавилона! — повторял он слова пророка Захарии.

Только ли странствующие пророки возбуждали переселенческое настроение? Нет.

Часть молокан подвергалась церковно-полицейским преследованиям. Меры борьбы с инакомыслием выражались и в групповых принудительных ссылках молокан из центральных губерний на окраины России. Слыша о том, как их собратьев выдворяют с насиженных мест, они заблаговременно оставляли свои хозяйства и отправлялись на поиски более надежного жития.

По истрескавшейся от жары Калмыцкой степи медленно тянулись обозы переселенцев. Во время остановок, когда тяжелый скрип колес замолкал и густое облако коричневой пыли рассеивалось, над унылыми степными далями, то громче, то тише плыли протяжные звуки молоканских песен. Несмотря на дневной зной и усталость, пели бодро и торжественно, старательно, с подголосками выговаривая молитвенные чаяния псалмопевца Давида.

Что-то непонятное творилось с одним из сыновей Петра Климовича Савелием. Он почти не разговаривал, мало ел и часто с грустью поворачивал голову назад.

— Занемог что ли, Савелий? — мягко хлопал по плечу сына Петр Климович. — Лица на тебе нет.

— Подковы, батя, подковы забыл, когда отдыхали ночью, — неуверенно говорил Савелий, опуская глаза. — Возвернусь я, поищу.

— Коль желаешь, иди с Богом, — тревожно молвил отец. Весь обоз ждал его до появления первой звезды, но Савелия след простыл. Родители плакали навзрыд, заключив, что его убили дорогой кадычки. После выяснилось, что сын их жив и

простыл. Годишом пикаши паврид, закон ти, тчо ето урши дороти кавкази тоско вышешев, тчо еши на жив и невредим. Причиной его странного исчезновения оказалась неотвязная любовь к одной вдове, на которой он вознамерился жениться. Родители получили от него слезное письмо, он просил прощения за обман и нежелание следовать в неведомые края. Василий Гурьевич видел его всего один раз в Тифлисе, куда Савелий приезжал уже глубоким седым стариком.

С большими трудностями добирались до Кавказа упорные переселенцы. Каменистые узкие дороги петляли по горам. Угнетала не только дикая природа. Путешественники опасались нападения горских племен. Для защиты обозов выделялся специальный конвой. Тоже изрядно измотанные, солдаты шли сзади и впереди обоза.

Дарьяльское ущелье, которое называют воротами Кавказа, открылось взору путешественников во всей мрачной красоте. Темные громады гор почти совсем закрывали небо. На далеких утесах неподвижно стояли рогатые туры, а под белесыми шапками облаков грозно парили орлы. Бушующий Терек, со всей силой метался по скалам, создавая нескончаемый шум.

Через несколько дней тяжелый и опасный путь остался позади. Двигаясь вдоль реки Куры, странники миновали Тифлис и поселились в Геочкайском уезде Шемахинской губернии.

Соскучившись по домашнему уюту и физической работе, молокане быстро рубили дома, и новые деревни вырастали прямо на глазах вокруг татарского селения Топчи. Чинно и благородно текла жизнь в молоканской деревне, подчиняясь возвышенному библейскому ритму.

По воскресным дням прекращались все работы и из домов с раннего утра начинало звучать мерное богослужбное пение. Местные власти относились к переселенцам в целом благосклонно, за исключением так называемых "общих" молокан. Молоканство после несбывшихся пророчеств о втором пришествии Христа разделилось на несколько толков. Ссылаясь на первохристианскую общину в Иерусалиме, крестьянин Михаил Попов в Шемахинском уезде призвал своих последователей сложить вместе все имущество и сообща вести хозяйство. Власти, усматривая в общинной жизни практическое воплощение коммунистических идей, запрещали собрания "общих" молокан. От участкового заседателя даже пришел приказ разобрать по бревнышку дом, где сходились "общие". Эти молокане продолжали устраивать общинный труд, но идеала первохристианской церкви так и не смогли достичь. Главное препятствие исходило не от властей, а от недостаточной высоты духовной жизни. Из-за частых ссор и распрей по поводу неравномерного распределения доходов хозяйство со временем пришло в упадок и разрушилось.

Жизнь обыкновенных молокан внешне складывалась благополучно, но пришла беда, которая зацепила всех переселенцев. Организм жителей восточной и северной России никак не мог приспособиться к местному нездоровому климату. От изнурительной лихорадки мучились все от мала до велика. Резко возросла смертность. Болезнь унесла всех стариков из семьи Павловых. В живых остались только три внука Петра Климовича от сына Григория: Григорий, Поликарп и Гурий.

Обессиленные от постоянных недугов, вызванных тяжелыми климатическими условиями, молокане не раз обращались к местному начальству с просьбой о переселении. Чиновники равнодушно отводили все их прошения.

Тогда расстроенные отцы семейств решили действовать через голову. Как-то наместник Кавказа князь Михаил Семенович Воронцов прибыл в Шемахинскую губернию. Молоканские старцы, добившись у него аудиенции, били челом о дозволении перебраться на Лорийскую возвышенность, где были земли принадлежавшие грузинским князьям Орбелиани. Внимательно

переселился на старинную возвышенность, где были земли, принадлежавшие грузинским князьям Орбелиани. Внимательно прочитав прошение старцев, известный своим человеколюбивым характером генерал-фельдмаршал удовлетворил нужду молокан. Они получили разрешение выехать в Лори, где климат намного благоприятнее для здоровья.

Частые въедливые дожди превратили дорогу в сплошную пытку. Жирная суглинистая грязь комьями цеплялась на колеса повозок. Шумно дыша и отфыркиваясь, уставшие лошади то и дело останавливались.

— Слышь, Григорий... — приставала теща. — Позвал ли ты домового?

— Ни к чему это, — отрубил Григорий.

— Как ни к чему? Все так делают, — шептала теща. — Переезжаешь куда и его надобно звать... Не иначе как он на повозку завалился. Тяжесть какая, дороги нет...

— Ни к чему это, — твердил свое Григорий. — Доедем с Божьей помощью.

Приняв новую веру, не все молокане сразу освободились от всевозможных языческих суеверий, свойственных русскому православному люду. Талисманы из текстов Евангелия, заговоры против разных болезней и дурного глаза употреблялись иногда и в молоканских семьях.

Новое селение, основанное выходцами из России, в честь благодетельного князя назвали Воронцовкой. Освоение земель стало для молокан уже привычным делом.

Переселившись в Воронцовку, Григорий, Гурий и Поликарп по русскому обычаю жили вместе, но затем Гурий с Поликарпом отделились. Поликарп вскоре умер, оставив после себя сына Сергея. У Григория родились три сына: Абрам, Евдоким, Ефим. Гурию же долгое время не везло с потомством. Два мальчика, только появившись на свет, умерли. Гурий ходил сам не свой и каждый вечер, став вместе с женой на колени, горестно изливал свою печаль пред Богом: "Господи! Ты Владыка жизни! И нужда Тебе наша известна! Дай нам наследника, младенца мужского пола, и телом и духом крепкого... Боже милосердный! Я буду стараться избавлять его от всяких тяжелых работ, чтобы грамоте он научился и читал нам Слово Твое!"...

В феврале 1854 года за две недели до масленицы Бог подарил Гурию сына. Обрадованные родители, любуясь новорожденным младенцем крепышом, нарекли его Василием...

Окрестности Воронцовки были настоящим раздольем для физического развития детей. По широкой деревенской улице, тянувшейся километра на три с севера на юг, Вася со сверстниками бегал в маленькое селение Джалал-Оглы. Целый день около речки Джили, вокруг бурного родника звенели ребячьи голоса. Пробиваясь сквозь груды серых камней, чистейшая родниковая вода заставляла работать колеса мукомольной мельницы. Другая мельница действовала весной во время разлива. Когда мельница останавливалась и воду выпускали в специальную канаву, туда стайками лезла вездесущая детвора. Вася обычно одним из первых заходил в холодную воду и, растопырив широкий подол домотканой рубашки, ловко вылавливал мелких рыбешек.

На другой промысел воронцовские дети выходили вместе с взрослыми. Это был сбор ромашки в горах. Скупщики охотно брали ее у жителей на изготовление так называемого "персидского порошка", который использовали для истребления блох, клопов и других вредных насекомых.

Весело и привольно жилось воронцовским мальчишкам, одного только недоставало: негде было обучаться грамоте. Школьных учителей иногда заменяли едва научившиеся читать и писать простые крестьяне. Одна старушка собирала ребят в просторной избе и как могла учила их славянской азбуке и чтению Псалтыри. С Васей немного занимались офицеры драгуны, стоявшие у них на постое. Обремененная домашними заботами мать, умевшая читать, тоже старалась выкроить время для обучения сына. Вася поразительно быстро схватывал уроки. За несколько месяцев он уже обогнал своих учителей и в пятилетнем возрасте свободно читал Псалтырь и Библию. Когда в деревне появился профессиональный учитель и открыл первую школу начальной грамотности, Васе осталось научиться только писать.

Длинные зимние вечера в доме Павловых часто превращались в семейные праздники. Большая, жарко натопленная печь излучала уют и тепло. Анастасия, закончив работу на ткацком станке, который занимал почти всю переднюю комнату, зажигала две сальные свечи или лучину. Бока медного самовара, стоявшего в центре широкого стола, радостно играли и светились радужными золотистыми бликами.

— Почитай что-нибудь, сынок, из Писания, — ласково говорил отец, усаживаясь в передний угол.

Вася шустро взбирался на лавку к божнице, где вместо икон лежала увесистая славянская Библия в переплете из деревянных обложек. Обхватив Книгу двумя руками и прижимая к груди, Вася осторожно клал ее на край стола и, водя пальцами по строчкам, громко читал повествования о деяниях Иосифа, Даниила, Давида. Лица родителей светлели, дневная усталость уходила прочь, на душе становилось легко и радостно. Не отрывая глаз, они смотрели на своего малолетнего мальчугана, низко склонившего над Библией русоволосую крутолобую голову.

— За что же сподобились мы такой милости от Бога? Должно быть мальчик наш будет Божьим посланником? Сохрани его, Господи! Устрой путь... Пошли мудрости и знания, — толковали наедине перед сном Гурий и Анастасия.

Как заправский проповедник Вася читал Священное Писание и на молоканских богослужениях. Молокане преклонного возраста забывали о своих немощах. Чистый голос мальчика, бойко возвещающий глаголы Божии, проникал в душу беспрепятственно.

— Шибко умен, шибко умен мальчик, не по годам, — разглаживая плотные седые бороды, удивлялись старцы. — Такие долго не живут... А если и даст Бог ему жизни, молоканином-то, знамо дело, вряд ли будет... — шептались они.

Трудолюбивые воронцовские молокане день ото дня благоустраивали свое селение. Они занимались земледелием, скотоводством, сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес, горох и картофель. Большие хозяйства приходилось оснащать новой техникой и инструментами. Они переменили старые деревянные плуги на металлические системы Говарда. На полях заработали молотилки с конным приводом, открывались производственные мастерские, где своими силами изготавливали рабочий инструментарий. Из обыкновенного села Воронцовка постепенно принимала облик рабочего поселка, становясь центром Кавказского молоканства.

Гурий Павлов не позволил увлечь себя земными суетными делами. Он помнил личный обет, данный Богу, — посвятить сына духовному служению. Гурий без всякого сожаления распродал недвижимое имущество, погрузил необходимые пожитки на повозку и отправился с семьей в Тифлис. Несмотря на вечернее время, на улицах города кипела бойкая жизнь. Прямо около дороги недалеко от мрачного Метехского замка стояли ярко освещенные прилавки, заваленные фруктами, медом. Подростки-грузины, отчаянно взмахивая руками, громко зазывали покупателей. Отыскав на окраине города молоканский квартал, Павловы остановились в доме Дробышева.

Для Васи началась новая жизнь. Все здесь было необычно и интересно: и разноязычные племена, и сам таинственный город, уютно обложенный сероватой цепью гор с востока и запада и далекими заснеженными пиками Казбека с севера, старинные монастыри и полуразваленные крепости. Попадая на густонаселенные улочки и шумные базары, Вася любил прислушиваться к многоцветному народному говору.

Тяга познать музыку слова и желание глубже осмыслить Библию привели Васю в еврейскую школу. Он берет уроки древнееврейского языка и одновременно самоучкой изучает немецкий язык.

Знакомство с местными баптистами для любознательного юноши было своего рода откровением. Баптистская община состояла всего из нескольких человек. Первым русским баптистом в Тифлисе стал бывший молоканский наставник, купец Никита Исаевич Воронин. Самостоятельно вникая в Священное Писание, он начал помышлять о том, что крещение и причащение в учении Христа надо понимать не только духовно.

Воронин искал такую общину, которая жила бы в соответствии с идеалами первоапостольской церкви. Православие не удовлетворяло его почитанием икон и сложной системой бесчисленных обрядов. Лютеранство привлекало евангельской проповедью о спасении через веру, но отталкивало не совсем достойным поведением отдельных служителей и простых верующих этого исповедания. Кроме того, в то время не было русских лютеранских церквей.

По промыслению Божию случилось так, что Воронин подружился с пресвитерианским миссионером сирийцем Яковом Деляковым, который познакомил его с Мартином Карловичем Кальвейтом, немецким баптистом из Прибалтики. Кальвейт со своей семьей жил на окраине Тифлиса, устраивая регулярно богослужения верующих немцев баптистов. Взгляды Воронина были созвучны мировоззрению Кальвейта и его группы.

Ночью 20 августа 1867 года Кальвейт преподавал крещение Воронину на реке Куре. Новый исповедник какое-то время посещал немецкие собрания, но вскоре и среди соотечественников, русских, нашлись единомышленники. Крестив 18 апреля 1869 года две молоканские семьи, Воронин положил основание русской баптистской общине. Из-за того, что многие немецкие баптисты выехали из Тифлиса, семья Кальвейта решила присоединиться к русским единоверцам.

Одним из первых летописцев начала баптистского движения в Тифлисе был православный священник Николай Каллистов. Он часто заходил на богослужебные собрания, подолгу беседовал с баптистами и делился потом своими впечатлениями с читателями "Церковного Вестника". В 1879 году на страницах журнала появился очерк Каллистова, названный "Русская община баптистов в Тифлисе". Вот каким увидел основателя местной баптистской церкви Никиту Исаевича Воронина человек со стороны священник Николай Каллистов: "Брюнет высокого роста, с маленькими черными глазами, представительный во всей фигуре. Обладает отличным языком, знанием Библии, обширной начитанностью по предметам

представительский во всем фигуре. Обладает отличным звуковым знанием языка, обширней на тщательность по предметам богословского знания и свободным даром речи. Все, что есть на русском языке по догматическому и нравственному богословию Ворониным прочитано. Он может не только наизусть прочесть текст, но и указать с математической точностью главу книги и даже стих. Личность Воронина по принятию им учения баптистов является весьма важною в их общине, особенно если принять в соображение то обаяние, каким он пользовался прежде у молокан, куда теперь направлены все старания и заботы баптистов. Но Воронин на этом не остановился, он стал мало-помалу склонять и других молокан, и обратил особое внимание на своего молодого приказчика Василия Павлова, который природными способностями и сметливостью подавал большие надежды".

Гостеприимный дом Никиты Исаевича был всегда открыт для искателей истины. Юный молоканин Вася Павлов, основательно начитанный в Священном Писании, беседовал с Ворониным на равных, тем более, что и Воронин первоначальные познания о Боге получил в молоканской среде.

С детства приученный к самостоятельному мышлению, наблюдательный и пытливый ум Васи после жарких бесед искал ответы на вопросы духовной жизни.

— Родственники мои молокане любят Слово Божие, любят петь псалмы. Они порвали с мертвыми обрядами, возлюбили чистое Евангелие, но почему надо отвергать водное крещение? Христос говорит в Евангелии: "Кто будет веровать и креститься, спасен будет!" А заповедь причастия? Как и крещение она установлена Иисусом Христом. Могу ли я остановиться на полпути? Если служить Богу, то при полном посвящении, полной отдаче и настоящем духовном возрождении. Я же только прикоснулся к Истине, сделал первые шаги. Готов ли я служить Ему так, как Он хочет? Господи! Я мало любил Тебя, мало трудился для Тебя! Очисти меня от всех грехов! Соделай из сердца моего сосуд благопотребный Тебе! Вдохни в меня новую жизнь! — день и ночь размышлял и молился Василий.

Помимо воли родителей он принимает водное крещение в 1870 году и становится полноправным членом Тифлисской общины. "Отец Павлова — фанатик молоканин был против соращения сына в баптисты, — рассказывает православный летописец Каллистов. — Отец бил и жестоко порол его, когда узнал, что он бросил, молоканство, но эти угрозы не помогли. Напротив, дело пропаганды поведено было так успешно, что сам старик Павлов со своей старухой перешел в баптисты. Из горького пьяницы Павлов после крещения сделался совсем трезвым, — такой поворот в нем поставлен был баптистами на вид прочим молоканам, и те, приняв это событие за чудесное, постепенно стали уходить в их общину".

— Можно ли переходить из одной веры в другую? Не измена ли это вере отцов? — донимали прямолинейными вопросами новообращенных Тифлисские обыватели.

— За что почитают нас отступниками от отеческих понятий? От Бога каждому дан свой разум и свобода. Осудит ли Господь тех, кто ищет как лучше и праведнее служить Ему? ,— объясняли свой выбор новые члены Тифлисской общины;

Учеба в Германии и первые труды

Всякое серьезное религиозное движение получает развитие на основе ясно выраженного вероучения и хорошо организованной братской жизни единоверцев.

Сознавая эту насущную нужду Тифлисская община в 1875 году направляет Василия Павлова в Гамбург для практической

Сознавая эту насущную нужду, тифлисский община в 1875 году направляет Василия Павлова в Гамбург для практической стажировки и углубления богословских знаний.

Выбор пал на Василия не случайно. Необыкновенные способности одаренного юноши и высота духовной жизни были очевидны для многих, но наиболее дальновидным был Мартин Кальвейт. Он настоятельно убеждал и советовал дать возможность Павлову всесторонне расширить общехристианский кругозор. Неотрывно занимаясь изо дня в день, Павлов уже основательно знал немецкий язык, имел солидную образовательную подготовку и жаждал духовно-интеллектуальной учебы.

Для поездки за границу требовалось преодолеть кое-какие трудности. Верный своему обету, отец Павлова беспрепятственно благословил сына на изучение Божьей премудрости, выделив ему на дорогу денежные средства. Длительные мытарства были связаны с оформлением заграничного паспорта. Ведь русским верующим неправославного исповедания не позволялось выдавать паспорта даже для путешествия в отдаленные районы России. Целых полгода Павлов стучался в двери различных государственных учреждений и в апреле 1875 года ему удалось все-таки получить заграничный паспорт.

В Германии посланца русских баптистов встретил Иоганн Герхард Онкен. В благообразном семидесятилетнем старце Павлов сразу почувствовал великого апостола Германии. Бог поручил Онкену дело просвещения европейских народов светом Евангелия. Вся его жизнь была наполнена сложными духовными исканиями и борьбой за право свободной евангельской проповеди.

Он родился 2 января 1800 года в герцогстве Ольденбургском. Воспитываясь в традиционной протестантской семье, Онкен по достижении тринадцатилетнего возраста был конфирмирован в лютеранской церкви. Вскоре судьба забросила его на десять лет в Шотландию.

Онкена интересовала духовная жизнь англичан. Он обходил все церкви, обращая внимание на качество служения представителей различных вероисповеданий. Живая проповедь в методистском молитвенном доме перевернула душу Онкена.

Слова Писания: "Итак ныне нет никакого осуждения тем, которые живут не по плоти, но по духу" — будили глубокие размышления.

Как жить по духу? Можно ли усмирить вожеления плоти? Законнический путь несовершенен, остается путь благодати через веру в искупительные заслуги Христа.

Вернувшись в 1823 году на родину, он поселился в Гамбурге, ощутив побуждение свыше к проповеди Евангелия. Всецело погрузившись в учение Христа, он пытается осмыслить правильность крещения младенцев. Размышляя над призывом Христа: "Кто будет веровать и креститься, спасен будет", он не решился крестить своего первого ребенка, отложив обряд крещения до появления сознательной личной веры.

В проповедях Онкена зазвучала еще одна нота, — крещение по вере. Не найдя сразу в родном отечестве единомышленников, он обратился к баптистам Шотландии и Англии. Их совет носил двойной характер, — либо крестить самого себя, как это сделал английский баптист Джон Смит, или приехать в Англию и принять крещение.

Когда слух о переживаниях Онкена дошел до баптистов Америки, профессор Гамильтонского колледжа Сирс срочно выехал в Германию. И 22 апреля 1834 года Онкен, его жена и пять других верующих, исповедав Иисуса Христа своим Господом и Спасителем, вошли в воды реки Эльбы. Крещение преподал Сирс. Так родилась баптистская церковь в Гамбурге, пастором которой стал Онкен.

Немало пришлось претерпеть гонений основоположникам нового исповедания. Сам Онкен изведal "прелести" тюремного острога.

Неожиданно отношение к баптистам резко изменилось. Обстоятельства сложились как в известной поговорке: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Сильный пожар в Гамбурге весной 1842 года оставил без крова множество жителей. Добившись приема у сенатора, Онкен решительно заявил, что готов предоставить большой чердак амбара, где собирались верующие, для погорельцев. И власти, и простой народ убедились в том, что баптисты — люди не зловердные, а добросердечные и мирные. В 1858 году община Онкена получила официальное признание в правительственных кругах.

Горя духом миссионерского служения, Онкен воспылал ревностью умножить семью европейских баптистов. При его содействии возникли первые баптистские общины в Дании, Голландии, Швеции, Франции, Польше, Румынии, Венгрии, Испании, Италии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Латвии.

Онкен не единожды бывал на Российской земле. Как защитник человеческих прав страждущих и униженных Онкен появился в России осенью 1864 года. Он ходатайствовал перед высшими властями о предоставлении свободы исповедания баптистам в Прибалтике.

Через пять лет Онкен трудился на юге Украины. Он проповедовал в Старом Данциге, крестил там группу обращенных немцев, рукоположил в Эйшлаге пресвитера А. Унгера, наставника А. Леппа и двух дьяконов. Меннонит А. Унгер несколькими годами раньше вел оживленную переписку с Онкеном, обсуждая евангельское учение о крещении по вере.

Опасаясь животворного влияния проповедей Онкена на православное население, царская полиция не выпускала благословенного Божьего посланника из поля зрения, наблюдая за его деятельностью недремлющим оком. "Онкен действительно проповедовал и крестил немцев в Данциге, но никого из православных не совратил," — докладывал полицмейстеру исправник Елисаветградского уезда.

Духовное образование Онкен считал краеугольным камнем истинного просвещения. Еще в 1824 году он открыл первую в Германии воскресную школу. Трактатное общество, созданное Онкеном через два года после принятия крещения, вскоре превратилось в большой издательский отдел немецких баптистов.

Не имея возможности во время посещения России непосредственно общаться с русскими верующими, Онкен был очень обрадован встрече с Павловым. Обучение молодого служителя осуществлялось по свободной программе. Онкен закрепил за Василием специального преподавателя-универсала Петера Вильрата, который занимался с ним изучением богословских дисциплин, совершенствованием немецкого языка и делился опытом евангельской работы.

Немецкие братья жили в напряженном духовном ритме. Павлов часто беседовал с Онкеном, детально обсуждая

Немецкие братья жили в напряженном духовном ритме. Павлов часто беседовал с Онкеном, детально обсуждал составленное им Гамбургское исповедание веры баптистов, слушал его вдохновенные проповеди в больших собраниях, старался попасть на библейские конференции в Бремене.

Всего один год постигал Василий Гурьевич опыт служения немецких общин, но эти краткосрочные штудии обогатили его как проповедника Евангелия. Пытливый ученик из России понравился Онкену.

"Этот человек с большими способностями, — говорил Онкен друзьям. — Он отлично владеет своим родным языком и почти так же хорошо немецким. С Божьей помощью он окажет своим соотечественникам большую услугу". И вот настал день, когда Онкен, прославляя вечного Бога, благоговейно возложил руки на юного собрата, посвятив его на миссионерское служение.

Вернувшись в Тифлис, Павлов сразу же засел за переводческую работу. Он перевел на русский язык текст Гамбургского исповедания веры баптистов.

К приезду Павлова община численно возросла, в ней теперь насчитывалось сорок человек. Среди новообращенных членов церкви Павлов увидел и своих родителей. Вместе с другими молоканами они осмелились сделать решительный шаг, выйдя за круг личных предубеждений.

Постоянный наблюдатель жизни Тифлисских баптистов священник Николай Каллистов отмечал все вехи на пути становления общины. "После окончания курсов в Гамбурге и возвращения в Тифлис Павлов ведет свое дело успешно, приобретая все новых и новых чад в свою общину, — писал Каллистов. — Небольшой дом молитвенных собраний, бывший на Песках, с прибытием Павлова вскоре оказался тесным и теперь богослужение их открыто на видной улице, в бельэтаже большого дома, принадлежащего Воронину и стоящего бок о бок с православной церковью. К баптистам присоединился Трестовский, учитель гимназии, преподаватель духовной семинарии, выпускник Петербургского университета, сотрудник редакции местной газеты. Он знает английский, немецкий, французский языки, ездил в Петербург, познакомился там с лордом Редстоком, евангельским проповедником из Англии. Трестовский устроил в Тифлисе воскресную школу на 100 учеников, готовит для издания сборник духовных песен. Тифлисская община — самостоятельная, центральная, ей подчиняются окрестные группы баптистов в селениях: Гори, Воронцовка и других местах. По воскресным дням Тифлисская община проводит библейские беседы. Однажды и я был приглашен Трестовским. Читали восьмую главу из книги пророка Исая. — Возлюбленные братья, не стеснясь, каждый из вас может обсуждать и делать возражения на рассматриваемую главу, — услышал я из уст проповедника. — Быть может я не так понимаю слова пророка, поэтому каждый из вас, если пожелает, может поделиться своими мнениями о разбираемых стихах. Я включился в беседу. Они сказали, что разговор мой и возражения им понравились и что это произвело на сидящих прекрасное впечатление. Воронин просил даже на чай к себе. Подобные библейские беседы и собрания весьма приятно было бы встретить в среде нашего православного духовенства."

В октябре 1876 года Павлов с проповедником общины Семеном Родионовым выезжает сеять Слово Жизни в молоканские селения Закавказья. Престарелые воронцовские молокане встретили баптистских проповедников настороженно. Павлов вызвал особое подозрение. Бывший молоканин и вдруг стал баптистом. Мыслимо ли это? Подобаает ли хорошему человеку изменять вере отцов? Тут что-то не то. Опасливо озираясь на гостей, старцы не разрешили Павлову проповедовать в большом собрании.

Среди жителей села нашлось немало доброжелательно настроенных молокан, которые не побоялись впустить к себе домой странствующих проповедников. Теплые молитвенные общения ободрили путников, ведь самая трудная дорога была еще впереди.

Двигаясь на лошадях и волах по тяжелым горным перевалам, они вступили на древнюю армянскую землю. В Эриванской губернии посетили селения Воскресенку, Никитине, Дилижан, Ахты, в Елисаветпольской губернии Михайловку и Новосаратовку. В Михайловке Павлов крестил одну супружескую чету.

От станции Дзегам на почтовых перекладных лошадях достигли Бакинской губернии, посетив город Шемаху, селение Чухур-Юрт, Пришиб, Новоивановку, Андреевку, Николаевку и город Ленкорань на Каспийском море. Сорок душ в Ленкорани приняли благую весть, засвидетельствовав свою веру через водное крещение.

Глубокое богоискательство пришлось не по нутру злым силам. Они мгновенно ополчились на служителей Господних. Ретивые исполнители недоброй воли поспешно состряпали донос уездному начальнику о том, что приезжие проповедники распространяют якобы лютеранскую веру. Павлова и Родионова повлекли в полицию, где отобрали у них паспорта и приказали ехать домой, по пути отмечаясь у уездных начальников.

Из местечка Агдаш Елисаветпольской губернии к ним приставили конвойных солдат. На одной из почтовых станций конвоиры отстали и проповедникам пришлось самостоятельно устраиваться на ночлег в Елисаветпольской гостинице. Отдых был недолог. В полночь окна и двери загремели от мощных солдатских кулаков. "Арестанты сбежали! Арестанты!" — с таким объяснением приступили конвоиры к испуганному хозяину гостиницы. Остаток ночи у комнаты Павлова и Родионова неотлучно дежурил человек.

Утром местный начальник неожиданно распорядился снять конвой и до Тифлиса братья ехали без всякого сопровождения. В Тифлисе им предписали явиться в полицию и дать подписку о нераспространении лютеранской веры. Не имея никакого отношения к лютеранской церкви, Павлов и Родионов без смущения зафиксировали это на бумаге.

Начавшаяся в 1877 году война с Турцией заставила обратить внимание на баптистов князя Воронцова. Кавказский наместник через специальное воззвание призвал сектантов к служению милосердия. Тифлисская община выделила для добрых дел на полях сражения двух сестер-сиделок и двух санитаров: Анастасию Павлову, Екатерину Капранову, Николая Порошина и Емельяна Скороходова.

Самостоятельная христианская благотворительность баптистов была замечена общественными организациями и впоследствии Кавказское окружное управление общества Красного Креста наградило общину знаком "Красный Крест".

Местные власти не воспрепятствовали Тифлисским баптистам арендовать большой зал в удобной части города для богослужбных собраний. Число слушателей Слова Жизни из интеллигенции возрастало с каждым днем. Братьев В.Г. Павлова, С.Т. Родионова, Н.И. Воронина, Е.М. Богданова, А.М. Мазаева, М.К. Кальвейта община избрала в состав церковного совета.

Произошли изменения и в личной жизни Павлова 13 декабря 1877 года он вступил в брак с Татьяной Ивановной

Скоророходовой. В своей "Автобиографии" Василий Гурьевич сообщает об этом очень скупыми словами: "В конце этого года я женился."

Свидетельство о браке, сохранившееся в архиве ВСЕХБ, дает более развернутую информацию: "Тифлисский гражданин Василий Гурьевич Павлов и Горийская гражданка Татьяна Ивановна Скороходова, являсь в полицейское управление, заявили о желании записать в сию книгу брак свой по расколу, причем дали подписку в том, что они оба принадлежат к расколу от рождения и не состоят в браке, совершенном по правилам православной церкви и по обрядам другого, признаваемого в государстве исповедания".

В 1879 году Павлов получил приглашение из Владикавказа от брата Е.М. Богданова. Член церковного совета Тифлисской общины Богданов переселился на Северный Кавказ, желая трудиться на ниве благовестия.

Новообращенные души стремились как можно быстрее исполнить святую заповедь Христа о крещении. Для совершения священнодействия требовался не только духовно сильный, но и физически крепкий человек, так как вода в Тереке холодна, да и места со спокойным течением почти не встречаются. У городской мельницы, где образовался небольшой заливчик, собралась пестрая толпа народа. Вместе с крещаемыми пришли их друзья, знакомые.

Стоя по грудь в воде, громко и торжественно Павлов задавал вопрос новообращенным: "Веришь ли, что Иисус Христос есть Сын Божий?!"

— Верую! — один за другим решительно исповедовали свои убеждения приходящие.

Радость верующих сникла из-за того, что отважный креститель был схвачен полицией. В первую ночь в камеру, где сидел Павлов, полицейские старательно подсовывали уголовных элементов: пьяниц, воров, бандитов. Во вторую ночь его сокамерниками оказались про штрафованные пожарные. Не успев как следует оглядеться в новой обстановке, Павлов после трех дней был выпущен на свободу.

12 сентября 1879 года царское правительство обнародовало так называемый Маковский циркуляр о духовных делах баптистов, который содержал мнение Государственного Совета, утвержденное царем и подписанное министром внутренних дел Маковым:

"Баптисты на основании статьи 44 основного государственного закона беспрепятственно исповедуют свое вероучение и исполняют обряды веры по существующим у них обычаям. Избираемые баптистами духовные наставники могут совершать обряды и произносить проповеди не иначе, как по утверждении их в сем звании губернатором".

Негласные инструкции толковали этот закон однобоко: он должен распространяться только на иностранных подданных и на русских баптистов, которые вышли из лиц неправославного исповедания. Члены Тифлисской общины были выходцами из молокан и община получила возможность официального признания со стороны властей. 17 августа 1880 года в Тифлис приехали гости, братья-служители: Одесский пресвитер Август Либиг и Петербургский проповедник Иван Каргель.

В воскресенье после утреннего собрания вся община осталась на членское собрание. Либиг и Павлов в молитвенном

В воскресенье после утреннего собрания вся община осталась на дневном собрании. Утром и Павлов в молитвенном сосредоточении стояли за столом лицом к верующим.

— Дорогие братья и сестры, согласны ли вы открыть общину? Если согласны, то какое наименование вы желаете дать ей? — начал говорить Либиг.

— Да, мы согласны. — ответил Павлов. — У нас есть печать, на которой написано: "Первая Тифлисская Община Баптистов".

— Как же тогда будет именоваться община Воронина? — спросил Каргель. Услышав фамилию всем знакомого проповедника, многие смущенно опустили головы.

— Пусть будет вторая, — раздались неуверенные голоса.

— Хорошо, оставим название без изменения, — продолжал Либиг, взяв в руки круглую печать.

— Признаете ли вы существование вашей общины делом Божиим? .

— Да! — в один голос громко ответило собрание.

— Всякая община имеет свое исповедание веры, оно не ставится выше Слова Божия, но служит знаком согласия для членов церкви. Знакомы ли вы с вероучением?

— Да! — подтвердило большинство.

— Признаете ли вы Господа Иисуса Христа Верховным Главой Церкви? В зале снова звучит громогласное "да!"

— Желаете ли вы присоединиться к союзу общин сознательно крещенных христиан в Германии, Дании, Швейцарии, России?

— Объясните нам, пожалуйста, каковы основные цели и задачи данного союза? — попросил Василий Гурьевич.

— Международный союз организует братскую помощь и миссионерское служение.

— Мы не против! Надо одной семьей жить! Христос призвал нас к единству! — единодушно соглашается община.

На торжественном богослужении вечером Либиг и Каргель рукоположили Павлова пресвитером, Родионова учителем, Мзаева Андрея и Кальвейга диаконами. Все пятнадцать разделов Гамбургского исповедания веры баптистов были еще раз оглашены собранию как основные принципы организационной деятельности и духовной жизни последователей Иисуса Христа.

Губернатор зарегистрировал Павлова в качестве духовного наставника. Утверждение от властей получил и Воронин, который в это время руководил другой баптистской общиной в Тифлисе.

Печальное разделение произошло из-за вопроса о ростовщичестве. Вопросы финансовых отношений тревожили многих верующих.

"Бедным, которые берут займы на необходимые нужды, давать деньги в рост погрешительно, но с богатого, берущего деньги на расширение своего занятия, брать умеренный процент не погрешительно", — решило большинство делегатов на межобщинных конференциях.

Природная тяга к торгово-коммерческой работе удерживала Воронина на неопределенных противоречивых позициях. Заверив братьев, что грех любостыжания не властен над ним, он все-таки не избежал увлечения мамоной. При удобном случае он поспешил вложить свои средства в ростовщическую компанию, не разобравшись как следует с ее финансовыми операциями. Узнав об этом, Павлов тут же потребовал отлучения Воронина.

— Вопреки своему убеждению, которое он сильно утверждал на бывшей здесь конференции, — не брать какие-либо проценты с кого бы то ни было, Воронин сделался пайщиком ростовщической компании, занимающейся выдачей ссуд за высокие проценты. Он внес тысячу рублей и заседает в ссудном комитете, — объяснял Василий Гурьевич верующим.

Когда Воронину объявили решение церкви об отлучении, он вышел из себя.

— Я знаю, вы отлучили меня по злобе. Это все сделал Павлов. Мальчишка! Я поставил его на ноги, вывел в люди! — резко выкрикивал Никита Исаевич, бросая недовольные взгляды на оторопевших единомышленников. — Мой капитал двигает всеми делами общины. Я дал вам помещение в своем доме безвозмездно. Я отказываю вам теперь в квартире. Только тот, кто согласен со мною пусть приходит сюда...

Не желая раздражать возмущенного хозяина, Павлов и его единомышленники перенесли собрания на Русский базар в дом бывшей армянской семинарии. Какая-то часть бывших молокан, привыкших к оборотистым делам в житейской практике, не согласилась со строгими мерами церковного наказания и последовала за Ворониным.

Направив заявление приставу восьмого Чугуретского участка, Воронин просил открыть вторую общину и утвердить его в звании пресвитера, а Капитона Щербаева в служении диакона. Гражданское начальство удовлетворило настойчивые просьбы Воронина.

Горький корень, взрастивший худые плоды в Тифлисе, заразил духом разногласия и другие общины на Кавказе. В адрес тифлисских братьев полетели оскорбительные письма от верующих Баку и Владикавказа. Они обвиняли служителей Тифлисской общины, возглавляемой Павловым, в несправедливости, гордыне и неразумных действиях.

Составляя ответы, Василий Гурьевич терпеливо разъяснял несогласным, что они поступили точно по Слову Божию, так как Библия строго осуждает ростовщические притязания. Он приводил выдержки из исторических и пророческих книг Священного Писания, где налагаются строгие запреты на подобные деяния.

Больше года держалась глухая стена отчуждения между двумя общинами. К марту 1881 года болезнь стала отступать. Воронин смирился, увидев свои поступки в свете Евангелия. Забыв о разнице в возрасте, он сделал первый шаг к примирению с Павловым. Он пришел домой к Василию Гурьевичу вместе со своей женой Екатериной Кузьминичной.

— Брат, прости меня, я виноват, — склонив голову, заплакал Никита Исаевич. — Я был неправ пред Богом и тебя оскорбил... Я предавался недостойным занятиям. Мои друзья тоже желают соединиться с вами и с Вашей общиной.

— Бог свидетель, в моем сердце нет обиды на тебя, брат, — сказал Василий Гурьевич, вставая из-за стола. — Простим друг друга во имя Иисуса Христа. Пусть мир Божий никогда не покидает нас...

Помолившись Господу, они обменялись святым целованием.

Рассказав в церкви о встрече с Ворониным, он предложил рассмотреть просьбу Никиты Исаевича на членском собрании. Воронину поставили на вид выполнение трех условий: признать отлучение действительным, сложить с себя должность пресвитера, оплатить долги. Никита Исаевич беспрекословно согласился принять эти требования и 18 июля 1882 года он был восстановлен в членстве Первой Тифлисской общины.

С 1880 года верующие Закавказья стали устанавливать контакты с южнорусскими баптистами. Основным посредником был В.Г. Павлов. Приглашенный осенью 1880 года А.А. Стояловым в Таврическую губернию, он вместе с И. Вилером провел большую евангельско-просветительскую работу среди молокан разных толков. В свободных беседах был заинтересован местный баптистский пресвитер Андрей Ананьевич Стоялов, ранее принадлежавший к молоканам донского вероучения. Баптистские проповедники и до того встречались и вели беседы с молоканами.

В 1877 году в Таврии проповедовал Александр Федосеевич Сторожев. Через него в баптистскую веру обратился сын Стоялова Алексей. Сам Андрей Ананьевич, будучи молоканским пресвитером, долго молился Господу о ниспослании откровения свыше. После глубоких молитвенных размышлений, он тоже пришел к решению о необходимости сознательного крещения и присоединился к баптистам.

Павлова и Вилера Стоялов встречал в родной Нововасильевке, собрав множество верующих. После радостных богослужений открывалась живая полемика по богословским вопросам.

- Как понимать заповедь Христа о крещении, в буквальном или духовном смысле? — вопрошали молокане-уклеинцы.
- Почему нельзя крестить младенцев? — пытались выяснить молокане донского толка.
- Что заставило Андрея Ананьевича стать баптистским пресвитером?

Мотивы перехода Стоялова из одного исповедания в другое были многим известны, но Андрей Ананьевич еще раз засвидетельствовал о побудительных причинах:

— Поскольку я состоял в должности пресвитера общины донского толка, мне неоднократно приходилось причащать детей, которые бессознательно извергали изо рта данные им дары. Это обстоятельство заставило меня усомниться в целесообразности причастия детей. И, наконец, слова апостола Павла: "Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей" окончательно укрепили меня в убеждении, что оба установления Христовы, как святое водное крещение, так и святая вечеря предназначены не для бессознательных младенцев, но для сознательных верующих, как учат баптисты.

Разъяснения Стоялова дополнил Павлов. В спокойной мягкой форме Василий Гурьевич рассказал о своем личном пути к Богу, о том, как Дух Святой научил его шире взглянуть на евангельское учение. Исповедуя свои грехи, многие молокане изъявили желание полностью принять заветы Иисуса Христа. Вскоре после общения И. Вилер преподал им водное крещение по вере.

До 1882 года труд Павлова в Таврической губернии продолжали И. Рябошапка, Е.М. Богданов, Н.И. Воронин. В Нововасильевке, Астраханке, Новоспасском быстро росли баптистские общины. Неутомимый Вилер в разных местах Таврической губернии решил ежегодно устраивать духовные и деловые конференции. Пятьдесят представителей от новоменнонитских и баптистских общин собрались 20 мая, 1882 года в немецкой колонии Рюкенау.

Дело благовестия требовало серьезного подхода, поэтому; участники конференции специально выделили несколько разъездных проповедников с выдачей им материального содержания на определенный срок. Кроме братьев-немцев конференция избрала И. Рябошапку, М. Ратушного, Г. Кушнаренко и В. Павлова.

По плану благовестнического комитета, возглавляемого И. Вилером, Павлов получил годовое содержание и должен был нести служение в Закавказье и Таврической губернии. Какое-то время Василий Гурьевич работал приказчиком. Он вынужден был тратить время на это занятие в результате потери средств к существованию из-за пожара в 1879 году. До этого несчастного случая Василий Гурьевич жил на отцовские сбережения. Освободившись от заботы о хлебе насущном, Павлов предпринимает вторичное миссионерское путешествие по Закавказью, а осенью 1883 года Дух Божий направил его в Самарскую губернию. Молокане Поволжья принимали Слово Божие охотно и в селении Новый Узень В. Г. Павлов крестил шестнадцать человек.

Хорошо зная молоканскую среду, Василий Гурьевич умел легко обнаружить уязвимые стороны их вероучения. К этому времени относится обращение Гавриила Мазаева, последовавшее после встречи и бесед с Павловым.

— Гаврюша, дорогой, побеседуй с баптистами, — уговаривала мать Гавриила. — Я поеду в Таврическую губернию и приглашу проповедника.

Ради того, чтобы уважить просьбу матери, Гавриил дал согласие. Приглашенного проповедника взял к себе Дей Мазаев и сразу же послал извещение Гавриилу. Гавриил приехал не один, он захватил с собой Ивана Болотина, родственника, тоже молоканина.

— Ну я этому проповеднику дам пить, — усмехался всю дорогу Болотин. — Я преподнесу ему такие вопросы, на которые он не ответит...

Беседуя же с Гавриилом, Павлов был немногословен.

— Кто Вы по убеждению? — спросил он.

— Молоканин.

— Любите ли Вы Христа?

— Я этого не знаю.

— А любит ли Вас Христос?

— Кто же это может знать, — неуверенно пожимал плечами Гавриил. "Станный человек этот проповедник, — размышлял наедине Гавриил. — Любит ли меня Христос? Да об этом и подумать-то грешно. Разве я был на небе?"

Увидев Ивана Болотина, Гавриил поинтересовался, говорил ли он с Павловым?

— Он все мои вопросы сразу разрешил, — довольно улыбаясь, сказал Болотин. Он показал раскрытую записную книжку. Там против каждого вопроса стоял жирный крестик.

Прощаясь со своими новыми знакомыми, Павлов попросил всем вместе спеть гимн: "Христос, под каким игом Ты голову склонил" и, напутствуя в дорогу, сказал: — Молитесь Богу и Он откроет вам спасение.

Через несколько дней Гавриил пережил сознательное обращение к Богу. Он покался в кладовке, и уверенность в том, что Бог простил все его грехи, что он теперь чадо Божие, наследие Иисуса Христа, уже никогда не покидала его.

Одно из самых отрадных воспоминаний оставил у Василия Гурьевича Петербургский съезд верующих евангельского направления, организованный В.А. Пашковым и М.М. Корфом в апреле 1884 года, куда Павлов и Кальвейт были приглашены как представители Тифлисской общины. Павлова поразила необычная атмосфера съезда. Она была начисто лишена строгой официальности. Никакие подробные программы заранее не объявлялись, поэтому каждый, кто чувствовал побуждение, вставал и говорил. Павлов увидел на съезде известных духовных, работников: доктора Бедекера и Радклифа из Англии, Каргеля из Болгарии, американского миссионера Истена, тут же были представители разных общин со всей обширной Российской империи: Либиг из Одессы, Ондри из Волынской губернии, Вилер, Балахин, Колодин из Таврии, Рябошапка, Ратушный.

Какую же цель преследовали устроители съезда, собрав в Петербурге около ста верующих? Пережив духовное возрождение и искренне следуя за Христом, петербургские аристократы В. Пашков и М.М. Корф возревновали о деле единства всех живых христиан: "Не кажется ли вам, дорогие братья, что надлежит, нам, членам тела Христова, напоенным одним духом и составляющим одно тело с Ним, — нам, которые призваны к общению с Отцом и Сыном, вспомнить, что Христос жаждет единства единого Его Тела — писали они накануне съезда, направляя приглашения во все

Христос жаждет совершения, единства единого Его тела, — сказал Он накануне съезда, направляя приглашения во все концы России.

— Если от нас не зависит совершение единства всей земной церкви, то, по крайней мере, мы обязаны способствовать объединению Церкви Христовой там, где Господь нас поставил. Вспомните, братья, что Христос умер для того, "чтобы и рассеянных чад Божиих, собрать воедино", чтобы создать из них одно стадо, имеющее, одного Пастыря. Да соберет же Господь нас вокруг Себя с тем, чтобы научить нас охранять единство духа в союзе мира"...

Братская любовь и уважение царили с самого начала съезда. Проповедники разных христианских направлений свободно обменивались мнениями о единстве детей Божиих. Когда Павлов попросил слова, все разом затихли. Негромкий, но твердый голос с задушевными интонациями, крепкая, плотная фигура, сосредоточенный взгляд выдавали в нем человека основательного, который не склонен размениваться по мелочам и тратить время на пустопорожние разговоры.

"И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах," — медленно, четко выговаривая каждое слово, прочитал Павлов о жизни первоапостольской церкви.

— Дорогие братья, кто произвел единство у тогдашних христиан? — чуть повысив голос, спросил он; — Дух ; Святой. Он излил в сердца верующих любовь Божию. Учение Христа и апостолов было надежным основанием, на котором Дух Божий возводил стройное здание Церкви Христовой. Будем просить излияния Духа Святого, дабы Он помог нам устроить дом духовный по воле Господа Иисуса Христа...

В отдельных вопросах Павлов держался строгой принципиальности. Могут ли верующие совместно участвовать в хлебопреломлении, если они имеют разные взгляды на водное крещение? Неограниченный подход к совершению вечери Господней смущал В.Г. Павлова. Когда в доме княгини Ливен проводилось собрание с хлебопреломлением, Павлов и другие баптисты воздержались от участия в святой вечере, так как многие делегаты не принимали еще сознательного крещения по вере.

Размышляя о путях церковного домостроительства, участники съезда не допускали унижения друг друга. Пашков, Бедкер, Радклиф предложили оставить обсуждение вопроса о водном крещении, опасаясь, что словопрения могут привести к взаимному неудовольствию. Дух евангельского братолюбия размывал даже сословные перегородки. На общих обедах у княгини Ливен и графа Корфа мужики-крестьяне сидели рядом с богатыми вельможами, а знатные дамы служили простым братьям.

Неожиданно благословенные дни радости сменились днями печали. Возвращаясь с очередного заседания в гостиницу, братья увидели странную картину: двери в их комнатах были распахнуты настежь, а внутри, громко ругаясь, орудовали полицейские. Они перевернули все вещи постояльцев.

— Скажите, что вы ищете? — робко спрашивали непрошенных гостей подбежавшие братья.

— Вопросы будем задавать мы, — огрызнулись вспотевшие полицейские. — У нас есть указание арестовать вас всех.

После допроса в Петропавловской крепости приезжим предъявили обвинения в нигилизме в хранении печатных писем и

После допроса в Петропавловской крепости приезжая предвзвешенно обвинила в шпионаже, в краже и в тайных письмах и документов тайных организаций. У Павлова во время обыска был изъят личный дневник, заметки из которого впоследствии использовал священник Рождественский в книге "Южнорусский штундизм".

Суд не мог доказать явно абсурдные обвинения и, ссылаясь на то, что привлеченные к ответу не имеют законного дела в Петербурге, предложил им немедленно покинуть столицу. На первый день Пасхи в тюрьму в сопровождении жандармов явился градоначальник и, лицемерно поздравив арестованных с праздником, приказал следовать на вокзал и отправляться по домам.

Взяв у каждого деньги, жандарм купил билеты до места жительства и тщательно наблюдал за посадкой в вагоны.

В.А. Пашков и М.М. Корф ничего не знали о злоклочениях делегатов. Отсутствие братьев их сильно огорчило. Недоумение рассеял гость с Кавказа. Ему удалось купить билет в Ригу, на первой же станции он сошел с поезда и вернулся в Петербург, чтобы поведать о случившемся. Чуть позже выяснилось, что донос о предстоящем съезде направил в полицию Нововасильевский священник.

Несмотря на все трудности, кратковременная Петербургская встреча детей Божиих послужила для них своего рода "университетом взаимопонимания".

"Вспоминаю первый съезд при брате В.А. Пашкове. Хотя съезд вынужден был тогда закончиться раньше, чем следовало, он все-таки не остался безрезультатным, — отмечал В.Г. Павлов. — Мысль о единстве, несомненно, сделалась ближе сердцам русских верующих и связь не формальная, а духовная все время существовала и не прекращалась".

Знакомство Василия Гурьевича с Пашковым завязалось намного раньше Петербургского съезда. Павлов получал от него духовную литературу, вел дружескую переписку. Василий Гурьевич сильно переживал по поводу того, что встреча верующих оказалась незавершенной. В начале мая 1884 года он отсылает Пашкову письмо: "Пребывание мое среди Вас оставило в душе моей неизгладимое впечатление о любви Вашей к Господу и ко всем святым, так что я благодарю Бога, что Он позволил мне познакомиться с Вами. Со своей стороны могу уверить Вас, что я весьма сердечно люблю Вас любовью во Христе и если мы не могли согласиться во всем, то это все же не мешает нам любить друг друга. Одно нам жаль, что нас так неожиданно выслали и не позволили пожать Вам руку".

Через год Павлов и его сотрудники устраивают во Владикавказе съезд южноукраинских и кавказских баптистов. Множество сложных тем, связанных с семейной жизнью, с хлебопреломлением, обсуждалось братьями. Семнадцать проповедников съезд выдвинул на дело благовестил. Павлов лично посетил общины Самарской, Могилевской, Херсонской и Киевской губерний. Верующие селения Любомирка, где жил Иван Рябошапка, из-за постоянных столкновений с полицией встречали Павлова в клуне.

Как только Василий Гурьевич вышел на проповедь, в дверях замаячила широкоплечая фигура местного урядника. Загородив собой проход, он переписал всех верующих, а Павлова взял под арест в сельское правление. На другой день полицейские чины принудили Павлова следовать по строго определенному маршруту.

В городе Елисаветполе ему пришлось ночевать в квартире сторожа. Когда жена сторожа услышала разговоры о

В городе Елизаветполе ему пришлось пожить в квартире сторожа. Когда жена сторожа услышала разговоры о штундистах, ей стало не по себе, она сильно заволновалась. С расширенными от ужаса глазами, она уверяла Павлова, что когда штундисты начинают свои собрания, они ставят посреди хаты кадку с водой и водят хоровод вокруг нее. В полночь из кадки вылезает дьявол и оделяет всех деньгами. Павлов как мог убеждал невежественную женщину, что подобные рассказы никакого отношения к штундистам не имеют.

Исправник, не возвращая Василию Гурьевичу паспорта, приказал ему двигаться в Одессу, сказав, что все его дела переданы туда. В Одессе Павлов целую неделю каждый день являлся в консисторию, где ему равнодушно говорили: "приди завтра". Бесплодное хождение и отсутствие средств для существования вынудили его сесть на ближайший пароход и уехать домой в Тифлис. Дорожный привод в полицию так и остался без всяких последствий.

Жаркую баталию перенес Павлов летом 1886 года в Ростове-на-Дону. Там по просьбе брата Савина, священника Руднева и профессора Кутенева состоялся публичный диспут о крещении младенцев и миропомазании. Соборную площадь запрудила тысячная толпа народа. Собеседование происходило за церковной оградой в школьном помещении, куда могли поместиться только сто человек. Любопытствующие горожане осаждали окна и двери дома, откуда доносился уверенный голос проповедника. Павлов, ссылаясь на слова Иисуса Христа, доказывал преимущество осмысленного крещения. Он объяснял, что Бог ценит не бессознательные обряды, но благочестивую жизнь.

Фанатично настроенные слушатели яростно закричали: "Сектант! Еретик! Вон отсюда!"

Заметив, что дюжие мужики уже засучивают рукава, приготавливаясь к избиению, Павлов через запасную дверь выскочил из дома и, сев на дрожки, выбрался подальше от разгоряченного люда. Обнаружив, что возмутитель исчез, толпа двинулась к дому Савиных, требуя выдать неугомонного сектанта. Охраняемый Божьей десницей, Павлов в тот же день незаметно покинул Ростов. Ростовское приключение не было новинкой для Василия Гурьевича. И ранее оказывался он жертвой обстоятельств, которые можно обозначить словами апостола Павла: "... мы были стеснены отвсюду: отвне — нападения, внутри — страхи". 2 Кор. 7,5.

Иван Лисицын из Одессы, у которого Василию Гурьевичу доводилось останавливаться, много лет спустя рассказал на страницах журнала "Слово Истины" о необычном богослужении с участием Павлова. Евангельское собрание проводили в пекарне, где работал Лисицын с Вилером. Жители города, узнав о сектантской сходке, всем миром вышли искоренять непослушных штундистов.

"Толпа набралась громадная. Вся площадь была запружена народом. Толпа вела себя беспокойно, — пишет Лисицын. — От напора людей в помещении трещали окна. Но мы все же собрание благополучно довели до конца. Чтобы избавить гостя от беды, я и говорю ему: — Василий Гурьевич, пойдемте, я проведу Вас черным ходом. — Не надо. Если случится что, то Господь пошлет Своих двенадцать легионов ангелов и они защитят меня. Сказав это, он надел свое пальто, котелок и вышел на улицу, прямо в шумливую толпу. Люди расступились и пропустили его молча. Он скрылся благополучно. Их обманул его господский вид. Они, видно, не думали, что "барин" был штундист".

Ненадежным убежищем для Павлова стал и город Тифлис. Обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев в личном докладе государю Александру III требовал жестоких мер против Павлова, характеризуя его личность как опасную и вреднейшую для русской государственности и православной церкви. А экзарх Грузии Павел еще в 1885 году призывал

предвещую для русской государственности и православной церкви. 11 октября 1899 года Павлов еще в 1899 году привели объявить его проповедническое служение вне закона: "Обязать оставить пропагандистскую деятельность и заниматься исключительно делами своей гражданской профессии. Следует поручить его строжайшему полицейскому надзору, обязав при этом жить в одном определенном месте".

Надзор за Павловым был установлен самый тщательный. "Быть может за хребтом Кавказа укроюсь от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей", — томился в свое время от полицейской слежки Лермонтов. Сердечным мечтам опального поэта не суждено было сбыться. Вольнолюбивый проповедник Христовой истины для властей предержавших и церковной бюрократии был так же опасен, как и певец свободы Михаил Лермонтов. Армия ретивых служак буквально следовала по пятам Василия Гурьевича, не спуская с него бдительных глаз.

Надо отдать должное служебному рвению полицейских чинов. Благодаря их скрупулезной работе, современный биограф может обнаружить очень интересные штрихи к портрету исторической личности. Многолетний труд сотрудника Кавказской канцелярии внутренних дел В.А. Валькевича "Записка о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе", завершённый в 1900 году и обозначенный грифом "Совершенно секретно", содержит примечательную характеристику деятельности В.Г. Павлова.

"Это, бесспорно, самый выдающийся из баптистских миссионеров, — заключает Валькевич. — Павлов обладает незаурядными пропагандистскими способностями, особенно даром слова, благодаря которому ему в Тифлисе удалось свратить несколько лиц из Тифлисской интеллигенции — учителя гимназии Тресковского, учительниц Е. Кирхнер и сестер Э. и Л. Жако, дочь подполковника Е. Беклемишеву, дочь чиновника Е. Разумову. По отзыву одного из православных миссионеров, сектанты во Владикавказе, несмотря на свою многочисленность, ввиду энергичной деятельности православного духовенства падали духом в отсутствие Павлова и не решались выступать в беседах, а с его появлением вновь обнаруживали энергию и фанатизм".

Тифлиссские власти сняли Павлова с официальной регистрации и запретили богослужебные собрания баптистов. Верующие отыскивали себе другой зал поменьше, в глухом месте на городской окраине. Несмотря на растущие препятствия, они продолжали неотступно молиться Богу, уповая на Его волю.

Ссылка в Оренбург

— За распространение учения штунды, баптизма Павлов, Амирханьянц, Воронин подлежат высылке на четыре года под надзор полиции в распоряжение Оренбургского губернатора, — медленно читал вслух государственную бумагу пристав, поднимая голову после каждого слова и оцупывая Павлова долгим властным взглядом.

Рядом с Василием Гурьевичем безучастно сидел сонный городской, который спозаранку привел его в участок. Чуть позже в полицию доставили Амирханьянца, Воронина тоже усердно искали, но он куда-то отлучился из дома. Огласив указ высших властей, пристав сразу же приказал отправить Павлова и Амирханьянца в тюрьму.

Ловкие надзиратели, бесцеремонно раздев новопривывших, облачили их в грубую арестантскую одежду. Втолкнув в камеру, им указали на голые нары из больших неструганных досок.

— За что упекли-то? — хмуро спрашивали заключенные, встречая благообразных арестантов.

— Мы проповедники Евангелия, исповедуем веру во Христа...

— Неужто за веру и в каталажку? — недоумевали русские сокамерники. — Поди разберись тут... Ни за что, ни про что хватают... Тяжко жить на белом свете...

Обитатели камеры из коренного населения молчали, но к беседам о Христе прислушивались с почтением.

Наступающая ночь не предвещала отдыха. Жесткое ложе было сущей пыткой. Вместо подушек пришлось класть под голову башмаки. Столь суровое заточение продолжалось недолго, всего два дня. По ходатайству друзей, Павлова и Амирханьянца переместили в помещение, где условия были немного лучше. Почти ежедневно арестанты могли радоваться свиданию с родственниками и знакомыми. Дополнительные прошения, поданные влиятельными лицами властям, позволили через десять дней освободить Павлова и Амирханьянца из тюрьмы. В далекую ссылку предстояло ехать за свой счет под непосредственным полицейским присмотром.

Дождливой весной 1887 года площадь перед домом, где собирались баптисты, быстро заполнялась народом. Павлов, Воронин и Амирханьянец, облокотившись на повозку, стояли у парадного входа. Неподалеку, косясь на толпу, прохаживался угрюмый полицейский. Отыскав глазами знакомые лица, братья кротко улыбались и махали руками.

— Довольно, довольно, — начальственно гаркнул подошедший полицейский. — Ишь развеселились... Истекло ваше времечко...

Вслед за повозкой тронулись провожающие. Их было так много, что вереница растянулась по всей улице. Требуя прибавить ходу, полицейский толкал извозчика в бок до тех пор, пока тифлисцы не скрылись из виду провожающих. За городом повозку все-таки догнали несколько фаэтонов с друзьями. Ссылные еле-еле уговорили полицейского остановиться для последнего прощания. Прощались по апостольскому обычаю. Упав на колени, братья в слезных молитвах просили Бога благословить их путь в неведомые земли.

От сильного холода на горных дорогах заболел лихорадкой и воспалением глаз малолетний ребенок Павлова. Сделать остановку было невозможно, и родители, опасаясь за жизнь ребенка, лечили его, как могли. Кое-какую помощь оказали владикавказские братья. Они сумели встретить ссылных за пределами города.

От Владикавказа до Ростова добирались железнодорожным транспортом, оттуда пароходом по Дону до Калача. Выехав поездом к Волге, снова пересели на пароход и достигли Самары. В Оренбург прибыли по железной дороге в конце апреля.

Оренбург, а его окрестности и степи за рекой Урал в особенности, были населены тюркскими племенами киргизов/Огромные табуны киргизских лошадей пасутся в степях круглый год. Зимой они разгребают ногами снег и едят сухую траву. Морозы после оттепели действуют на животных губительно. Невозможность достать корм из под ледяного панциря приводит к неисчислимым потерям породистых скакунов.

Летом на базарах скупают проворные киргизские повозки с пролявцами кумыса. Пелебный напиток интересен многим, но не

Система на базарах служит проверкой киргизских новоселов с продавцами кумыса. Действительный интересуют многих, но не каждый европеец решается отведать его. Дело в том, что киргизы хранят кумыс в турсуках, специальных мешках, сделанных из лошадиного меха волосами внутрь. Чувство брезгливости удается преодолеть только смельчакам и местным жителям. Люди, страдающие чахоткой, обходят базарных торговцев и пьют кумыс в лечебницах, где условия его приготовления соответствуют гигиеническим нормам.

С азиатским и восточным бытом Оренбургские новоселы сталкивались и в Тифлисе, но здесь на каждом шагу они наблюдали новые обычаи и традиции. Интересно было видеть, как на медлительных верблюдах не только перевозили тяжести, но и пахали и молотили, как на лошадях. Привыкшие к оседлой жизни киргизы строят около города глиняные хижинки, сеют пшеницу и просо. Киргизы-кочевники находят себе прибежище прямо в степи, наскоро устраивая круглые войлочные кибитки. И киргизы, и татары исповедуют мусульманскую веру. Однако татары считают киргизов не истинными последователями ислама за то, что киргизские женщины ходят с открытым лицом, да и к многоженству у киргизов нет тяготения. Забота русского правительства о благе этих народов выражалась только в открытии нескольких школ, где киргизы изучают все предметы на русском языке. Киргизы с образованием практически не могут жить среди своих кочующих соплеменников и работают чиновниками в русских учреждениях. Не проникаясь глубоко магометанством, основное население пребывает в полном невежестве в вопросах веры.

"Если бы правительство позволило мне проповедовать Евангелие этим людям, — размышлял Павлов, знакомясь с окружающей жизнью. — Свет Христа устранял бы темное невежество, но государственный закон гласит, что миссия между инородцами — это привилегия православной церкви. Фанатичные мусульмане не послушают и православных миссионеров. Они ни за что не смиряются с иконопочитанием, иконы они считают идолами и православных называют идолопоклонниками".

О приезде ссыльных баптистов в Оренбург слышали молокане, живущие в селении Гумбет. Они явились на беседу большой группой и целый день толковали о важнейших принципах христианского учения. Двое молокан пришли к убеждению, что водное крещение есть воля Божия.

Амирханьянц часто встречался с магометанскими муллами. Муллы легко и заинтересованно поддерживали разговор на ветхозаветные темы, так как Ветхий Завет входит в состав Корана и многие библейские события им хорошо знакомы. Стоило только Амирханьянцу перейти к личности Христа, к Евангелию, в глазах мулл сразу появлялась настороженность. Они неопределенно качали головой и скороговоркой произносили: "Исса ваш пророк, наш Магомет"...

Кроме христианской просветительской работы Амирханьянц взял на себя большой научно-просветительский труд. Он переводил Библию на турецко-адербейфлянское наречие, желая дать Писание кавказским татарам. Павлов же занимался земледелием, а свободное время отдавал семье. К концу ссылки Воронин и Павлов распрощались с Амирханьянцем. Он получил разрешение посетить конгресс ученых-востоковедов в Копенгагене.

7 февраля 1891 года завершился срок Оренбургского жития Павлова, но сразу отправиться на родину он не смог, денежных средств не хватило бы до Тифлиса, да и жена сильно занемогла после тяжелых родов. Все деньги ушли на лечение, благо еще, что хозяин-еврей оказался добросердечным человеком. Не требуя платы за жилье, он иногда давал ссыльным квартирантам деньги взаймы. В октябре предыдущего года Василий Гурьевич получил из церковной кассы двести рублей на путевые расходы, но вся эта сумма пошла только на покрытие долгов. Здоровье жены к весне улучшилось, она стала кое-что делать по хозяйству. До ее выздоровления почти все домашние дела лежали на плечах Василия Гурьевича. Изредка приходили друзья из молоканской общины помочь Павлову в бытовых затруднениях.

Наступил наконец день, когда обрадованный Василий Гурьевич сообщил жене, что получено жалование от Онкена и теперь они могут тронуться в путь. Денег, правда, хватит только до Ростова, но там они займут у местных братьев. В Воронеже семейству Павловых пришлось сделать вынужденную остановку из-за болезни грудного ребенка Миши. Врач нашел у него лихорадку. Как только здоровье малыша поправилось, они поехали дальше.

Турецкая гостиница в Ростове, где разместились Павловы, располагалась напротив собора. Это место было выбрано не случайно, так как здесь обычно останавливались баптисты и молокане. Надежда не обманула постояльцев. Прямо в дверях гостиницы Павловы столкнулись с Анной Яковлевной Мазаевой. Радостно поприветствовав путников, она тут же отвела Василия Гурьевича к Дею Ивановичу. Мазаев долго расспрашивал Павлова обо всех мытарствах. Василий Гурьевич сдержанно и кратко отвечал на вопросы, попутно намекая на то, что некоторые переживания не коснулись бы его, окажись среди братского союза больше ревности к делам благотворения.

— Недовольных много, — оправдывался Мазаев, — с Ворониным у вас натянутые отношения, полного мира нет, слухи всякие худые блуждают про тебя, Василий..

Через сутки, заняв у Мазаева и Савина деньги, Павловы выехали из Ростова. Во Владикавказе их встретил Иван Николаевич Скороходов, тесть Василия Гурьевича, и Степан Антонович Проханов. После утомительной дороги приятно было провести время в кругу родных и близких. Свободных мест на почтовой станции в сторону Тифлиса не было и отдых растянулся на несколько дней.

Два раза Павловы посещали Богослужение местной общины, но проповедовать Василий Гурьевич решительно отказывался, объясняя это тем, что среди владикавказских верующих рождались соблазнительные фантазии о якобы роскошной жизни ссыльных в Оренбурге.

Вечером 2 апреля почтовый экипаж доставил Павловых в Тифлис. О дне приезда Василия Гурьевича многие не знали, он и не хотел, чтобы кто-то его встречал, в глубине души лежал неприятный осадок — ведь мало кто из целой общины позаботился о нуждах его семейства. Один только брат Леушкин не утерял христианского радушия. Он заблаговременно писал Василию Гурьевичу, приглашая его к себе. У Леушкина не было собственного жилья, он снимал квартиру на Песковской улице в доме Грецингера.

— В тесноте не в обиде, — бойко приговаривал Леушкин, принимая измученных странников. — Где Дух Господен, там свободно и просторно.

— Да воздаст тебе Христос, брат, за доброту твою, — вытирая набежавшую слезу, тихо сказал Василий Гурьевич.

На воскресном богослужении глаза всех тянулись к хорошо знакомому в Тифлисе проповеднику. Держа в руках большую раскрытую Библию, Павлов неторопливо говорил на тему сто двадцать пятого Псалма о плене Сиона: — Учение Христа и простой человеческий опыт убеждают нас в том, что изгнание — это удел всех, кто искренне последовал за Высшей Правдой. Должны ли мы печалиться и отчаиваться по этому поводу?

— Нет. Слово Божие обещает нам великую радость и награду в Царстве Отца Небесного...

Прямота суждений Василия Гурьевича одних отталкивала, а у других вызывала уважение. В кругу тифлисских братьев он откровенно заявлял, что по причине нерадения служителей он едва добрался до родных мест.

— Я не смогу всецело посвятить себя духовному служению, если не буду иметь хотя бы минимум прожиточных средств, — признался он. — Когда наша община была бедна, то я трудился и служил ей безвозмездно, но теперь, когда присоединились такие братья, которые имеют десятки тысяч годового дохода, то ради развития дела Божия община в состоянии материально поддерживать своих работников.

Выслушивая рассуждения Василия Гурьевича, зажиточные члены церкви долго шептались между собой, пожимая плечами. Здравый реалистический подход Павлова к труду на ниве Божией пришелся им не по душе,

В местном полицейском управлении Василий Гурьевич тоже держал разговор начистоту. Он явился туда для отметки проходного свидетельства.

— Вы опять намерены заниматься проповедничеством? — рассматривая документы, спросил полицмейстер Мастицкий.

— Наши собрания дозволены законом и на них мы читаем Слово Божие, — спокойно ответил Павлов.

— Никаких собраний не полагается, — грубо отрезал Мастицкий. — Я предупреждаю Вас! В противном случае церемониться не будем... Ступайте!

Через два дня Павлова вызвали к помощнику пристава Амбардинову.

— Господином полицмейстером мне приказано взять с Вас подписку о прекращении сектантской пропаганды, — сразу излагая суть дела, встретил его блюститель порядка.

— Это не в моих силах.

— Как? Почему? — удивился Амбардинов.

— Я христианин и возвещаю не мое учение, но волю Божию. Христос говорит: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари". Могу ли я нарушить повеление Небесного Учителя?

— Дайте тогда Ваши объяснения в письменной форме, — попросил помощник пристава.

Павлов присел к столу и размашистым почерком заполнил чистый лист бумаги:

"Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку господину приставу восьмого Чугуретского участка в том, что на предложение дать подписку в том, чтобы не производить сектантской пропаганды, я отказался дать таковую, так как нахожу оную противной убеждениям моей совести".

Василий Гурьевич ушел из полиции, предчувствуя, что надвигается новая волна гонений.

Ожидания вскоре оправдались. По городу все сильнее носились слухи, что все сектантские собрания будут объявлены вне закона. Богдасаров, Кальвейг и Воронин встретив Павлова, подтвердили истинность слухов. Последние новости были неутешительны. Пристав уже несколько раз требовал освобождения молитвенного зала в доме Шмицен, угрожая составить на активных верующих протокол в неповиновении начальству. По указанию пристава служители общины должны были дать подписку в том, что они больше не будут собираться в этом помещении и в "частных домах". Ругая упрямых сектантов, пристав все-таки принял просьбу Воронина.

Обеспокоенная жена дома сообщила Василию Гурьевичу, что к нему несколько раз приходили из полиции. "Начальство требует, чтобы и моя рука была приложена к новому договору", — догадался Павлов.

Наскоро пообедав, он созвал братский совет в Куки, обсудив с друзьями вопрос о подписке. Было решено дать подписку, если не будет идти речь о собраниях в частных домах.

Когда Павлов пришел в участок, полицейский быстро сунул ему подготовленную бумагу. Там значилось, что сектантам воспрещено собираться в этом доме и что впредь они никаких богомолений производить не будут. Последнее выражение не понравилось Василию Гурьевичу, но на документе уже стояли подписи Родионова и Леушкина и Павлов поставил свою. Он внутренне успокоил себя тем, что в подписке говорилось только лишь о богослужениях в конкретном здании. Пристав же ожидал от Павлова еще и устных заверений о закрытии молитвенного собрания. Павлов был непреклонен.

— Несмотря ни на какие запреты мы будем совершать богослужения по частным домам, — решительно заявил он.

На другой день, в воскресенье, напротив квартиры Павлова крутился городской, наблюдая за парадным подъездом. К вечеру Василий Гурьевич известил братьев, чтобы они по возможности приехали в пригородные степи. Молитвенное служение провели на зеленой траве. Остальные дни собирались тайно, небольшими группами в разных частях города.

В связи с болезнью девочки, семья Павловых вскоре перебралась подальше от жары в горы, в русскую деревню Приют. Приехав в селение накануне Троицы, они сняли комнату у извозчика Александра Седенко. Дом и окрестности были сплошь окутаны пахучей зеленью. Чистый горный воздух, благоухающие ароматы действовали укрепляюще на здоровье. Бог не оставил семью Павлова в одиночестве. Приезд на лето в Приют с женами и детьми Кальвейга, Леушкина, Богдасарова был днем ликования и взаимного ободрения. То у одного, то у другого брата по воскресным дням звучали духовные гимны и пламенные молитвы. Благодаря и прославляя Бога, семьи утверждались в вере, что иго Христа — благо и бремя Его легко.

Арест и тюремный этап

Рано утром 5 августа Павлова разбудил громкий требовательный стук. Открыв дверь, он увидел сельского старосту.

— Собирайтесь, пристав Вас вызывает, сейчас же, — отрывисто бросил посетитель и, хлопнув калиткой, поспешно зашагал вдоль забора.

Сознавая, что его жизнь в Приюте была всего лишь временным затишьем, Василий Гурьевич все-таки не предполагал, что вскоре ему предстоит тяжкое и мучительное путешествие.

Когда пристав, зачитывая предписание, произнес слова: "Оренбург", "ссылка", Павлов вздрогнул, опустил голову, но быстро успокоился, взял себя в руки.

"Боже, укрепи. Не моя, но Твоя воля да будет, — внутренне молясь, смирился он. — Господи, научи как сказать жене, чтобы это известие не сломило ее".

Татьяна Ивановна плакала долго, Василий Гурьевич терпеливо утешал ее, приводя примеры из Библии о страдальческой жизни праведников.

Желая поскорее избавиться от подозрительных жителей, староста торопил Павловых. Василий Гурьевич нанял двое дрог, усадил жену с детьми и под конвоем стражника выехал в Тифлис. Сходная участь постигла Богдасарова и Леушкина. Богдасарова ожидала ссылка в Ахалкалаки, а Леушкина в Геокчай Бакинской губернии.

Татьяна Ивановна добиралась вместе с Василием Гурьевичем только до Тифлиса. Возле уездного полицейского управления стражник повел Павлова к своему начальству, а Татьяне Ивановне с малыми ребятами пришлось ехать на квартиру в дом брата Сосина.

Ознакомившись с бумагами, урядник отправил Павлова в управление полицмейстера. Вместо полицмейстера Василия Гурьевича встретил сухопарый секретарь и прочитал длинное распоряжение Департамента полиции о том, что министр внутренних дел постановил выслать Павлова на 4 года, считая начало срока с 14 июня 1891 года.

— Желаете ли Вы следовать в Оренбург за свой счет, в сопровождении двух городских? — осведомился секретарь.

— Я не знаю хватит ли у меня средств, я не видел никого из моих друзей. Позвольте мне переночевать эту ночь при полиции, — сказал Павлов.

Василия Гурьевича отвели во второй полицейский участок, но за неимением места опять отослали обратно. Наконец к полуночи его определили в пятый участок.

— За что же тебя арестовали, братец, — интересовались более добродушные полицейские. — На вору ю ты вроде бы не похож... О-о! Да я уже где-то видел тебя, — пристально всматриваясь в лицо Павлова, заметил один из них.

Полицейский не ошибся. До поступления на службу он жил на станции Павлодольской, куда раньше Павлов приезжал посещать верующих. Узнав о том, что арестант — баптистский проповедник, полицейский принес на следующий день

посещать верующих. Знав о том, что арестант... священник проповедник, полицейский присел на следующий день Библию.

Прижимая Книгу Жизни к груди, Павлов вслух помолился:

— Боже великий! Ты прислал мне духовную пищу, слава Тебе! Вразуми души тех, кто беседует со мной! Открой им спасение Твое!

Необычный заключенный понравился полицейским. Разговоры о Боге, о вечной жизни доставляли пользу Василию Гурьевичу и его охранникам. Читая Библию после бессонной ночи на голых нарах, кишачих блохами, Павлов чувствовал прилив новых сил и ободрение.

Полицейские слышали библейские рассказы только из уст батюшки, а тут им проповедовал человек без рясы и нагрудного креста. Несмотря на это, они все же проникались уважением к нему. По искренности и силе слова собеседника полицейские догадывались, что перед ними тоже слугитель Божий, но какого-то другого типа.

Близкие друзья и родственники старались чем-то облегчить участь Василия Гурьевича. Как-то утром в коридоре мелькнула фигура Богдасарова, но начальство не позволило им увидеться лицом к лицу. Павлов обменялся с ним только несколькими словами через дверь. К обеду приехала жена. Она привезла целую сумку съестных припасов. Еду Василию Гурьевичу кое-как передали, а на личное свидание наложили строгий запрет. Вечером у главного входа послышался еще один знакомый голос. Это была двоюродная сестра по матери Фима.

— Неужели нельзя повидать Василия?! Он же не разбойник! — громко кричала Фима. — К настоящим преступникам и то родных впускают... Где же справедливость?

— Не волнуйся, сестрица, — прижавшись к двери, — успокаивал ее из камеры Василий Гурьевич. — Темно тут, свежего воздуха мало, но я пока жив и здоров...

Седьмого августа, пригласив Павлова в управление пятого участка, пристав взял у него подписку в том, что распоряжение о высылке объявлено ему. Молоканин Петр Порошин на своем фаэтоне дежурил у подъезда, предлагая начальству отвезти Павлова безвозмездно, куда прикажут. Пристав заупрямился. Он велел найти такого извозчика, который не был бы знаком с Василием Гурьевичем. Один извозчик на вопрос полицейского, знает ли он Павлова, ответил отрицательно, хотя на самом деле часто видел его.

В тот же день Павлов оказался в тюрьме. Его поместили в секретную камеру на втором этаже. Снаружи древний замок представлял собой мрачное сооружение, зато в камере дышалось легко. Два больших окна выходили на Куру и оживленную часть города. В спокойных затонах неподвижно чернели лодки с нахохлившимися рыбаками, а на правом берегу Куры, гулко звякая сигнальными колоколами, сновали трамвайные конки.

"Жизнь кипит, а я сижу, как птица в клетке,— думал Василий Гурьевич. — За что? Совесть моя чиста, я желал добра людям".

На обед надзиратель принес порцию вареной фасоли с мелко накрошенными орехами. Принимая пищу, Павлов благодарил Бога за попечение и поддержку.

"Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое, а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь", — приходили на память слова апостола Петра, укрепляя в надежде на промысел Божий.

Восьмого августа Павлов покинул камеру Метехского замка. Вызвав в контору, ему дали 10 копеек, заставили расписаться и сдали двум городовым.

— На вокзал велено доставить тебя, — сообщили полицейские, подводя Василия Гурьевича к фаэтону.

Проезжая мимо дома Капрановых, Павлов просил охранников остановиться и позвать хозяина. Городовые оказались на редкость добросердечными и быстро исполнили просьбу. Вместе с Капрановым Василий Гурьевич увидел свою жену. По бледному осунувшемуся лицу Татьяны Ивановны катились слезы. На днях еще одно горе свалилось. Она пришла к сестре по случаю похорон племянницы.

— Меня везут на вокзал, — успел сказать родным Василий Гурьевич. — Вы не ходите туда. Не дадут вам со мной увидеться. Прощайте! Бог с вами!

До прибытия поезда Павлова с городовыми держали взаперти в жандармской комнате. Когда раздались частые паровозные свистки, в помещение вошел помощник пристава пятого участка и вручил охранникам билеты на проезд до Батума. Следом за приставом явились шесть жандармов и, окружив кольцом арестанта, повели его на другую сторону поезда. Несмотря на полицейские предосторожности, друзья и родственники все-таки пришли на вокзал и узнали местонахождение Павлова. Из вагонного окна, прикрытого жалюзи, Василий Гурьевич видел как они метались по перрону, желая проститься с ним. Одинок стояла убитая горем жена Павлова, скользя усталым взглядом по вагону.

Бравый пристав, руководивший посадкой, вошел на несколько минут в вагон с двумя пышно разодетыми дамами. Самодовольно улыбаясь, он презрительно показывал пальцами на арестанта. Дамы громко и беззаботно смеялись. Отвернувшись от веселой компании, Павлов еще сильнее прижался к окну, выискивая глазами в толпе жену и друзей. На душе стало легче, когда среди пассажиров вдруг показались знакомые лица. В одном вагоне с ним ехали Фефелов, Порошин и Богдасаров. Уговорив полицейских, они вступили в непосредственный разговор с Василием Гурьевичем. На станции Гори Тиг Алексеевич Фефелов на прощание угостил всех сытным обедом. Они сошли вместе с Порошиным, а Богдасаров сопровождал Василия Гурьевича до Батума. Богдасаров от себя и от брата Капранова передал Павлову деньги. У Василия Гурьевича было всего двадцать копеек в кармане.

Деловитый Батумский полицмейстер торопливо ознакомил Василия Гурьевича с предписанием, в котором значилось, что отправка в Оренбург будет осуществляться этапным порядком, под строгим наблюдением во избежание демонстраций со стороны единомышленников.

Вечером к арестантскому помещению где содержался Павлов пришли Богдасаров и Анастасия Мазаева. Охранники

Вечером в арестантском помещенье, где содержался Павлов, пришли Богдасаров и Анастасия Мазаева. Служанки позволили им передать продукты голодному узнику. До наступления ночи Василия Гурьевича переправили в Батумскую тюрьму. Отобрав при обыске все деньги, надзиратели заключили Павлова в угловую одиночную камеру. Из окна был виден тюремный двор, просматривалась синяя полоска моря и лесистые склоны гор.

Потянулись тягостные дни и ночи. На обед давали кусок хлеба и вареную фасоль, а вечером приносили только горячую воду. Пачка чая, доставленная Богдасаровым, здесь очень пригодилась. Короткие получасовые прогулки на воздухе чуть-чуть снимали утомление. Удрученное состояние сильно усугублялось бездействием. Под рукой не было ни книг, ни бумаги. Богдасаров пытался в управлении передать Василию Гурьевичу Новый Завет, но ему не разрешили. Павлов, шагая взад-вперед по камере, напрягал память и мысленно прочитывал целые главы из Священного Писания. Однажды одиночество Василия Гурьевича нарушили семь пересыльных арестантов. Их продержали с Павловым всего одну ночь. Тесная камера загудела от гортанных возгласов. Среди новых соседей Василия Гурьевича были и русские: матрос Беляев и Федор Гладких из Воронежской губернии.

Небесный Отец заботился о нуждах Павлова через семейство Федора Мазаева. Супруга Мазаева и дочери несли почти круглосуточное дежурство у тюрьмы. Благодаря их христианской любви Василий Гурьевич не испытывал голода, они приносили ему разнообразную пищу и фрукты.

Как-то начальство вызвало Павлова во двор. Василий Гурьевич не поверил своим глазам. У ворот с двумя детьми стояла его жена и Агафья Мазаева.

— Вот, проститься приехали, — покачивая на руках грудного младенца, кротко сказала Татьяна Ивановна. — Троих дома оставила...

— Как ты сюда добралась-то? — крепко обнимая жену и детей, радовался Павлов.

— У помощника прокурора была, просила, умоляла...

— Нынче отправление. С пристани. Ну что ж, предадим нашу жизнь в руки Господа... Будем следовать за Христом до конца! Слава Ему за все!

Татьяна Ивановна, плача, согласно кивала ему головой.

После обеда всех этаплируемых согнали на открытое место во дворе. Солдаты, грубо толкая каждого по плечу, усадили их в четыре ряда на корточки перед старшим унтер-офицером. Офицер начал проводить переключку и давать указания на личный обыск. Охранники проворно выворачивали карманы у заключенных, выбрасывая табак, мыло и другие предметы. Более часа продолжалась унижительная процедура. Наконец офицер, построив заключенных в колонну, зычно скомандовал:

— Вперед!

Вопота тюрьмы с тяжелым скрипом распахнулись и необычная процессия двинулась к морскому побережью. Жена

Василия Гурьевича не отходила от тюрьмы во время проверки, но внутрь двора ее не пустили и она чуть раньше пошла в сторону паровой пристани.

— Прощай, Татьяна, — крикнул Василий Гурьевич, когда колонна поравнялась с женой. — Детей береги! Молись за меня!

Заклоченных вели очень быстро и Татьяна Ивановна почти бежала следом, махая рукой.

Оказавшись на пароходе, Василий Гурьевич попросил у начальника конвоя разрешения допустить жену и Мазаеву.

— Пусть заходят, — согласился начальник. — Я вас знаю, вы люди неопасные...

Целый час просидел на палубе Василий Гурьевич, беседуя с провожающими.

— Тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, — твердо сказал напоследок Василий Гурьевич. — Пусть хранит вас Господь, дорогие мои...

Вытирая платком слезы, женщины сошли на пристань. Пароход отчаливал в темноте при свете огней. Схватившись за поручни, Павлов долго смотрел на две худенькие фигурки, печально застывшие на пристани под красным светом фонаря.

Теплая летняя ночь окутала пароход. Перебирая мысленно события дня, Павлов никак не мог уснуть, да и само морское путешествие в такую великолепную погоду не располагало ко сну. Темные очертания гор, похожие на гигантских животных, мерцающий глаз Батумского маяка, ласковые звезды на огромном небосводе, мягкий ветер с соленым привкусом, — все дышало какой-то глубокой и мудрой тайной, сокрытой от людей, но ведомой Творцу неба и земли.

С Черным морем Павлов познакомился еще в юношеские годы. Тогда он плыл из Поти в Одессу, направляясь в Гамбург.

Сделав краткие остановки в портах Сухуми, Нового Афона, Сочи, Адлера, на третий день пароход прибыл в Новороссийск. Около трех верст шагали пешком заключенные до тюрьмы. Каменные стены, ограждавшие тюрьму, были выше основного одноэтажного здания. По сравнению с Батумской тюрьмой здесь арестанты чувствовали себя намного вольготнее. Можно было весь день свободно гулять по тюремному двору. Только на ночь, после проверки, запирали в большие общие камеры. Пища же была совсем никудышная. На семьдесят человек арестантов варили одну бычью голову и давали немного сырого ржаного хлеба.

Двадцать девятого августа снова в путь. На этот раз всех посадили в специальный арестантский вагон, сковав попарно ручными кандалами. Дорогой не дозволялось ни вставать, ни разговаривать друг с другом.

С Ростовского вокзала арестантов гнали по улице мимо торговой лавки Андрея Савина. Павлов не сводил глаз с домика, надеясь увидеть знакомых, но в лавке и рядом с ней никто не показывался.

Как только вошли в тюрьму к Василию Гурьевичу приступил староста, требуя денег за вынос "папани". Павлов отлап

Деньги беспрекословно, зная, что в противном случае арестанты сами обыщут новенького и отберут. Пожаловаться тоже нельзя, потому что тогда начальство будет допытываться о причине несдачи денег в контору. У тюремного старосты звенели кандалы на руках и ногах. Он убил армянского священника в городе Нахичевани и был приговорен к каторжным работам в Сибирь. Арестанты часто устраивали взаимную куплю-продажу необходимых вещей. Василий Гурьевич купил у татарина маленькую подушечку. Жесткая тюремная постель стала чуть приятнее.

Шестого сентября, выдав каждому по куску вареного мяса и хлеба, арестантов опять сковали попарно и повезли в Новочеркасск. Новочеркасская тюрьма напоминала маленький завод. Там работали каретные и ткацкие мастерские, двор был просторный. Очень тяжело приходилось ночью. Из-за перегруженности камер негде главы преклонить. Подложив купленную подушечку под голову, Василий Гурьевич устроился прямо на кирпичном полу. Положение облегчалось тем, что в Новочеркасске провели всего одну ночь.

После Ростова еще долго кочевали по пересыльным тюрьмам Козлова, Ряжска, Пензы. В Ряжске Василий Гурьевич заболел лихорадкой. Из-за наступивших холодов и дождей болезнь долго не проходила, изнуряя Павлова почти до конца этапа.

Во второй половине сентября показались суровые Оренбургские степи.

Долина скорби

Первыми в Оренбургской тюрьме навестили Павлова молокане. Через двое суток Василия Гурьевича выпустили на поселение и он устроился в подвальном помещении у Лобачева.

Вскоре ссыльный увидел и баптистов из окрестных сел. Их лица светились изумлением и радостью.

— Брат, не унывай, это Господь опять тебя к нам прислал. Значит дело тут не dokonчено и тебе предстоит работать, — утешал Василия Гурьевича Левин Пчелинцев.

Труда на самом деле было много, духовная жатва поспевала прямо на глазах. Из ближних и далеких селений ехали к Василию Гурьевичу новообращенные с просьбой преподать им водное крещение.

Осенняя вода на реке Урал обжигала тело, сводила судорогой ноги, а Павлов терпеливо крестил группу за группой.

"Со времени моего прибытия сюда к общине присоединено мною 5, и одним братом 40, а всего 45 душ, — сообщал впоследствии Павлов Мартину Кальвейту, сосланному в Елисаветпольскую губернию под надзор полиции. — В текущем году на льду крещено еще 2 души. Таким образом, несмотря на гонения, Господь продолжает строить Свое Царство. Братья в Тифлисе слишком трусливы: они должны выказывать больше мужества и собираться, они еще ни разу не стояли перед судом и имеют закон на своей стороне. Моя жена пишет мне, что она никакой помощи от братьев в Тифлисе не получает и я был очень не доволен на тебя, что ты не передал ей мое жалованье, то есть должные мне 125 р., но ты и другие братья поставили ей опекуном Капранова. Из твоего письма я усматриваю также, что ты имеешь крайне невыгодное мнение о хозяйственных способностях моей жены. Я рад, что твоя жена в этом отношении лучше. Однако Господь позаботится другим способом обо мне и моей семье и я уже научился жрать всего не от людей но от Господа. Тем не менее забудем каждый взаимные обиды

мне и моей семье и я уже могу тебе ждать всего не от людей, но от Господа. Тем не менее заведем каждый свои дела и будем просить Господа, чтобы Он все более и более наполнял нас любовью. Наше положение таково, что мы должны друг друга утешать. Сердечно приветствую тебя и всех братьев в Господе".

Павлов помышляет не только о семье, его одновременно беспокоит и положение тифлисских верующих. Церковь по сути дела осталась без пастырей. Молитвенный дом был закрыт, местные власти всячески принуждали баптистов дать подписку об отказе проводить богослужебные собрания и не допускать проповеди Евангелия среди православного населения. Опасаясь гонений, верующие собирались маленькими группами по частным домам или же в пустынных окрестностях Тифлиса. "Мне кажется не следует унывать, но должно делать Господне дело и не слагать оружие, — рекомендует Павлов тифлисским собратьям в письме к Матвею Сосину. — Я советую всем братьям подать еще прошение министру внутренних дел и разъяснить, что местная полиция запрещает вам отправлять общественные богослужения вопреки закону от 3 мая 1883 г. Если и министр откажет, подать прошение на Высочайшее Имя. Если и Государь откажет, тогда нужно повиноваться более Небесному Царю, нежели земному. Лучше нам пострадать, чем оставлять собрания. Если подчиняться полиции, то как мы можем исполнить заповедь Спасителя о Святой вечере. А если бояться ссылки, то нужно отвергнуться Христа и тогда можно жить спокойно, богатеть, наслаждаться, но и тогда нечего ждать будущей славы. Если будете писать прошение, то нужно подписаться всем членам, богатым и бедным, а не вилить и не уклоняться. Если страдать, то страдать всем за дело Христово и стоять единомысленно за веру евангельскую. Конечно, могут сослать и еще некоторых, пусть даже всех сошлют. Что же мы потеряем? Земные блага, но у нас есть на небесах имение лучшее и непреходящее. Ссылка еще не есть потеря жизни, но древние христиане и на смерть шли за Христом, как на брачный пир! О, где дух первых христианских мучеников! Прощай, твой брат Василий Павлов".

Долгие зимние вечера Василий Гурьевич коротал один, без семьи. Его жена добралась до Оренбурга с пятью малыми ребятишками только в марте. С Пашей дорогой случилось несчастье: находясь в вагоне, мальчик от сильного толчка упал со скамейки и сломал себе правую руку. Хорошо, что по соседству ехал студент медицинской академии, который на ближайшей станции успел сделать ему первоначальную перевязку, а в Сызрани станционный доктор наложил на руку гипс.

К середине года нужда заставила Василия Гурьевича заняться хлебной торговлей. По причине сильного неурожая в Оренбурге недоставало хлеба. Кавказские братья Проханов и Савин прислали Павлову для продажи пшено и кукурузу. Торговые дела принесли Василию Гурьевичу только одни убытки, так как железная дорога была завалена грузами и хлеб доставили к тому времени, когда цены на него уже значительно упали. Да и к операциям коммерческого характера Василий Гурьевич не имел особой природной склонности.

Из-за болезни младшего ребенка Миши Василий Гурьевич вынужден был отправить жену и его в деревню. Спустя несколько дней пришлось отвезти туда же и Надю, которая тоже не отличалась крепким здоровьем.

Однажды, на исходе жаркого июльского дня отдыхая от текущих дел, Василий Гурьевич услышал частые торопливые шаги на лестнице. В квартиру вбежала вся заплаканная Верочка.

— Папа! Папа! — вздрагивая от рыданий, она бросилась на шею к отцу.

— Да что случилось!?! Что? — глядя девочку по голове, встревоженно допытывался Василий Гурьевич.

Вера захлебывалась от плача, ее тоненькие плечи дрожали и, наконец, закрыв лицо руками, она еле-еле выдавила:

— Надя утонула.

От этих страшных слов у Василия Гурьевича перехватило дыхание, он на мгновение потерял дар речи, какое-то время сидел как прикованный, прижимая к груди плачущую девочку. С большим усилием преодолев оцепенение, он запряг лошадь, поехал с Верочкой в деревню, которая находилась в пятнадцати верстах от Оренбурга.

Все это время Татьяна Ивановна, дожидаясь мужа, не находила себе места. От неожиданно свалившегося горя подкашивались ноги, болела голова, пропал аппетит. Встретив Василия Гурьевича, она несколько раз принималась рассказывать об обстоятельствах гибели Нади.

Еще не оправившись как следует от болезни, Надя просилась у матери на речку. Мать не отпускала ее, говоря, что она еще не совсем здорова. Надя продолжала настаивать на своем и мать, поддавшись на уговоры, все-таки отпустила ее. Она позволила Наде идти на речку вместе с подругой Лизой Уваровой, предупредив, что лучше купаться в верховьях реки — там места не глубокие. Надя пренебрегла советом матери, ей не хотелось идти в людное место. Расположившись на ближайшем берегу, Надя поспешно вошла в реку, дно было обрывистое, она поскользнулась и сразу ушла с головой под воду. Подруга закричала, несколько человек, находившихся поблизости, сразу же бросились спасать девочку, но все попытки оказались тщетными, даже тело уже невозможно было найти. Василию Гурьевичу посоветовали сходить в соседнюю деревню Неженку за специалистом-подводником. Поиски продолжались весь день. Павлов сам осмотрел все речные перекаты и отмели, но безуспешно. Обессиленные от бесплодных поисков и переживаний Василий Гурьевич и Татьяна Ивановна сидели неподвижно на песчаном берегу не отрывая уставших глаз от реки.

— Пойдем домой, видно, — Василий Гурьевич тронул за плечи жену. — Господь дал, Господь взял...

— Нет, нет, подождем еще, — не соглашалась Татьяна Ивановна.

Не успели родители проговорить, как в мутной воде мелькнул какой-то продолговатый предмет. Татьяна Ивановна и Василий Гурьевич вскочили на ноги. Это было тело Нади, его несло вниз по течению. Один из местных жителей быстро поплыл на перехват и без труда вытащил труп на берег.

Начались труднейшие мытарства с оформлением похорон. Предать тело дочери земле оказалось не так-то просто. В первых, нужно было составить акт о смерти. Василий Гурьевич повез в Оренбург заявку приставу и там же хотел приобрести гроб. Пристав отправился на место происшествия, а Василий Гурьевич завернул к торговым рядам. Вместо оживленной торговли, Василий Гурьевич увидел на базарной площади православных священников в темных рясах с толпой прихожан. Воздевая руки к небу, они молились о прекращении холеры, которая уже стала безжалостно косить горожан. Кое-как добыв похоронные принадлежности, Павловы столкнулись еще с одним препятствием.

Священник запретил хоронить девочку на кладбище.

— Вы же сектанты Енетики. Не позволено погребать ваших умерших вместе с почившими в правой вере. — невозможно

— Вы же сектанты, братки! Не дозволено погребать ваших умерших вместе с поповыми в правой вере, — неумолимо твердил он. Могилку пришлось выкопать далеко от ограды кладбища.

— Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы, — открыв потрепанную дорожную Библию, прочитал Василий Гурьевич слова Иисуса Христа у свежего холмика на ровной степи. — По Божьим обетованиям душа Нади теперь водворилась в небесных обителях. Ей там несравненно лучше... Она как бы предчувствовала, что ей недолго быть с нами. Когда я уезжал из деревни в город, она не отходила от меня, ей не хотелось расставаться со мной, она целовала меня и пела гимн: "О как радостно быть ведомым на Сион".

Василий Гурьевич и Татьяна Ивановна долго перебирали в памяти случаи из короткой Надиной жизни. Сухой степной ветер, обдавая душным теплом печальные лица родителей, постепенно затягивал тонким слоем рыжей пыли темные комья земли.

Эпидемия холеры хладнокровно продолжала свою сокрушительную работу. Вернувшись в город, семейство Павловых старалось держаться постоянно вместе, на случай, если смертельная болезнь войдет в дом, чтобы умереть на глазах друг друга. Всеобщее ожидание смерти повергло город в уныние. Он чем-то напоминал кающуюся Ниневию. Общая беда сроднила людей с разными религиозными понятиями. Вечерними сумерками по улицам ходили группы магометан, евреев, православных и раскольников. Присмирившие, с горестно опущенными головами, они молились Богу о помиловании и об избавлении от холеры. Опустели трактиры, на площадях длинными рядами выстраивались гробы с покойниками. Павловы на малое время отлучились в Киргизские степи осмотреть хлеб, посеянный вместе с Лобачевым. Приехав домой, Татьяна Ивановна и Вера почувствовали сильные приступы головной боли. Приглашенный доктор, обследовав жену, не обнаружил признаков холеры, но на всякий случай прописал кое-какие лекарства.

Пока Василий Гурьевич ходил в аптеку, у детей открылся понос, резко ухудшилось общее самочувствие.

— Василий, плохо нам, грудь давит, — стоная, говорила жена. — Вольным воздухом теперь подышать бы...

Василий Гурьевич отвез жену с детьми в березовую рощу за рекой Урал. Чистый воздух не помог, всем сделалось еще хуже. Когда жена садилась в тарантас, ее схватили судороги, а у детей усилились боли в животе. С большим трудом они добрались домой. Мучительные судороги и водяной понос не отпускали больных. Теперь уже не было никаких сомнений в том, что холера начала свое смертельное дело.

Доктор Исаков осматривал больных, беспомощно качая головой.

— Отправьте их в больницу, да поскорее, может кто-то и выживет, — грустно сказал он.

На специальных больничных повозках умирающих доставили в палату. Василий Гурьевич попросился сам ухаживать за ними.

Вся в жару, мучаясь от неимоверной жажды, Татьяна Ивановна скончалась в полночь. Шестилетний Петя последовал за матерью утром. Он долго бредил и после слов: "папа, дай порошок", сомкнул уста навеки. Организм Веры был крепче, она боролась со смертью несколько дней. День и ночь отец не отходил от ее постели.

— Верочка, дитя мое, Бог любит тебя. Христос умер за всех людей. Уповай на Спасителя. Его пути выше путей наших... — успокаивал Василий Гурьевич умирающую. Душа Веры покинула земную юдоль в четверг тридцатого июля. В тот же день холера поглотила и грудного ребенка Мишу.

Почти не переставая, во дворе больницы стоял зловещий стук молотков. Уставшие плотники едва успевали делать гробы. Выздоровливали лишь единицы. Девятилетний сын Василия Гурьевича Паша тоже был на грани перехода, но доктора питали надежду, что он выживет.

К концу недели отец взял его домой, здоровье сына на самом деле стало поправляться. Смерть опустошила дом Павловых. На полу валялись самодельные детские игрушки, праздничный платок Татьяны Ивановны одиноко белел на широком сундуке. Настырные мухи густо облепили стол с неубранными крошками хлеба.

"Господи, для чего Ты попустил мне такое испытание? Как же теперь жить мне? — предавался скорбным размышлениям Василий Гурьевич, глядя на предметы покинувших его домочадцев. — Хватит ли у меня сил, чтобы продолжить путь мой на земле? Господи, я знаю Ты не оставишь меня, без воли Твоей не падает волос с головы человека. Живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем, — так служитель Твой Павел рассуждал. Отец мой Небесный, поддержи и меня, научи не дорожить земным благополучием и всегда помнить, что многими скорбями надлежит нам войти в Царство Твое".

После смерти близких Василий Гурьевич не смог оставаться на прежней квартире, так как все здесь напоминало о потерянном большом семействе. Перебравшись на новое место, он открыл пекарню. Василий Гурьевич сделал это не ради пропитания или получения прибыли, но ради того, чтобы избавиться от подозрений полиции. Плохо обстояли дела с хлебом. Лобачев, бывший хозяин дома, где размещалась семья Павловых, весь посеянный хлеб присвоил себе, забыв о том, что Василий Гурьевич положил немало трудов по его выращиванию. Началась судебная тяжба. Пока судебные чиновники устраивали долгие разбирательства, Лобачев успел продать весь хлеб. Павлов выиграл дело, но взять с Лобачева уже было нечего.

Две добрые души помогли Василию Гурьевичу по хозяйству: старушка Прасковья Михайловна Пряхина и подруга дочерей Лиза Уварова. Лизу вскоре родители забрали домой, а старушку уже покидали силы, ей было не до себя самой.

Осенью одиночество Павлова скрасил приезд отца и братьев Четверкина и Балихина. Общаясь с близкими людьми, измученный горем Василий Гурьевич несколько воспрянул духом и ободрился.

Приезжие друзья вместе с отцом посоветовали Василию Гурьевичу жениться для сохранения домашнего очага. Да и сам Павлов находил неудобным оставаться без хозяйки в доме. Он просил Господа даровать ему помощницу. Балихин высказал нужду брата в Петербургской церкви и там оказалась вдова Александра Егоровна Гильдебрандт, которая долгое время служила экономкой в дешевой народной столовой у Василия Александровича Пашкова. Братья сообщили о ней Павлову. Василий Гурьевич, посоветовавшись с отцом, написал Александре Егоровне письмо с предложением о браке. Александра Егоровна никогда не видела Василия Гурьевича и знала о его тяжких жизненных обстоятельствах только понаслышке, но без всяких колебаний дала твердое согласие.

Первого января 1893 года, через пять месяцев после смерти жены Павлова она приехала в Оренбург. Как было условлено в письмах, Александра Егоровна, выйдя из вагона, держала в руках белый платок и Василий Гурьевич издали заметил дородную женщину с открытым спокойным лицом.

На следующий день пресвитер из селения Гумбет Левин Пчелинцев совершил их бракосочетание. Александра Егоровна до конца дней Василия Гурьевича была его преданной спутницей, разделяя все бремя великих скорбей, выпавших на долю самоотверженного слуги Господнего.

Может ли плакать с плачущими тот, кто сам не изведал горя? Скорбный путь внутренне закалил Павлова, сделал его сердце более чутким к нуждам ближнего. От Оренбурга до Елисаветпольской губернии протянулся живой мост духовной поддержки. Василий Гурьевич писал утешительные письма таким же ссыльным друзьям-сподвижникам. В трущобах Закавказья тяжело страдал Созонт Капустинский. От эпидемии тифа умерла жена, а сам он был разбит параличом. Содержание писем дает почувствовать, что Павлов переживал невзгоды брата по вере как свои собственные.

"От В.Г. Павлова из г. Оренбурга С.Е. Капустинскому в урочище Тертер Елисаветпольской губернии от 12 апреля 1893 г.

Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни. От. 2, 11.

Любезный брат! Письмо твое получил и очень сожалею о твоём несчастье и вижу, что вера твоя подвержена великому испытанию. Что касается до меня, то я писал о тебе кому следует, но ты сам знаешь, что мы должны всего ожидать и просить от Господа, а помощь человеческая ничтожна. Не унывай, но смотри вперед. Еще немного и Грядущий придет и не умедлит. Путь делается все труднее, но и издали уже сияет страна и виден небесный Иерусалим. Мы можем идти только вперед, назад не можем отступить без вреда для своей души. Мы идем царским путем, которым шел Господь наш. Этим путем шли пророки, апостолы, мученики и все святые и другого пути на небо нет. Не смотри на страдания, которые окружают тебя на небесах, если только пребудешь верным до конца. Уповай на Бога. Он не оставит и не покинет тебя. Мне немало приходилось быть в трудных обстоятельствах жизни и когда я взывал к Господу, Он слышал меня и помогал мне. Я бы посоветовал тебе отдать на время кому-либо из братьев своих детей, но я знаю, что тебе будет очень скучно без них, так ты лишился супруги, и одиночество ужасно тяготит человека, я все это испытал на себе. Да, Господь отнимает у нас все радости, чтобы душа наша отрешилась от всего земного и единственно находила бы себе опору и утешение в Боге.

Твой брат во Христе".

Диспуты и гонения

С преподавателем Оренбургской духовной семинарии Мишием Иоанновичем Головкиным Василий Гурьевич познакомился сразу после вторичного приезда в Оренбург. Кроме своих академических обязанностей Головкин исполнял служение православного миссионера. Поэтому ему очень хотелось вызвать Павлова на публичные собеседования. Обменявшись с Василием Гурьевичем мнениями о вероучении и практике баптистов, Головкин предложил ссыльному сходить на прием к архиерею Макарию, епископу Оренбургскому и Уральскому. Павлов согласился. Престарелый седобородый архиерей вежливо и учтиво расспрашивал Василия Гурьевича о семейном положении, о близких и дальних предках.

— Не желаете ли Вы иметь публичную беседу с Головкиным? — предложил Макарий.

— Что ж, я готов, если на то будет позволение начальства.

— Многие из старообрядческих наставников после собеседования возвратились в лоно православной церкви. Может быть и Вы обратитесь?

Архиерей остановил усталый взгляд на Павлове. Василий Гурьевич ничего не ответил на последние слова Макария, только сдержанная улыбка, пробежавшая по его лицу красноречиво говорила о том, что его убеждения трудно поколебать какими-либо доводами.

Открытые диспуты начались с ноября 1892 года в церкви Оренбургской духовной семинарии. Первая беседа касалась почитания икон. Когда прихожанин Колостов привез в семинарию Павлова, там уже шел горячий спор Головкина с молоканами.

— Христос явился в образе человека. Этот образ остался в памяти у людей. Самый древний историк Церкви Евсевий видел множество портретов Спасителя. Почему нельзя запечатлеть Его? — энергично наседал худошавый миссионер на кряжистого старца.

— Надо почитать живого Бога, а не икону, — подняв правую руку с вытянутым перстом вверх, говорил молоканин. На его широком лице проступили красноватые пятна, а морщинистый лоб увлажнился густыми капельками пота.

— Я согласен с Вашим собеседником, — спокойно вмешался в разговор Павлов. — Бог есть Дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Не так ли сказал Христос?

— А медный змей Моисея, херувимы в скинии собрания? — резко повернулся к Василию Гурьевичу Головкин. — В Ветхом Завете среди иудейского народа существовали священные изображения.

— Это было временное повеление Бога. Вторая заповедь закона Божьего строго запрещает поклонение всяким изображениям. Павлов достал из сумки завернутую в платочек дорожную Библию, аккуратно развернул, не торопясь нашел нужное место и прочитал: "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им". Также и в Новом Завете апостол Павел возвестил афинянам: "Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого". Медного змея благочестивый царь Езекия уничтожил наравне с другими идолами, которым израильтяне вздумали поклоняться.

— Нельзя смешивать иконопочитание с идолопоклонством. Это разные вещи. У нас есть решение Вселенского собора: "Кто не почитает икон: да будет анафема, и кто превращает их в идолы, тоже: да будет анафема", — волнуясь, утверждал Головкин.

— Мы опираемся на учение Слова Божия, — поправлял миссионера Павлов. Собеседники снова склонялись над Библией. С детской непосредственностью их тесно обступала небольшая группа слушателей и пол сводами храма до позднего вечера

С детства непосредственность их речи обострила большую группу слушателей и под сводами храма до позднего вечера не смолкали увлеченные голоса оппонентов.

В следующем году диспуты участились. На собеседовании о сущности причастия присутствовал сам архиерей Макарий Головкин запальчивым тоном излагал православный догмат о таинстве пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. Павлов, не перебивая миссионера, терпеливо выслушивал его аргументы до конца, делая пометки в записной книжке. Объясняя свое отношение к причастию, он старался говорить кратко, подтверждая мнение ссылками на Священное Писание. Не умаляя божественного величия заповеди Христа о хлебопреломлении, ее значения для теснейшего соединения с Господом детей Божиих, он не соглашался с ее буквальным истолкованием. Интерес к диспутам возрастал, привлекая все больше мыслящих людей из всех сословий и вероисповеданий. Да и спорящие стороны получали обоюдную пользу. Жаркие богословские схватки побуждали собеседников глубже вникать в Закон Божий, изучать историю христианства, овладевать нелегким искусством ведения духовной полемики. Самую широкую огласку произвела беседа о крещении. Газета "Оренбургский край" рассказала о ней, как о значительном событии в общественной жизни города:

"Двадцатого ноября 1893 года в церкви духовной семинарии возобновились публичные собеседования епархиального миссионера г. Головкина с Оренбургскими сектантами. На этот раз по предварительному объявлению было назначено собеседование с молоканами и баптистами по вопросу о крещении. К назначенному часу в церковь собрались воспитанники семинарии со своим начальством и порядочное число посторонних слушателей. Пришли несколько человек и сектантов во главе с известным в Оренбурге В.Г. Павловым.

На предложение одному молоканину опровергнуть из Писания православное учение о крещении, сектант только твердил: "Вы уж лучше с Павловым поговорите, а мы послушаем". Несколько замечаний, высказанных другими молоканами, были очень неудачны и легко были опровергнуты миссионерами и баптистами. Какой-то сектант, судя по внешнему виду и по складу речи очень состоятельный и довольно интеллигентный купец, резонно напомнил молоканам, отрицающим водное крещение, пример Христа, крестившегося в Иордане. Наконец у одного молоканина невольно, вместе с просьбой к миссионеру беседовать с Павловым, вырвалось признание, что из присутствующих молокан никто не может опровергнуть учение о необходимости водного крещения. Обратились к Павлову. Надо отдать честь этому баптисту: говорит он складно, бойко, и что особенно замечательно, ведет спор весьма деликатно, с уважением к противнику. Беседа приняла оживленный характер.

Главные возражения Павлова, насколько мы могли уловить их в споре, сводились к следующему. Если бы водное крещение имело значение духовного возрождения, тогда люди бы по крещении радикально изменялись бы, в действительности же крещенные продолжают оказывать одинаковую склонность ко греху, как и не крещенные. Христос и апостолы требовали от крещаемых веры и научения в предметах веры. Младенцы сами, конечно, веровать не могут. Следовательно, крещение их противно заповеди Христа: "кто будет веровать и креститься спасен будет". На возражения баптиста миссионер отвечал с должным основанием и знанием православного учения. Единственно, что можно поставить в упрек г. Головкину, это недостаточно деликатное обращение с оппонентами. Беседа продолжалась с трех часов пополудни и до восьми вечера".

Замечание корреспондента о недостаточно тактичном поведении миссионера больно задело самолюбие Головкина. Встретившись с Павловым на очередном собеседовании, он обвинил Василия Гурьевича в том, что он, якобы, ищет рекламы и хвалится в газетах о благоговейном подходе к религиозным рассуждениям. Павлов опешил. До тех пор, пока один из приятелей не принес ему номер газеты, он даже не знал, на что намекает Головкин. Прочитав материал, Василий Гурьевич отметил, что статья написана объективно, без особого пристрастия к какой-либо стороне.

Однажды Головкин пришел на дом к Павлову с молоканским наставником Жоголевым. Инициатива беседы исходила от Оренбургских молокан. Если Головкин часто впадал в буквализм, то Жоголев, наоборот, все толковал духовно.

— Мы ломаем Слово Божие, — изъяснял суть хлебопреломления наставник.

— Разумно ли ломать Слово Божие? — заметил Василий Гурьевич. — Его надо передавать другим в целом виде.

Дом постепенно набивался молоканами и баптистами. Они все сидели тихо, не участвуя в беседе, но внимательно слушали суждения Павлова и Жоголева.

Повсеместные частые диспуты коснулись даже мусульманского населения. Татары останавливали Василия Гурьевича прямо на улице, иногда приглашали в свои жилища, почтительно выспрашивая о христианской вере. Одному молодому татарину, который готовился стать муллой, Павлов подарил книгу на турецком языке "Весы Истины", где доказывалась истинность христианства.

Растущая популярность Павлова как проповедника Евангелия у одних вызывала уважение, других же воспаляла завистью и негодованием. Местная полиция усилила слежку за деятельностью Павлова и его единомышленников. По соседству с квартирой Василия Гурьевича разместился сыщик. Человек, нанятый полицией для гнусной иудинной работы, совсем не пытался себя законспирировать. Он постоянно дежурил у подъезда, в упор рассматривая всех, кто встречался с Павловым. Василий Гурьевич решил устраивать молитвенные собрания в разных местах и в разное время.

Как-то служение со святой вечерей было назначено у брата Живульта на ветряной мельнице. Когда Василий Гурьевич отправился туда с женой на санях, на городской окраине их встретил младший сын Живульта.

— Полиция окружила наш дом! — выпалил подбежавший парень. — Ехать к нам небезопасно.

— Если пути нет, повернем восвояси, — сказал Павлов, трогая вожжами. — Передай отцу, что в следующее воскресенье собираемся у меня!

Полиция не только окружила дом Живульта, но и вторглась в него, обнаружив там несколько мирно сидевших верующих. Быстро переписав всех присутствующих, они взяли на заметку одного новообращенного казака, которого недавно крестил Аким Романтеев. Через год Акима предали суду и он отсидел два месяца в тюрьме.

К концу следующего воскресного богослужения и перед домом Павлова замелькали бравые молодцы в полицейских шинелях. В сопровождении околоточных, городских и участкового пристава на баптистское собрание явился полицмейстер.

— Почему Вы не повинуетесь начальству? — обратился он к Павлову.

— Вот ознакомьтесь, господин полицмейстер, письменное изложение нашей веры, — Павлов протянул ему маленькую книжечку.

Полицмейстер долго крутил в руках брошюру, отыскивая фамилию автора и название издательства. Не найдя выходных данных, он начал всматриваться в текст. Отчеркнув ногтем большого пальца заинтересовавшую его строку, полицмейстер зачитал этот пункт вслух: "Мы повинемся правительству, если только его повеления не ограничивают свободы нашей веры".

— Так-так, это же вызов государственным порядкам, — взмахнув рукой, заключил полицмейстер. — Вы подданные русского царя и должны исполнять законы Империи, какие бы они не были. Вы должны повиноваться властям безусловно во всем.

— Господин полицмейстер, а если бы мы находились под властью турецкого султана и он потребовал бы от нас, чтобы мы отреклись от Христа, как тогда нам поступить? — мягко спросил Павлов.

— Ну, по-видимому, нужно переменить место жительства, — неуверенно ответил полицмейстер и перестал говорить о безусловном повиновении.

— Я хочу побывать на Вашем богослужении от начала до конца, — сказал он. — Вечером двадцать четвертого января я приду к Вам.

— Приходите, у нас двери для всех открыты, — согласился Павлов.

Полицмейстер на самом деле пожаловал через несколько дней, опять окруженный большой свитой помощников. Павлов стоял на проповеди.

— Иисус Христос наша сила и мудрость! — открыв Первое послание апостола Павла к Коринфянам, — говорил он. — Он хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины. Он недалеко от каждого из нас, ибо Им мы живем, движемся и существуем. Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я среди вас — объявил Господь ученикам. Пусть Дух Святой научит детей Божиих поступать достойно своего звания и избрания, не огорчая Отца Небесного...

Полицейские, сняв шапки и тихо усевшись на крайние скамейки, слушали проповедь с благоговением. Они не задержались долго после окончания собрания. Побеседовав немного с Павловым об отличии баптистских обрядов от православных, полицмейстер любезно распрощался и вместе с народом чинно вышел на улицу.

Наступила полоса относительного спокойствия. Община без всяких помех совершала служение Господу. Однако, вызов Павлова к следователю по особо важным делам был ярким знаком для всех, что затишье это временное. Следователь собирал материал на Живульта, интересуясь попутно особенностями вероучения штундистов и баптистов. Василий Гурьевич был немногословен. :

— Что касается меня и моих убеждений, я скажу, а за других ничего говорить не буду, — сразу заявил следователю Павлов.

Пятнадцатого марта Василий Гурьевич оказался еще на одном публичном собеседовании с Головкиным. Как следует

двенадцатого марта Василий Гурьевич оказался еще на одном пустынном собеседовании с Головкиным. Как следует почитать крест Христов? Нужно ли делать крестное знамение? — такова была тема последнего диспута.

— А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира. Основываясь на этих словах апостола языков, мы, православные христиане, считаем, что крестное знамение необходимо, творя его руками, мы хвалимся Крестом Господа, — объяснял Головкин.

— Как же можно хвалиться Крестом руками? — противился Павлов. — Надо сораспяться Христу и носить крест в сердце. Ведь Крест олицетворяет искупительные страдания Христовы.

Споры о том, какое вероучение ближе всего к Истине, выходили далеко за пределы церковной ограды. В домах и на улицах то и дело разгорались прения по беседам Головкина и Павлова. Как-то миссионер пригласил Василия Гурьевича к себе домой.

— Я хочу поговорить с Вами с полной откровенностью, — окинув Павлова быстрым испытующим взглядом, сказал Головкин. — Вы по убеждению защищаете баптизм?

Столь странный вопрос удивил Василия Гурьевича.

— За что же по вашему я страдаю и во второй раз сослан в ссылку?

— Вы же пользуетесь славой у своих собратьев и, наверное, получаете солидное вознаграждение.

— Если бы я из-за денег оставался баптистом, то я мог бы сделать лучшую карьеру в качестве православного миссионера, — улыбнувшись, сказал Василий Гурьевич.

Головкин протянул руку Павлову,

— Ну Бог с Вами! — громко произнес он на прощание. Отношение Оренбургского архиерея к местным евангельским общинам оставалось отрицательным. Преклонный возраст и высокое общественное положение мешали ему переступить антипатии к носителям другого религиозного мировоззрения. Он просил светское начальство применить к активным иноверцам закон о штундистах.

В России к тому времени уже широко распространялась изуверская практика универсального использования карательных мер на основе какого-то одного законоположения. Царское правительство 4 июля 1894 года издало Постановление комитета министров, а 3 сентября того же года был выпущен циркуляр министерства внутренних дел о признании штунды особо вредной сектой.

В чем же царские блюстители порядка видели "особую вредоносность" движения южнорусских штундистов?

Лепло в том, что штундисты проповедя Евангелие и стремясь к первоапостольской простоте и честной жизни часто

Дело в том, что штундисты, проповедуя евангелие и стремясь к первобытной простоте и честной жизни, часто прибегали к резким обличениям православного духовенства и светской власти.

"Первое уже, что бросается в глаза, это непринужденное отношение штундиста ко всякой власти, — пишет Г. Емельянов в статье "Рационализм на юге России". — Штундист убежден, что власть существует для злых, а не для добрых, а когда не будет преступлений, тогда упразднится всякое начальство и всякая власть. Штундист вовсе не лебезит так перед начальством, как православный мужик".

Обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев сразу зачислил штундистов в разряд врагов отечества и церкви. Он спешил сообщить вступившему на Российский престол Николаю II, что лжеучение штунды идет против установившегося строя русской жизни и проповедует принципы вредного социалистического характера. Усердные донесения Победоносцева возымели на пугливого царя свое действие. Он утвердил новые жестокие законы. Причем определение "штундист" стало применяться местными духовными и светскими властями и к другим религиозным течениям в целях борьбы с религиозным вольномыслием. Репрессивные меры настигли видных баптистских проповедников. На четыре года под надзор полиции сослали в Вологодскую губернию Воронина, украинский благовестник Рябошапка был сослан в Ереван на пять лет, пресвитера Киевской общины Тимошенко выдворили в Польшу. Разъездной проповедник Иванов был заключен в Елисаветпольскую тюрьму и, закованный в кандалы, на пять лет последовал в город Слуцк. Угроза преследования по новым статьям нависла и над Павловым.

Явившись по вызову в контору полицейского участка, Василий Гурьевич узнал от пристава о письме прокурора, составленном на основании ходатайства архиерея. Пристав показал бумагу Павлову.

"Прокурор Оренбургского окружного суда господину Оренбургскому Полицмейстеру от 29 апреля 1895 года.

Его Преосвященство Макарий, Епископ Оренбургский и Уральский 24 апреля сообщил мне, что у состоящих в секте штундистов Живульта и Павлова происходят незаконно общественные молитвенные собрания, несмотря на то, что против Живульта возбуждено преследование по статье 196 Уложения о наказаниях".

После пространных ссылок на законы о штундистах прокурор испрашивает особых указаний на принятие решительных мер по пресечению духовных собраний за пределами православных храмов:

"Я имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение об обязанности Живульта и Павлова к недопущению в их домах общественных молитвенных собраний. Если, несмотря на выдачу означенных подписок, они будут продолжать устройство собраний, возбуждать против них преследования по статье 209 Уложения о наказаниях.

Прокурор Банкиров и секретарь Боголюбов".

Не успел Василий Гурьевич как следует осмыслить первую бумагу, пристав тут же подsunул ему еще одно распоряжение:

"Настоящую копию препровождаю господину Приставу четвертой части г. Оренбурга, предписывая Его Высокоблагородию исполнить требования господина Прокурора, изложенные в настоящей копии, и строжайше соблюсти, чтобы молитвенных собраний у Павлова не было.

Полицмейстер Доброхотов".

Давать или не давать подписку? Как лучше поступить? — внутренне забеспокоился Василий Гурьевич. — До конца ссылки осталось всего два месяца. Будет ли польза от того, что я буду упорствовать, держась только лишь за место собраний? На всяком месте можно молиться Богу... Господь укажет нам его.

Колелясь и раздумывая о создавшемся положении, Павлов все-таки счел за лучшее подписать документ.

С приходом весеннего тепла Оренбургские баптисты облюбовали для богослужебных собраний "храм нерукотворный". Каждое воскресенье верующие тайком ездили за город в губернаторскую рошу, забирая с собой самовар, съестные припасы и оставались в лесу целый день.

Гонения нарастали повсеместно, обстановка резко ухудшилась, до Павлова доходили слухи, что Закавказье и Сибирь пополняются; новыми страдальцами за веру. Василий Гурьевич изыскивает любые возможности для поддержания с ними хотя бы письменного сообщения. В обширном отчетном сборнике полицейского чиновника В.А. Валькевича, который обозначен как "Записка о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе", содержится копия письма Павлова Леушкину в Геокчай Бакинской губернии. Оно без подписи и написано от третьего лица. Вероятно, Василий Гурьевич сделал это из осторожности ради конспирации. Письмо отправлено из Оренбурга 5 мая 1895 года.

"Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие. — Деян.14, 21

Если и все человечество не избавлено от скорбей, то тем менее от них избавлен христианин, который сверх всех других скорбей, свойственных всему человечеству, имеет еще особые скорби или страдания — скорби ради Христа. Они служат для нас средством предохранения от греха, нам необходима спасительная узда — жало в плоть. Зная это, не унывай, но благодари Бога за свою участь. Спокойствие совести должно быть самой высшей наградой в твоих скорбях и страданиях сей жизни. Твоя жизнь среди чуждого тебе народа, при отсутствии близких друзей должна заставлять тебя чаще углубляться в себя. Если будешь изучать Писание, то сохранишь надежду и претерпишь до конца. Что касается гонений на наше исповедание, то они не представляют ничего нового и удивительного. Несмотря на то, что баптизм в Европе известен уже триста лет, в России он нов, и прежде чем правительство ознакомится с ним, посланникам его придется много пострадать. Очень легко нас гнать теперь при новом законе: стоит только назвать нас штундистами и мы лишаемся всех прав и подвергаемся гонению. Хотя мы не штундисты, но чем докажешь это официально? И вот остается только одно средство - терпеть и терпеть до конца. Человечество верно само себе, оно таково же как и прежде: мертвым пророкам строит гробницы и перевозит их, а живых избивает или изгоняет. Прочти жизнь Иоанна Златоуста: сколько он претерпел гонений не от язычников, а от единоверцев и умер в ссылке в Колхиде. Нет ни одного святого и благочестивого мужа, который не терпел бы гонений от своих современников. Тебе желательно знать, имеет ли намерение Павлов по окончании срока возвратиться на родину. Он вверяет свою судьбу Богу и готов следовать указанию Провидения. В свое время узнаешь о его намерениях или же месте его жительства. Может быть тебе не все известно о последних ссылках. В марте Екатеринославский окружной суд приговорил за "сращение православных" Алексея Стоялова, Квотченко, Кавуна к лишению всех прав и ссылке в Сибирь. Один баптист из казаков из станицы Конebolотской выслан на 5 лет в Польшу. О высылке в Елисаветпольскую губернию Проханова, Савельева и Морозова тебе, думаю, известно. Если так будет идти дело, то скоро все баптисты очутятся в ссылке. Об Иванове еще не слышно, что он прибыл на место ссылки, вероятно, он находится еще в пути. Прощай и мужайся".

Верующие ждали писем Павлова, сердечное пастырское слово поддерживало ослабевших и еще больше вдохновляло жизнестойких. За перепиской Василия Гурьевича следило недремлющее око властей предрержащих. Коллежский асессор В.А. Валькевич не только скрупулезно прочитывал послания Павлова из Оренбурга, но и собирал сведения полицейских агентов о влиянии душепопечительных письменных бесед Василия Гурьевича на жизнь баптистских общин. Явно не по нутру приходились Валькевичу поучения ссыльного проповедника, иначе в его Записке не появились бы следующие строки: "Самую вредною стороною деятельности Павлова в ссылке были обширные и деятельные письменные сношения его с сектантами разных местностей России, в том числе и ссыльными. Его письма из ссылки полны энергичных и резких внушений, которые клонились к поддержанию в сектантах фанатизма и которые не могли не производить и действительно производили сильное впечатление на его единомышленников, находившихся под обаянием его личности. В этих письмах Павлов прямо подстрекал к послушанию властей и таковые внушения играли, по-видимому, не последнюю роль в замеченном, в 1893-95 г.г. усилении затихшей было баптистской пропаганды в Тифлисе и дерзости тифлисских сектантов".

Знал ли Павлов о том, что его письма читают не только единоверцы? Несомненно, он об этом догадывался, но Василия Гурьевича не смущала полицейская слежка и он старался делать все от него зависящее для сохранения единства тела Христова в страданиях.

На пути в Тифлис и Румынию

К концу июня 1895 года завершился срок второй четырехлетней ссылки Павлова и он подал прошение начальству о дозволении возвратиться на родину. Весной на имя ссыльного неожиданно пришло приглашение из Румынии. Тамошняя баптистская община предлагала Павлову служение пресвитера.

"Это Господь открывает мне новое поле духовной работы, — заключил Василий Гурьевич. — Если я останусь сейчас в России, то власти не постесняются опять спровадить меня в ссылку, труд мой будет скован, ограничен"...

Перед отъездом из Оренбурга Павлов совершил рукоположение пресвитеров, избранных местными общинами: Левина Пчелинцева для Гумбетской, Василия Трофимовича Новик и Василия Петровича Кузнецова для Сухайлинской и Акима Андреевича для Савушинской церкви.

Как только Василию Гурьевичу выдали проходное свидетельство от властей, он с женой и сыном тронулся в путь.

Отец Павлова решил еще какое-то время побыть в Оренбурге;

— Если останетесь жить в Тульче, то напишите мне и я приеду, — сказал он, прощаясь с родными.

На станции "Сорочинская" Павловых поджидали меннониты. Брат Мартенс и Берген привезли их в ближайший поселок. Неподалеку от станции верующие немцы выстроили двенадцать небольших поселений. После долговременного пребывания в стесненных обстоятельствах, Павлов окунулся в атмосферу свободной духовной жизни. Меннониты чувствовали себя намного вольготнее, их иностранное происхождение сдерживало руки властей. Целую неделю жили Павловы здесь, наслаждаясь теплом христианской любви и благожелательности. Брат Гиммер, баптистский проповедник, тоже давно друживший с менонитами, изъявил желание сопровождать Павловых до Поволжья.

В Самаре были радостные встречи с Переверткиным и Черняевым, который проходил курс лечения кумысом. До Саратова плыли по Волге парохомом. Брат Четверкин, встретив Павловых, пригласил их в село Турки. От станции Татищеве Четверкин вез гостей на своей подводке.

Павлову надолго запомнился этот путь. По обе стороны от дороги одна за другой стремительно катились ярко-желтые волны пшеницы. Щемящая картина зреющего поля успокаивала душу, вызывая помыслы о горнем.

— Да, такие хлеба в Оренбурге не рождаются, климат не тот, — всматриваясь в степную ширь, говорил Василий Гурьевич. — Вот они нивы, как они побелели и поспели к жатве... Господи, научи нас молиться о деле Твоем. Жатвы много, а делателей мало. Вышли больше тружеников на духовные нивы...

Община в селе Турки основана давно, еще братом Вилером. Василий Гурьевич приехал как раз в воскресенье. Местные братья предложили ему руководить богослужением и совершить Вечерю Господню.

На следующий день к вечеру брат Четверкин доставил Павловых в Балашов. Среди членов Балашовской общины у Павлова не было знакомых, эта церковь возникла за время его второй ссылки. Василий Гурьевич очень быстро познакомился с радушными верующими, на всех богослужениях он проповедовал, совершал священнодействия. Активный член общины богатый купец Смирнов устроил в доме братскую трапезу для гостей.

Добравшись поездом до Камышина и пересев на парохом, Павловы прибыли на родину Александры Егоровны Дубовку. Там Василий Гурьевич впервые увидел сестру жены и ее замужнюю дочь. Желая разделить общение с приезжими, верующие сельчане каждый вечер собирались на богослужения.

В Царицыне, повидавшись с родственником жены Яковом Дамером, Василий Гурьевич побывал в русской и немецкой общинах.

Отправившись во Владикавказ, Павловы сделали короткую остановку в Ростове-на-Дону. Василий Гурьевич хотел дождаться Дея Ивановича Мазаева, которому он еще из Оренбурга писал письмо о своем приезде. Однако Мазаев, обремененный заботами по уходу за огромным овцеводческим хозяйством, вовремя не явился. Василию Гурьевичу было не по карману долго жить в Ростовской гостинице и он, договорившись с братом Мамонтовым о посещении некоторых селений, взял билет на кавказский поезд.

В селе Никольском в местной общине Василия Гурьевича просили разрешить спор о праздновании субботы, из-за которого произошло разделение. Когда назначили членское собрание в помещении, где руководителем был брат Кушнеренко, то многие из противной стороны не пришли. Василий Гурьевич не смог примирить враждующих, так как споры касались не только богословских вопросов, обвинения шли и в адрес Кушнеренко, якобы нарушившего договорные условия купли-продажи участка земли. Во избежание расширения распрей Павлов посоветовал им допустить к руководству общиной брата Дмитрия Четкина.

К вечеру восьмого августа Павлов приехал во Владикавказ, остановившись на мельнице Скороходовой. Уставшие духом

К вечеру восьмого августа Павлов приехал во Владикавказ, остановившись на мельнице Скороходова. У Павлова душой владикавказские верующие, делились с Василием Гурьевичем своими скорбями. Тайком пробравшись ночью на мельницу, они рассказали гостям о том, как власти закрыли их молитвенный дом и выслали в отдаленные края проповедников: Богданова в Лодзь, Савельева, Морозова и Степана Проханова в Герусы под надзор полиции на пять лет.

Василий Гурьевич решил ехать в Тифлис не по Военно-Грузинской дороге, а окольным путем через Баку, намереваясь встретиться со многими соратниками.

До Петровска Павловых вызвала Надежда Скороходова. Стояла очень жаркая погода. Каспийское море манило тихой голубиной и путешественники нашли укромное место для купания. То ли от духоты, то ли от резкой перемены температуры Скороходовой после воды сделалось плохо, она потеряла сознание. Все перепугались и сильно переживали пока Надежда пришла в чувство.

Прибыв парходом от Петровска в Баку, Василий Гурьевич сразу отправился к братьям, работавшим нефтяниками в Балаханах на промыслах Ротшильда. Природа там оказалась какая-то безжизненная, в округе не видно ни одного зеленого кустика. Только лес деревянных вышек густо громоздится у нефтяных колодцев. Тяжелые фонтаны темно-коричневой жидкости, исторгаясь из земной утробы, с шумом распадаются по поверхности, стекая в небольшие пруды, откуда по нефтепроводным трубам идет перекачка нефти на перерабатывающие заводы в Баку. Воздух в Балаханах очень тяжелый, пропитанный характерными запахами.

Машинисты братья Буровы были вне себя от радости, увидев друзей.

— Мы глазам своим не верим! Неужто Василий Гурьевич!? Какими судьбами? — забрасывали они вопросами нежданных посетителей.

Петра Бурова Павлов знал с юности. Они примерно в одно и то же время пережили обращение и последовали за Христом. Вечером в доме у Буровых Павловы засиделись далеко за полночь, воспоминаниям и рассказам не было конца. Проведя воскресный день в Баку, Василий Гурьевич торопился заехать в Елисаветпольскую губернию к ссыльным братьям.

В Елисаветполе гонимые служители Христа, построив небольшие домики, поселились около вокзала на арендованной земле. Собрание провели у Никиты Сергеевича Новикова, сосланного в Геокчай из села Малый Узень Самарской губернии с лишением всех прав состояния.

— Василий Гурьевич мой духовный отец, — сидя рядом с Павловым, радостно говорил Новиков. — Я хорошо помню его приезд к нам в село. Это было в восемьдесят третьем году. Он крестил меня.

— Да-да, я тоже припоминаю. Вода в Волге была очень теплая, пар поднимался рано утром, пение было тихое, брало за душу, — подняв начинающую седеть голову, оживился Павлов. — Только напрасно вы, Никита Сергеевич, меня отцом величаете. Один у нас Отец — небесный, а мы все братья.

Беседа продолжалась недолго, нужно было еще попасть в Геокчай. Удушливый сырой климат татарского уездного города доставлял немало мучений ссыльным. Изнурительная пихоралка выматывала последние силы у людей, итак много

доставили немало муку и сыворотку. Лихорадочная лихорадка выматывала последние силы у людей, так много претерпевших страданий за веру. Брат Леушкин, находившийся здесь с семьей на поселении, тоже болел лихорадкой. Обрадованный встречей с близким другом, он горячо просил Бога об укреплении духовных и физических сил, чтобы не ослабеть в испытаниях и сохранить верность избранному пути.

В конце лета Василий Гурьевич увидел родной Тифлис. Он мало изменился, только больше стало торговых рядов и трамвайных линий, отчего шум на улицах не прекращался до глубокого вечера. Несколько дней на родине, заполненных встречами с близкими родственниками, посещениями друзей, молитвами, беседами пролетели очень быстро.

Тифлиские власти беспрепятственно оформили Василию Гурьевичу внутренний паспорт.

С заграничным паспортом было намного труднее. Приехав в Одессу, он пробыл там целых две недели, дожидаясь его выдачи. За это время Павлов встречался с членами русских общин, одесские немцы вели себя настороженно и неохотно вступали в контакт с заезжим проповедником.

Получив необходимые документы, Василий Гурьевич 13 октября сел на пароход. От Одессы до Тульчи двадцать часов езды, но из-за сильной качки морской путь показался нестерпимо долгим. Вступив на румынский берег, Павлов погрузился в многоязычную стихию. Среди большого разнообразия национальностей преобладающее большинство в Тульче занимали все-таки лица славянского происхождения. Русских и болгар можно было встретить почти на каждом шагу.

В баптистском молитвенном доме Василию Гурьевичу свободно предоставили кафедру для проповеднического служения.

Поездка в Америку

Руководители баптистского миссионерского союза в Америке неоднократно приглашали Павлова посетить их страну, познакомиться с жизнью церкви, обменяться опытом евангельского служения.

Весной 1898 года в Румынскую общину Павлова пришло извещение о предполагаемом заседании Миссионерского комитета. Усмотрев в этом волю Божию, Василий Гурьевич быстро собрался в дорогу. Ни жена, ни сын не препятствовали намерениям Павлова. Прощаясь с Василием Гурьевичем, они молитвенно предали его путешествие в руки Господа.

Добравшись до австрийской станции Ицканы, он взял билет на Гамбург. Поезд шел по горным районам Буковины. Пестрые от снеговых островков склоны гор сменялись темными долинами и перелесками. На железнодорожных станциях виднелись вывески на трех языках: немецком, польском и русском. Миновав прусскую границу, поезд долго стоял в Мысловце. Всех пассажиров из вагона третьего класса, где находился Василий Гурьевич, перевели в специальное привокзальное отделение для переселенцев. От духоты и многоязычного гомона у Павлова болела голова. Служители таможни, протиснувшись в середину, объявили: "Кто не приобрел пароходные квитанции, пусть купят у агента!"

Таможенники тщательно проверили наличие документов и денег у Павлова, заставили его заплатить еще сто сорок марок. К вечеру процедура осмотра закончилась и Василий Гурьевич сел в экспресс-поезд, который на следующее утро доставил пассажиров в Гамбург.

Шагая по улицам, Павлов вспоминал годы юности, учебу в семинарии Онкена. За двадцать с лишним лет город сильно изменился. Застроились окраины, появились новые шикарные магазины. Вместо конок юрко снуют электрические трамваи. Без труда Василий Гурьевич смог отыскать друзей по вере. Кое-кто помнил его по первому приезду в Гамбург из России.

Управляющий баптистским книгоиздательством семидесятилетний старец Филипп Бимель отговаривал его от поездки в Америку, но Павлов был уверен в том, что она необходима ему для пополнения духовных знаний и для расширения дела Божия.

Преподаватели семинарии устроили Василия Гурьевича на квартиру в студенческом общежитии. Среди учащихся были и два меннонита из России: Реймер и Браун. Павлов быстро сошелся с ними. Вскоре к братскому сообществу присоединились голландец Лукас и чех Новотный.

Приезд Павлова совпал с предпоехальной неделей, поэтому его новые друзья, освободившись от занятий, выжились показать гостю местные церковные достопримечательности.

Шумные гамбургские улицы в пятницу почти совсем затихли, в знак благоговения перед Жертвой Христа все торговые лавки и большинство магазинов прекратили работу. Василий Гурьевич с друзьями зашел в Альтисскую общину баптистов. Он удивился тому, что богослужение там носило характер литургии. Пастор прочитывал краткие отрывки из Священного Писания, присутствующие пели гимны и молились.

Василию Гурьевичу очень хотелось попасть в церковь, где двадцать три года тому назад он принял рукоположение от Онкена. Приехав туда в воскресенье утром, он был радушно встречен служителями. Они предложили ему рассказать обо всех переживаниях, выпавших на его долю в России.

Тепло принимали Василия Гурьевича и в Эльбекской общине, где нес служение профессор богословия Раушенбуш. Беседа о Премудрости Божией, почтенный старец вспоминал о своем обращении. Дух богоискательства загорелся в нем от соприкосновения с жизнью примерного христианского семейства. Павлов тоже привел характерные эпизоды из своей жизни, как он познал Бога, как Господь помог ему пройти тяжкий путь в долине тени смертной.

До отправки в Америку оставалось несколько дней. Пройдя медицинский осмотр и проверку документов, Василий Гурьевич 2 апреля сел на большой океанский пароход. Приятно было путешествовать вдоль берегов Франции и Англии. Погода стояла безветренная, солнечная, но как только пароход вышел в открытый океан, небо помрачнело, громадные волны начали сильно кренить судно и заливать палубу. Все пассажиры попрятались в каюты, закрыв наглухо двери. У многих открылись приступы морской болезни. Василий Гурьевич тоже не знал куда себя деть, страдая от рвоты и острых головных болей. Когда шторм затих, качка уменьшилась, мучительное состояние постепенно спало.

На девятый день плавания объявили, что пароход приближается к Нью-Йоркской гавани. Вечером пассажиры увидели яркие гирлянды прибрежных огней. Гудзонов залив жил суетливой жизнью, усердно пытели пароходы, скользили взад-вперед паромы. К иностранному судну пришвартовался сбоку маленький парходик. Он привез доктора, который всем новопривывшим сделал прививку от оспы.

Утром все ожидали таможенного досмотра. Чиновники спрашивали каждого о цели приезда, о сумме личных денег. В случае какой-то неувязки на берег попасть трудно, подозрительных могут выпроводить обратно.

Василий Гурьевич проходил контрольный пункт вместе с лютеранскими миссионерами. Покинув пароход, они предложили Павлову временно остановиться в лютеранском переселенческом доме. Василий Гурьевич согласился. В Гамбурге ему дали адреса немецких баптистских проповедников. Пообедав у лютеран, он отправился на поиски Готлиба Фрецера. Квартиру нашел легко, но хозяина дома не оказалось. Его супруга сказала, что он придет только вечером. Целый день Василий Гурьевич бродил по городу, осматривая необычные дома и улицы. В глаза бросалось обилие рекламных объявлений. Они красовались не только на стенах, но и на спинах торопливых прохожих.

Брат Фрецер посоветовал ему сходить в немецкую общину. Павлов заметил, что по воскресным дням уличная жизнь принимает совсем иной ритм. Магазины закрыты, торгуют только некоторые торговые лавки. В общине Василия Гурьевича встретили как давно знакомого брата. Проповедник Шульте попросил его сказать проповедь, а после богослужения провести беседу в детской воскресной школе. Слезы умиления застилали глаза, когда Василий Гурьевич смотрел на детей, радостно и свободно поющих духовные гимны. Их собралось более ста человек. Дети исполняли песню "О как радостно в хваленьи" и Василий Гурьевич пел вместе с ними. Такое семейное собрание напомнило ему праздничные общения в Тульче. Дети сидели не шевелясь, когда Павлов рассказывал о суровой и тяжелой жизни их верующих сверстников в России.

В тот же день Василия Гурьевича пригласили на еженедельную встречу американских проповедников.

— Наш русский брат Павлов восемь лет был в ссылке за веру и проповедь Евангелия, — сказал Шульте, представляя гостя собранию.

Когда Василий Гурьевич поднялся на платформу и сказал несколько приветственных слов по-английски, зал разразился рукоплесканиями.

В середине апреля Павлов приехал в Бостон, где располагался Комитет баптистского общества внешней миссии.

Утром в воскресенье посетил Трмонтский храм. Это одна из крупнейших протестантских церквей в Америке, которая может вместить более трех тысяч слушателей. Помимо нижнего зала сверху устроены две галереи. Павлов занял место на втором этаже. Он с удивлением рассматривал расположенные над кафедрой большие изображения ангелов и Спасителя, огромные окна, украшенные портретами знаменитых баптистов. Порядок совершения Вечери Господней тоже поразил Василия Гурьевича.

Служители вначале разнесли тарелки с кусочками хлеба, а потом подносы с крошечными стаканчиками вина. Делается это, как узнал Василий Гурьевич, во избежание заражения. Гигиена — дело нужное, но плохо то, что хлебопреломление может потерять свое значение великого символа общения святых. Павлов отметил для себя, что богослужение в русских общинах стоит ближе к апостольскому образцу.

После обеда брат Питер отвел Василия Гурьевича в воскресную школу. Учителя и учащиеся попросили гостя рассказать о гонениях на христиан в России. Со скорбным изумлением слушали Василия Гурьевича американцы. Один из учителей в конце

госпиталей на христиан в 1888 г. Со скорым поумножением слушали Василия Гурьевича американцы. Один из утешен в конце встречи горячо молился о страждущих русских братьях.

На конференции баптистских проповедников, которая проходила в одном из залов Тремонтского храма, Павлов увидел индейцев, принявших христианство. Среди них были два вождя племен с характерными кличками: "Одинокый волк" и "Буйволово мясо". Одетые в европейскую одежду, они свидетельствовали о том, как им удалось отыскать путь к Живому Богу;

Василий Гурьевич несколько раз присутствовал на заседании Миссионерского комитета. Ответственные служители внимательно рассмотрели просьбу Павлова о помощи, они пожелали иметь у себя письменный текст необычной биографии Василия Гурьевича, сведения о составе его семьи.

Кроме деловых собраний Павлов старался посещать различные общины и духовные мероприятия.

Особенно благоговейная атмосфера чувствовалась в церкви, где долгое время нес служение доктор богословия Гордон. Этот муж Божий известен русским христианам как автор глубоких сочинений о сущности молитвы. Являя пример благочестивой жизни, Гордон помогал членам церкви духовно развиваться в меру полного возраста Христова.

Попав на богослужение в американскую баптистскую церковь, Василий Гурьевич увидел 200 молодых китайцев и 45 монголов. В сопровождении фортепьяно китайцы пели на своем языке гимн: "День Господень наступает", а в конце все вместе прочитали молитву "Отче наш".

На годовое собрание Миссионерского союза Василия Гурьевича доставил специальный баптистский поезд. Дорога в Рочестер напоминала Павлову Закавказье: кругом тянулись горные массивы, долины, поля.

В Рочестере его встретил брат Шульте с местным немецким проповедником Даниэлем. Много лет подряд собрания устраивались в большой английской церкви. Здание выложено из песчаника в виде крепости с четырьмя башнями. Кроме зала для богослужений внутри размещались всевозможные помещения: телефон, телеграф, справочное бюро, книжные киоски.

Заседания начались с работы женской секции, где сестры-миссионерки делились опытом служения. Второй день был посвящен христианскому студенческому движению. На платформе сидели десять молодых людей из различных университетов и колледжей. Каждый из них поочередно говорил о Божьем призыве молодежи на миссионерские поля. Все собрания открывались чтением Слова Божия, пением и молитвой.

Когда доктор богословия Мэби, огласив статистику баптистов на европейском континенте, начал рассказывать о страдальческом пути русских верующих, в зале не было слышно ни малейшего шороха.

— Дорогие братья и сестры! — сказал Мэби. — Мы привезли сюда человека из России. Он проповедник Евангелия и основатель баптистских общин. Его жизнь, отданная на служение Христу, известна многим. За веру в Искупителя его не раз заточали в тюрьмы и отправляли в ссылки.

Василий Гурьевич неторопливо поднялся со своего места. Могучий гром рукоплесканий сотряс стены зала.

Павлов познакомил христианских работников с некоторыми эпизодами из своего служения. Когда он упомянул о тюремных нарах и ботинках, подложенных под голову вместо подушек, зал вновь загремел от аплодисментов. Рассказывая о вынужденном переселении в Румынию, Василий Гурьевич посетовал на недостаток проповедников.

— Мы взываем как македонцы, — сказал он. — Придите и помогите нам!

Павлова сменили на платформе миссионерки из Индии: большая труженица Пандит, одна американка и шесть девушек-индусок в национальных костюмах. Они говорили о тяжелом положении женщин.

В случае смерти мужа по местным обычаям жена должна сжечь себя вместе с ним при погребении. Благодаря тому, что английское правительство запрещает это делать, несчастных вдов в Индии насчитывается до шести миллионов. Подвергаясь всеобщему презрению, они не могут вступить в новый брак. Отрадно то, что многие из этой категории индийского населения обращаются ко Христу и, служа Ему, обретают внутренний покой.

Вечером руководители съезда ознакомили собравшихся с текстом письма русскому императору. Баптисты просили самодержца о даровании религиозной свободы иноверцам.

Не совсем обычное мероприятие было включено в программу встречи. Павлов присутствовал на освящении миссионерского вагона, построенного на средства женщин-христианок. По внешней конструкции он ничем не отличался от других вагонов, только на передней стороне бросались в глаза крупные буквы призыва: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари!" Прямо внутри вагона состоялось богослужение. Проповедник Андерсен, став за железный попитр около фисгармонии, говорил о необходимости христианского свидетельства. Миссионер Ниль вместе с женой вдохновенно спели несколько гимнов.

Встречаясь с преподавателями баптистской семинарии, Василий Гурьевич размышлял о судьбе сына, который хотел бы получить основательное богословское образование. Профессор Ромачер обещал принять Пашу, если он сможет приехать в Америку.

Приятная встреча ожидала Василия Гурьевича в городе Буффало. Польский проповедник Антошевский познакомил Павлова с русскими переселенцами из Киева. Дома была только одна хозяйка, муж находился на работе. Она с горечью рассказывала гостям обо всех бедах и гонениях, постигших их семью в России за веру. Прямо сразу после уверования ее арестовали и вместе с малыми детьми заточили в монастырь. Ее мужа судили в окружном суде, но неожиданно вынесли оправдательный приговор. Вскоре и она была выпущена из монастыря. Оказавшись на свободе, они всей семьей поспешили за границу.

В немецкой баптистской церкви Павлов увидел еще одного беженца из России. Его звали Теодор Майер и жил он раньше в Тифлисе. Друзья показали Василию Гурьевичу широко известную местную достопримечательность — Ниагарский водопад. Сияя на солнце радужными брызгами, водяная лавина с шумом скатывается вниз. Самых смелых одевают в непромокаемые плащи и посадив на маленький папихолик дают возможность приблизиться к самой пучине и коснуться края гвлящего облака

длина и, посадив на маленький пароводик, дает возможность приблизиться к самому центру и коснуться края гудящего озера. С канадского берега живописно вырисовывается арочный мост через Ниагару. Василий Гурьевич нарвал букет полевых цветов и взял со дна речки на память два белых камешка.

Отправляясь в Америку, Павлов мечтал побывать у меннонитов. Со многими из них он переписывался, еще живя в России. Переехав из Буффало в Гильборо, он остановился у меннонитского проповедника Гармса. Этот брат переселился сюда из Таврической губернии. Хорошо зная нужды русских верующих, он регулярно посылал в Россию деньги для ссыльных.

Шесть исповеданий приютил маленький городок Гильборо. Меннониты старые, меннониты новые, баптисты, лютеране, адвентисты и методисты имеют свои церкви.

Оказавшись на миссионерском празднике у старых меннонитов, Василий Гурьевич был несколько разочарован. Духовное собрание проходило слишком однообразно и уныло, на баптистских праздниках намного больше живости и разнообразия. Меннонитское крещение в некоторых общинах тоже отличается от баптистского. Они погружают новообращенных в воду, наклоняя им голову вниз. Такую особенность священнодействия они объясняют ссылкой на слова Евангелия: "Он склонил голову". Подобную практику крещения применяет так называемая Крымская община. Ее основатели переехали в Америку из Таврии. Василий Гурьевич отметил благочестивый образ их жизни, но из-за чрезмерной сектантской узости отдельные общины обречены на вымирание.

Меннониты трудолюбивы, как муравьи. Они с любовью обрабатывают землю, строят животноводческие фермы. Василий Гурьевич видел прекрасно ухоженные поля, дворовые хозяйства с безупречной чистотой и порядком. Меннониты, за редким исключением, по-братски относятся к баптистам. В меннонитских поселениях Василий Гурьевич чувствовал себя, как дома. Ему предлагали проповедовать, проводить занятия в воскресных школах, участвовать в пресвитерских совещаниях. Погостив у меннонитов, Павлов в начале июня отправился в Южную Дакоту. Ожидая поезда во время пересадки, он впервые наблюдал уличное собрание Армии Спасения. Впереди большой толпы шел молодой человек с барабаном. На плечах двух дам, одетых в простые синие платья, красовалась лента с надписью: "Армия Спасения". Замедлив шаги на углу улицы, они громко запели духовный гимн. Пение сопровождалось игрой на обыкновенной гармонике и ударами в бубен с бубенчиками.

— Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные! — выкрикнул молодой человек, вставая с колен. — Это слова нашего Спасителя! Он дает душам мир и избавление от греха!

— Мы счастливы, что уверовали в Господа! — свидетельствовали дамы. — Вкусите и познаете, как благ Господь!

Уличное служение продолжалось в течение часа. Затем под барабанный бой и пение группа организованно проследовала в палатку, где стояли стулья. Дама обходила каждого присутствующего с вопросом: "Спасен ли ты?" Если кто говорил, что знает Бога, она желала ему небесного благословения. Многие выходили вперед и свидетельствовали о личном духовном возрождении. Василий Гурьевич тоже кратко рассказал о своем обращении к Богу.

В Южной Дакоте Павлова встретил Август Либиг, немецкий баптистский проповедник, который в 1884 году рукоположил Василия Гурьевича на служение пресвитера Тифлисской общины. Либиг рассказал, как в Лодзи его арестовали и выслали за границу. В одном доме с ним живет дочь с ребенком, ее муж-миссионер умер на пути из Африки в Америку.

Василий Гурьевич непременно хотел посетить и город Кульм в Северной Дакоте, где обосновался брат Рейхерт, проживавший ранее в Тифлисе. Кульм оторван от железной дороги и Павлову пришлось добираться на извозчике. На каменистых степных просторах кое-где появлялись посеы пшеницы, но очень скудные, без наливных колосьев. Твердая земля, блеклая растительность, холодный климат — все это напоминало Оренбургские степи.

Рейхарта не застали, но в его доме Павлов познакомился с Нибуром, студентом баптистской семинарии из Рочестера, который проповедует в местной церкви во время летних каникул. По случаю приезда гостя братья решили устроить собрание. Люди быстро собрались в дом Божий по звону церковного колокола, но радостное торжество омрачило печальное известие. В соседней общине у одного брата умер одиннадцатилетний мальчик. Много детей в этой местности погибало ежедневно от дифтерита и Василия Гурьевича приглашали проповедовать на траурных богослужениях.

Вернувшись в Кульм, Павлов наконец-то встретился с Рейхартом, который был очень рад видеть представителя Тифлисской общины. Рейхарт сразу же повез Павлова в окрестные церкви, где Василий Гурьевич проповедовал и рассказывал о своей трудной судьбе.

Немало пришлось потрудиться Павлову и у переселенцев из Тульчи. Это были в основном немецкие баптисты, но в городе Горвей Павлов встретил и русских верующих. Алексей и Федор Николаевы после выезда из Тульчи жили вначале в Канаде, но там сильные морозы побивали пшеницу и они решили перебраться сюда. Беседуя и молясь с Василием Гурьевичем, они расспрашивали о своих родственниках в Тульче.

Брата Кривцова Павлов увидел в Чикагском отеле. Он принадлежал к секте скопцов и за это был сослан в Сибирь. Познакомившись с баптистами после ссылки, он принял евангельское учение и был крещен братом Василием Васильевичем Ивановым. Из-за частых преследований он выехал в Америку.

В Чикаго главная христианская достопримечательность — это Библейский институт Муди. Братья предоставили Василию Гурьевичу возможность осмотреть этот центр христианского образования. Когда Павлов прибыл в Филадельфию, брат Шульте показал ему Баптистское издательское общество. Громадное шестиэтажное здание включает в себя редакцию, типографию, склады и книжный магазин. Финансовую базу для этого учреждения заложил богатый баптист Крозер. Беседуя с секретарем общества, Павлов просил помощи об издании маленького духовного журнала на русском языке. Выехав из Филадельфии, Павлов на несколько дней сделал остановку в Нью-Йорке.

Посетив местные немецкие общины, он 10 июля сел на пароход, отправляющийся в Бремен.

На обратном пути погода была тихая и морская болезнь не мучила Василия Гурьевича. Изредка побаливала голова, но по мере приближения к Европе, самочувствие улучшалось. Среди палубных пассажиров было очень много славян — поляков и русских из Галиции. После долгого плавания, увидев маяк у английского берега, все пассажиры высыпали наверх и закричали: "Земля! Земля!"

Утром 28 июля бросили якорь в Бремергафоне. Из-за отлива пассажиров до берега возил малый пароход. В Бремен Василий Гурьевич приехал на поезде.

Встречи с братьями немецких городов были кратковременными и 7 августа Василий Гурьевич оказался среди своих домашних и друзей в Тульче.

Не успев как следует оправиться от заокеанского путешествия, Павлов осенью собрался навестить верующих в России.

Девятого октября вместе с женой они переправились через границу и прибыли в Одессу. Стоило Василию Гурьевичу добраться до Таврической губернии, как сразу почувствовалась старая затхлая атмосфера духовной несвободы. После утреннего богослужения в Астраханке верующие спрятали Василия Гурьевича в чулане, потому что уряднику уже кто-то настроил донос о приезде небезызвестного Павлова.

До Ростова и Царицына доехали без приключений. На хуторе Тамбовка, недалеко от станции Котельниково братья упросили его остаться на неделю, предлагая вызвать Богданова из Владикавказа для свидания. Богданов приехал утром в воскресенье. На послеобеденное богослужение явился пристав и пригласил Богданова и Павлова проследовать в полицию. Прибывший через три часа полицмейстер вместе со своим помощником снял допрос с проповедников.

— Были ли Вы в Гамбурге для получения образования? — спросил помощник пристава у Василия Гурьевича. Павлов ответил утвердительно.

Порывшись в своих бумагах, полицейские чины приказали задержать благовестников до особого распоряжения. Богданова и Павлова заперли под замок в тесной комнате, где находилась жесткая кушетка и кусок рогожи под голову. Утром Василия Гурьевича оштрафовали на 10 рублей за просроченный паспорт и вместо него выдали проходное свидетельство с правом следования 25 верст в сутки, нигде в пути не останавливаясь.

Богданову выдали такое же свидетельство до Лодзи, несмотря на то, что он здешний мещанин.

Только в конце ноября Павловы смогли попасть в Тифлис. Василий Гурьевич проповедовал среди молокан и баптистов. 11 декабря была устроена совместная вечера любви и Василий Гурьевич подробно рассказал о необычной поездке в Америку.

Заезд на родину был как мимолетное сновидение.

На следующий год Павлова вынудили опять удалиться в Румынию.

Слово защиты

Немало упреков бросали Василию Гурьевичу в связи с тем, что он покинул на время Россию. Даже близкие друзья воспринимали этот шаг Павлова как отказ от борьбы за дело Евангелия.

Регулярно переписываясь с пресвитером Бакинской общины Василием Васильевичем Ивановым, он делится соображениями о превратностях своей судьбы: "Здесь я в настоящее время не имею никакой радости, противодействие даже со стороны немецких проповедников, голод в стране. Признаюсь, что и в Тифлисе бывает тягость, когда вспомнишь прежние истории с Ропониным да и братья едва ли обеспечат меня. Но главное: нужно на все иметь указание от Господа и илти не

истории с Борщевым, да и братва едва ли воссеяла на меня. Но главное, нужно на все иметь указание от Господа и идти не впереди, а позади столпа облачного... Напрасно ты думаешь, что только каприз удержал меня от возвращения в Россию, Ты сам знаешь, что я едва мог выехать. Лучше жить здесь, нежели скучать в России с сомкнутыми устами".

В служении проповедника Василий Гурьевич видел не только задачу провозглашения спасительной миссии Иисуса Христа; проповедник Евангелия — это пророк, призванный Промыслом Божиим оказывать помощь гонимым и обездоленным, предназначенный ограждать истину от невежественных и грубых нападок на нее противников живого христианства.

"Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати" — говорит апостол Павел о сущности евангельского призвания. — Фил. 1,7.

И само благовестие, и защита его от всевозможных посягательств, по учению Нового Завета, — благородный христианский долг. Поэтому как только в России появился независимый евангельский журнал "Беседа", Павлов стал его активным сотрудником. Это первое периодическое издание сектантов, основанное Иваном Степановичем Прохановым в 1890 году.

Через четыре года издательство вынуждено было переместиться за границу, где журнал начал выходить типографским способом и круг его корреспондентов намного расширился. Евангельские христиане, баптисты, толстовцы свободно соседствовали на страницах журнала. Помимо проповедей и духовных статей издатели открыли специальный раздел под названием: "Слово защиты", куда помещали сообщения, письма о жизни общин, материалы юридического характера.

"Через "Беседу" мы можем достичь и уже достигли, что западные христиане и правительства знают больше о настоятельности нужд верующего народа, — писал главный редактор И.С. Проханов. — Издание "Беседы" служит делу распространения евангельского движения и благу тех, кто участвует в нем".

В самый разгар победоносцевских гонений Павлов безбоязненно выступает в "Беседе", рассказывая о беззакониях и бесчинствах над верующими неправославного исповедания в России.

Оказавшись за границей, Павлов получил беспрепятственные возможности для несения ходатайственного служения. Заботясь о правовом положении христиан, он вступает в переписку с известным исследователем русского сектантства марксистом В.Д. Бонч-Бруевичем. Врожденная деликатность и степенность помогали Василию Гурьевичу легко находить общий язык с представителями иных мировоззренческих принципов.

"Я со своей стороны готов вести знакомство со всеми людьми, которые стремятся к свету, ищут делать добро ближнему и стоят за свободу совести", — отмечал он в письме к Бонч-Бруевичу.

Находясь в эмиграции, Бонч-Бруевич оказывал немалые услуги гонимым русским верующим. Он продолжал собирать, систематизировать и выпускать материалы, связанные с преследованиями сектантов царским правительством. Василий Гурьевич был для Бонч-Бруевича ценнейшей находкой. Павлов прошел страдальческий путь, принципиально не принимая казенного христианства, участвовал в правозащитной деятельности. Кроме личного опыта Павлов располагал сведениями о столкновениях единоверцев с произволом полиции и местного духовенства.

"Я вполне сочувствую Вашей цели — издать материалы для освещения истории сектантства, — пишет Павлов Бонч-Бруевичу. — Это будет иметь огромное значение для будущих исследователей сектантства, которые будут читать факты для беспристрастной оценки умственного и религиозного движения нашего русского народа".

Будучи свободным от духовной гордыни, Василий Гурьевич не стремился защищать только лишь узкоконфессиональные интересы, но, болея о горькой доле преследуемых, он печалится и о судьбе России.

"Молитва — преступление, наказуемое по 29-й статье Уложения о наказаниях штрафом до 50 рублей или на 2 месяца в тюрьму. Не доказывает ли это, что наше отечество, лучше сказать официальная Россия, идет, назад, а не вперед, — горестно заключает он. —; Нигде во всем свете, даже у язычников и у турок, общественная молитва не считается преступлением, потому что они дозволяют свободно молиться всем христианам. Говорят, что штундисты вредны, потому, что они отвергают военную службу, не принимают присяги. Пусть будет так. Так наказывайте их за эти преступления. Какие бы убеждения штундисты не имели, но если они сходятся для поклонения Богу, то в этом акте не может быть найдено вреда или зла. Но, если, положим, штундисты вредны, то баптисты должны бы пользоваться терпимостью, потому что признают существующие власти и подчиняются им, насколько это не противоречит их совести. На это начальство просто заявляет, что закон о веротерпимости существует для баптистов немцев, а русских баптистов у нас нет, то есть хотят сказать не должно быть, потому что, несмотря на все отрицания их есть тысячи. Из настоящих актов видно, что компетентным судьей и богословом является сельский староста и становой пристав. Раз они признают кого-нибудь штундистом, то и быть посему. Что Ратушный баптист, об этом свидетельствует священник Рождественский, а суд продолжает наказывать его как штундиста".

Это письмо Павлова Бонч-Бруевич опубликовал в книге: "Преследования баптистов евангельской секты", изданной в 1902 году в Лондоне.

Юридическая неразбериха, о которой пишет Василий Гурьевич, продолжалась и после 1897 года, когда вышел специальный царский Указ о том, что Положение Комитета министров от 4 июля 1894 года касается исключительно штундистов и не может быть распространяемо органами административной власти на другие вероисповедания.

Общественное движение в защиту преследуемых верующих поддерживали многие прогрессивные деятели русской культуры: Бобрищев-Пушкин, Пругавин, Мельгунов, Стахович на страницах периодической печати говорили, что насилие над совестью бессовестно и где нет свободы, там нет искренности, нет веры правой и неправой.

Обеспокоенность положением русских протестантов росла и в европейских странах. Благородную миссию взяли на себя братья Чертковы. Они организовали в Лондоне издательство "Свободное Слово", которое выпускало журналы с информацией о бедствиях народных правдоискателей. Составляя предисловие к работе Бонч-Бруевича "Преследование баптистов", Чертковы отмечали: "Ни один народ не может удовлетвориться без осмысливающей его существование религии, — иначе ему грозит духовно-нравственное вымирание. В какую бы сторону его временно не сворачивали разные вожак и течения общественной жизни, он в лице лучших, наиболее самобытных своих представителей будет искать высших идеалов и выработать свои новые основы жизни. И в какую бы сторону не отклонялись различные мистические и рационалистические секты, впадая в ошибки и односторонности, для нас нет сомнения, что в конце концов не законодательные меры, не революционная ненависть, драка и убийства, не социалистический материализм, но единственно религиозный подъем вынесет жизнь русского народа к свету даст ему новые лучшие идеалы и приведет к более

революционным подвигом вынесет жизнь русского народа к свету, даст ему новые лучшие идеалы и приведет к более совершенным формам жизни и поэтому каждый из нас, кому дороги народные интересы, надлежит придти на помощь этим героическим мученикам за веру".

Писатель-народник Степняк-Кравчинский, увидев в крестьянском богоискательстве здоровые освежающие силы, способные обновить общество, пишет роман: "Штундист Павел Руденко", Эта книга, изданная на английском и русском языках, познакомила читающую публику с подвижничеством молодых исповедников евангельской веры.

Журнал "Беседа", регулярно публикуя сообщения из России, описывает драматические ситуации, в которых ясно просматривается искренность гонимых и святое желание поступать достойно звания христианского.

"В конце концов правительство оказывается введенным в недоразумение относительно наиболее верной в гражданском отношении части населения, — говорится в одном из номеров. — Отсюда проистекают все преследования вроде того, что произошло в станице Закон-Юрте Терской области, где находится маленькая община баптистов, которые несмотря на всю свою слабость, оказались победителями в борьбе, несмотря ни на какие угрозы местного священника. Сей последний проклинает с кафедры, анафематствует, а баптисты молятся за него и за всех православных, чтобы Господь не вменил Это во грех. Священник просил разогнать собрания еретиков: их арестовывают и сажают в темную, а они там поют псалмы";

Голос Василия Гурьевича Павлова в то время тоже присоединился к голосам людей с чуткой и доброй совестью, кому небезразлична была судьба христиан, попавших в немилость к правительству и казенному духовенству. Рукопись Павлова о ссыльных верующих в Закавказье была включена Бонч-Бруевичем в книгу о преследованиях русских баптистов.

"Все сосланные братья весьма благодарны за поддержку, оказываемую им протестантскими странами всех наименований, иначе их участь была бы еще хуже, — писал Василий Гурьевич. — Правительство же русское очень недовольно, если кто хочет облегчить участь сосланных. Когда получают деньги с почты, то всякий раз спрашивают получателя, кто ему послал деньги и прочее".

Животрепещущие материалы Павлова легли в основу известной работы Бонч-Бруевича "Значение сектантства для России".

Несмотря на приверженность атеистическому мировоззрению, Бонч-Бруевич в те годы сочувствовал свободолобивому евангельскому движению и довольно точно сумел подметить жизнестойкость, духовную и социальную значимость протестантских общин.

"Несомненная заслуга сектантов та, что они впервые доставили в деревни в больших массах Евангелие, из которого внимательные деревенские читатели вычитывали, что на свете можно жить не только так, как живут они, крестьяне, по завету своих предков, но и совершенно по другому, — более возвышенной лучшей жизнью. Баптизм водружал взаимопомощь, поддержку, солидарность. Баптистами было заложено начало крепкой, своеобразной, самостоятельной тайной организации среди населения. Эта организация жила своей жизнью. Баптисты организовали свои школы, приюты, устраивали съезды и, несмотря на все преследования со стороны правительства, все умножаются и умножаются".

Неположительные поездки из Румынии в Германию и Чехословакию Павлов частично использовал для привлечения

Непредвиденные поездки по гужам в Германию и Чехословакию Павлов частично использовал для привлечения внимания местных христианских кругов к нуждам их русских собратьев. На деловых и духовно-назидательных конференциях Василия Гурьевича постоянно просили рассказать о личных испытаниях, связанных с проповедническим служением на русской ниве. Рассказ Павлова дополняли приезжие проповедники из России: Фрей, Шульц, Герасименко, Ружевич, Реймер.

Впервые Павлову довелось присутствовать на конференции в Бланкенбурге, где по традиции собирались христиане различных вероисповеданий. Они образовали Евангельский Союз и регулярно устраивали встречи для совместного изучения Священного Писания.

Негусто заселенные места с перелесками и лугами располагали к духовным размышлениям. На пути к городу взор путешественников притягивает средневековый замок Вартбург. Эта крепость стала в свое время убежищем для гонимого Мартина Лютера. Смелый реформатор готовил здесь бесценный подарок немецкому народу, он переводил Библию с латыни на общедоступный язык.

Павлову понравилось, что местные организаторы встречи чередовали поучительные беседы с евангелизационными служениями.

"Опять после обеда на открытом воздухе было собрание в пользу миссии между магометанами, — записал он в дневнике. — Говорил обращенный мулла по-турецки с переводом на немецкий. Но самым лучшим было то, что союзные люди принадлежали к разным исповеданиям, но меж ними царили Дух Божий и небесное единство".

Выбрав свободное время, группа русских верующих вместе с немецкими друзьями преклонили колени на горе, взывая к Богу о даровании России полной свободы проповеди Евангелия.

В Праге Василию Гурьевичу показали знаменитую историческую достопримечательность. Павлов увидел Вифлеемскую площадь, куда стекались жители города слушать огненные проповеди Яна Гуса.

Через неделю Павлов оказался снова в Тульче. Почти следом за ним приехал Герасименко с Аксинией Рябошапкой. Спутница известного проповедника, вынужденного закончить земной путь на чужбине, считала дни, ожидая разрешения от правительства на возвращение в Россию.

О смерти Ивана Григорьевича Павлов раньше сообщал в письме В.В. Иванову: "5 февраля почил в Господе, в Софии, в Болгарии брат Иван Григорьевич Рябошапка. В последний раз я виделся с ним прошлый год на конференции в Рушуке. Жена его пока еще жива, а детей у них не было".

Проводив весной в Россию сына Павла, Василий Гурьевич еще сильнее затосковал по родным местам. Да и встреча с Герасименко и Аксинией Рябошапкой, отъезжавшими на Родину, вызвала томление души по Отечеству.

"Я переживаю теперь переходное время. С одной стороны жаль бросить и здешнюю общину, потому что не нахожу себе преемника, но с другой стороны жаль и братьев в России, да и весь русский наш народ, который в настоящее время просыпается от векового усыпления и начинает сознательно усвоить учение Христово и строить на нем свою жизнь, — пишет Василий Гурьевич Иванову. — Я всецело отдаюсь в волю Божию и готов идти, куда Господь меня пошлет".

Павлова огорчало, что духовное состояние Тифлисской общины нельзя было считать благополучным. По сообщениям Иванова неурядицы возникали от частых вспышек духа партийности. Группа Воронина и Мазаева стремилась занять господствующее положение среди верующих. Переписываясь с Ивановым, Василий Гурьевич выражал решительное неодобрение действий этих людей. Он и здесь выступал как защитник принципов евангельской свободы:

"Я нахожу, что Дей Иванович, сам того не замечая, пошел по опасному пути и вводит в наше церковное устройство тиранство соборов и уничтожает самостоятельность общин. Я буду бороться против такого направления всеми силами, насколько поможет мне Господь".

Василий Гурьевич понимал, что не все члены Тифлисской общины будут рады его возвращению. Как у властей, так и среди зараженных горделивыми чувствами верующих его авторитет и духовное влияние вызовет неудовольствие. Предвидя неблагоприятные обстоятельства, он все-таки принимает решение ехать в Россию.

Восемнадцатого июня 1901 года Павлов уведомил о своих планах Бонч-Бруевича: "Несмотря на то, что в России нет свободы, я намерен еще в текущем году опять выехать в Россию, чтобы потрудиться там в проповедании Евангелия".

Бонч-Бруевич не раз предлагал Василию Гурьевичу встретиться в Швейцарии, но Павлов не мог позволить себе это путешествие из-за нехватки денег.

"Что касается моей поездки в Швейцарию, то у меня есть там несколько друзей и с Вами лично познакомиться я тоже желал бы, тем более, что месяца через два я намерен снова переселиться в Россию, — пишет Василий Гурьевич. — Я вижу лишь одно препятствие: недостаток денежных средств. О сведениях не беспокойтесь, я постараюсь, чтобы наши братья посылали Вам. "Свободную мысль" получил".

По просьбе Бонч-Бруевича, Василий Гурьевич, выезжая из Тульчи, отправил ему свою автобиографию. Фактические материалы, подготовленные для Владимира Дмитриевича, Павлов снабжал существенным примечанием:

"Я даю Вам совет — выпускайте книжки по сектантству без примеси всего другого. Иначе враги наши могут обвинить нас, что мы проводим социалистические идеи и воспользуются этим для большего угнетения отщепенцев".

Рекомендации своего аккуратного и предусмотрительного корреспондента Бонч-Бруевич принял во внимание. Большая серия по освещению религиозных движений, напечатанных им, содержала основные факты в чистом, виде с краткими пояснительными комментариями юридического характера.

Возвращался из эмиграции Василий Гурьевич с чувством исполненного долга. Как христианин и служитель Евангелия он постарался делать то, к чему призывал его голос совести, — сказать всю правду о единоверцах в условиях российской действительности. По примеру великого апостола язычников, он был поставлен Богом "защищать благовестников". — Фил. 1, 17.

Осенью 1901 года семья Павловых вновь обрела приют в родном Тифлисе.

Работа в Закавказье и поездка на Всемирный конгресс

В начале двадцатого века шквал гонений на неправославных христиан в России немного затих и Василий Гурьевич без особых препятствий обслуживал не только Тифлисскую общину баптистов, но часто выезжал в другие губернии с проповедью Евангелия. Маршрут миссионерских путешествий Павлова в феврале 1903 года проходил по местам, где в прошлом странствовали его предки.

"Съездил на сопки верст 10 от Ивановки в Топчу, где прежде жил мой отец по пришествии из России и где покоятся кости моего деда Григория, — отметил он в дневнике. — От них не осталось никаких признаков. Кладбище поросло виноградной лозой, айвовыми и другими деревьями. Теперь разделявать стали рис".

В горном селении Ивановка, основанном русскими переселенцами, Василий Гурьевич был двадцать лет назад. Там жили верующие разных исповеданий, но не было ни одного баптиста. На этот раз Павлов увидел в Ивановке баптистскую общину, состоящую из 53 душ. Молитвенное служение отличалось здесь пламенным горением духа, все верующие молились вслух одновременно. Павлов руководил собраниями и беседовал с учениками воскресной школы.

По договоренности с пресвитером Бакинской общины Ивановым, они вместе побывали в отдаленных глухих деревушках.

Новоивановка, Новосаратовка, Михайловка, — труден и тяжел был путь к этим населенным пунктам. Мокрый снег, грязь вперемешку с камнями крайне изнуряли лошадей и путников. И только радушные встречи с братьями и сестрами снимали усталость, прибавляя новые силы. Даже местных татар не смущали евангельские богослужения. Они гурьбой окружали Павлова, прислушиваясь к его беседам. Василий Гурьевич читал им по-татарски Нагорную проповедь Иисуса Христа.

Возвращение в Тифлис совпало с примирительным собранием по достижению единства с Ворониным и его группой. Не все были уверены в том, что Воронин надолго удержится в основной общине, но само искание мира ободрило верующих.

С неожиданной просьбой обратился к Василию Гурьевичу Александр Степанович Проханов. Он пожелал, чтобы Павлов совершил его бракосочетание с Анастасией Титовной Фефеловой.

Молоканин просит баптиста о священнодействии? Допустимо ли это? Василия Гурьевича не тревожили подобные сомнения. Семья Прохановых славилась христианским благочестием и преданностью Богу. Занимая руководящее положение среди Тифлиских молокан, Александр Степанович был широко образованным человеком и всегда стремился к братскому общению с верующими родственных течений. Пришло приятное приглашение и из Батуми — крестить новообращенных.

За днями радости нередко идут дни печали. Василия Гурьевича постигает личное горе. 17 июля 1903 года умирает его отец.

"В час ночи скончался родитель мой Гурий Григорьевич Павлов, — гласит дневниковая запись. — Кроме нашей семьи присутствовал при его кончине племянник Абрам Григорьевич Павлов с женою и племянница Варвара Кузьминична Киряева. Агония была непродолжительная. Сознание сохранилось до конца жизни в вере и надежде на Господа". На похороны собралось много родных и друзей Гурия Григорьевича. Воронин и Павлов проповедовали.

Через месяц печальные известия принесли из Воронцовки. Умерла жена покойного дяди Василия Гурьевича Поликарпа. Смерть — один из лучших проповедников. Похоронное служение в Воронцовке уменьшило число равнодушных к Евангелию. До глубокой ночи Василий Гурьевич беседовал с сельчанами о бессмертии души и путях богопознания.

Добрая традиция сложилась у евангельских верующих Кавказа: осенний праздник жатвы некоторые общины проводили совместно с христианами иных наименований.

"По приглашению брата Демакина выехали из дома в Али-Куго, Моздокский отдел, где баптисты, детокрещенцы молокане и адвентисты назначили на 1 октября благодарственный праздник Жатвы и позвали многих посторонних братьев, — рассказывает Василий Гурьевич. — Утром на хутор к Прянишникову съехались душ до 300 на тачанках. Было общее богослужение. Открыл собрание Петр Григорьевич Демакин. Я сказал речь на 102-й псалом о благодарности. После собрания был общий обед".

Подобные богослужения, конечно, не означали разрешения проблемы христианского единения. Ведь Тифлисская община баптистов постоянно страдала от разномыслии и разделений. Разногласий с Ворониным так и не удалось устранить.

Двадцать шестого июля 1903 года Василий Гурьевич делает запись: "Произошло опять окончательное отделение Воронина Н.И. с его партией в 10 человек, решили дать им 1/5 имущества, — всего 7 скамеек".

Начиная с 1902 года и по 1905 год русские баптисты ежегодно проводили съезды. Деловые общения были немногочисленными и обсуждались на них вопросы благовестия и единства с евангельскими христианами. Это молодое протестантское движение, родственное баптизму, зародилось в Петербурге в конце девятнадцатого века в среде столичной аристократии на основе проповеднического служения английского лорда Редстока и отставного гвардейского полковника графа Пашкова. Со временем оно получило распространение во многих губерниях России.

На съезде баптистов 1902 года в Ростове-на-Дону присутствовали два представителя от Петербургских евангельских христиан В.И. Долгополов и Г.М. Матвеев.

В нелегальных условиях работал Царицынский съезд 1903 года. Делегатов захватила идея о выработке наиболее приемлемого общего названия движения.

На съезде 1904 года, собравшемся в Ростове-на-Дону, евангельские христиане из Петербурга, Киева, Конотопа, Севастополя обратились с заявлением о вступлении в Союз баптистов с сохранением прежнего наименования.

Майский съезд баптистов и евангельских христиан в 1905 году, учитывая пожелания обоих течений, принял соединенное обозначение: "евангельские христиане-баптисты".

Прямо на съезде умер делегат Н.И. Воронин. Это обстоятельство внесло скорбную ноту в общее ликование по поводу сближения двух конфессий.

В протоколах съезда фамилия Павлова не упоминается, нет его и среди делегатов союза, избранных на первый Всемирный конгресс баптистов. Поэтому Василию Гурьевичу пришлось отправиться в Лондон с полномочиями только от Тифлисской общины.

Иванова и Мазаева Павлов увидел накануне Конгресса в Центральной баптистской церкви, где пастырское служение нес сын знаменитого проповедника Чарльза Сперджена Томас. Вместе с Деом Ивановичем приехали две его дочери Софья и Ольга и две племянницы Маргарита и Надежда. Когда гостей рассадили за маленькими столиками и угощали чаем, в зал вошел Томас Сперджен с женой. Просто и непринужденно беседовали супруги с посланцами различных церквей. Гости чувствовали себя, как дома.

На приветственном собрании Томас поочередно представлял служителей Евангелия. Немецкие делегаты, среди которых был Вильям Онкен, сын покойного И.Г. Онкена, подробно рассказывали о подготовке проповедников в баптистской семинарии и развитии книгоиздательского дела.

Сразу после немцев собрание предложило В.В. Иванову сказать несколько слов о личных духовных переживаниях. Слушая скупое повествование пресвитера Бакинской общины, все как будто перенесли мысленно в древние апостольские времена. Семнадцатилетний полицейский надзор, пятилетняя ссылка, тридцать тюрем, — вот основные вехи жизненного пути Божиего труженика Закавказья.

— Благодарю Спасителя моего Иисуса Христа и всех вас, дорогие братья, за молитвы и материальную поддержку, оказанную западными христианами в трудное для нас время, — сказал Василий Васильевич, заканчивая рассказ.

Переводил Иванова латыш из Риги, студент богословского колледжа Сперджена Вильгельм Фетлер. Зал гремел от усердных рукоплесканий.

"Нам, привыкшим к молоканским обычаям, способ выражения священной радости посредством рукоплесканий сначала казался странным, — вспоминал Иванов, — но, когда мы ближе познакомились с простотой и чистосердечием наших заграничных братьев, мы убедились, что рукоплескание есть самое невинное средство для выражения восторга и духовного удовольствия".

Много самобытного и неожиданного бросалось в глаза русским верующим на улицах Лондона. Шестимиллионный город по воскресным дням жил совсем иной жизнью. Исчезала будничная сутолока, без шума и суеты горожане с просветленными лицами выходили из церквей. Вечером оживали парки и тихие переулки. Прямо под открытым небом проповедники Евангелия собирали людей и возвещали им Слово Божие.

"Все это наполняло наши сердца радостью и благодарностью Господу за такую свободу благовестия, — рассказывая соотечественникам о путешествии, делились своими впечатлениями русские делегаты — Со скорбью приходилось

вспоминать о нашей бедной родине, где возможно все, только не слово о благодати Божией".

Имя баптистского проповедника Чарльза Сперджена известно далеко за пределами Англии. Поэтому многие участники Конгресса сочли своим долгом посетить могилу великого глашатая Истины.

Рано поутру Василий Гурьевич, навестив Мазаева, Иванова и Фетлера в гостинице, вместе с ними поехал на Норвудское кладбище. Там их ожидал ученик Сперджена, проповедник из Канады. Он неспешно провел гостей по длинным ухоженным аллеям среди величественных надгробных памятников. На них не было ни одного креста. Рядом с кладбищенской часовней стоял высокий массивный постамент с бюстом Сперджена. Перед бюстом лежала большая Библия, раскрытая на Втором Послании апостола Павла к Тимофею с выделенными крупным шрифтом словами: "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил* веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный судья, в день оный".

Читая священный текст, посетители замерли в почтительном молчании.

— Друзья мои, — тихо, но воодушевленно заговорил ученик Сперджена. — Это был истинный слуга Божий, сосуд небесной славы, народ жаждал слушать его проповеди. Лондонский Хрустальный дворец собрал более двадцати трех тысяч человек, когда проводил там служение Сперджен. Как сейчас, помню его облик, его открытую улыбку, юмор, мягкий и назидательный. Великую мудрость дал ему Господь...

Благодарственный духовный гимн братья пели вполголоса, со слезами умиления на глазах. Молитвенно испрашивая у Бога дара благодати для распространения Царства Божия и живого, упования, они возложили на гробницу венки.

Интересная заметка появилась вскоре в английском религиозном журнале.

"Торжественно и спокойно было маленькое собрание на Норвудском кладбище, — писал корреспондент, — месте упокоения величайшего из проповедников. Для тех, которые стояли тут, хотя они и не видели его никогда и хотя никогда не слышали его голоса, Сперджен был не мертв и не забыт, и в то время, когда они стояли спокойно с непокрытой головой перед памятником мужа, — в то время им казалось, что тот, которого имя было у всех на устах, — не будучи уже в живых, все еще говорил с ними. Пели и молились на иностранном языке. Посетителями были представители русского баптистского союза, они приехали из-за гор и морей за несколько тысяч верст и почувствовали, что первая их обязанность состоит в том, чтобы почтить память человека, любезного Господу Богу и любезного людям Божиим".

Вечером 28 июня 1905 года состоялось открытие Конгресса. Огромный зал Центра баптистов Англии "Экстер-Холл" был празднично украшен национальными флагами всех государств, приславших своих представителей. На большой карте, вывешенной над платформой, резко бросались в глаза белые звездочки. Они показывали количество баптистских церквей в различных странах.

— Мои дорогие братья в Господе! — обратился к делегатам секретарь Конгресса Шекспир, когда смолкли звуки вступительного гимна. — Для меня настоящее зрелище скорее сновидение, нежели действительность, ибо мне трудно даже представить, чтобы такая великая мысль, которая около двух лет тому назад пришла на сердце многоуважаемого доктора Пнестриджа, могла получить неапельную форму. Мы собравшие здесь представляем собою около 6 миллионов человек

пространства, чтобы получить реальную форму. Мы, собравшие здесь, представляем собой около 5 миллионов человек, крещенных по вере, и составляем самое большое протестантско-евангелическое общество на земле и без всякого сомнения имеем сильное влияние на христианскую мысль. Многие из нас будут удивляться, когда увидят огромное число представителей из США. Один из моих друзей недавно вернулся из Америки и рассказал мне, что во время его проезда через какой-то город он заметил великолепное здание: "Что это за здание?" — спросил он. — "Вторая баптистская церковь". Проехав несколько дальше, он увидел другое церковное строение. "А это что за здание?" — спросил он опять. — "А это первая баптистская церковь". Итак, по милости Божией мы суть представители самого многочисленного и самого сильного христианского общества, призванные Богом сохранить символические обряды Христа в их первоначальной простоте и наученные исполнять лишь только то, что Он повелел нам, доколе Он придет!"

Роль председательствующего на Конгрессе выполнял судья, королевский советник и руководитель Баптистского союза Великобритании и Ирландии Виллис.

— Мы пригласили вас не для того, чтобы участвовать с нами в каком-нибудь спектакле, — сказал он в приветственном слове. — Мы собрались, чтобы видеть благодать Бога, проявленную Им в каждом из нас. Пока каждый член Христовой Церкви ощущает только свою духовную жизнь, вера его может колебаться, но когда он видит также и духовную жизнь других верующих, то вера его безусловно укрепляется. Я никогда не ожидал такого доказательства силы Христа, какое я вижу сегодня. Вы, братья, для нас свидетели Христа, ибо видимое нами сейчас есть воистину дело Святого Духа. Да будет это собрание истинным повторением Пятидесятницы!

Организаторы Конгресса приглашали представителей всех стран на центральную платформу. Появление делегации из России зал встретил восторженными рукоплесканиями. Иванов, Мазаев, Икскуль и Павлов долго стояли молча, ожидая тишины, Приветственную речь пришлось говорить Павлову. Предложение поступило неожиданно и у Василия Гурьевича не было времени на предварительное обдумывание.

— Я очень рад видеть вас, но я должен сказать вам, что я никогда не пробовал говорить по-английски публично, — предупредил слушателей Василий Гурьевич. — Я не готовил для вас речи, но то, что я говорю, я желаю говорить без переводчика. Если я буду говорить ломаным языком, то я надеюсь, что вы меня простите. Я в настоящее время работаю в Тифлисе, в Закавказском крае, в Азии. Наша работа в Азии началась тридцать лет тому назад. Мы строили молитвенные дома, но нас преследовали, и я и много других были сосланы в Сибирь. Как только я успел вернуться из ссылки, полиция явилась ко мне и требовала от меня обязательства, чтобы я больше не проповедовал. Но я сказал в ответ: "Я вам этого не дам. Разве вы думаете, что я боюсь? Я намерен проповедовать". Моя совесть не позволяла сделать то, чего полиция от меня требовала, и я вновь был сослан на 4 года. Всего я был в ссылке 8 лет, и когда я освободился, то поехал в Румынию и там проповедовал. Когда время пришло, я опять вернулся в Россию и теперь работаю в Тифлисе. У нас было много страданий ради Евангелия, так, как если бы мы убили человека: нас сослали и отнимали все наши права. Но мы радуемся, что наше положение в России теперь стало далеко лучше. Нам дали больше свободы. Но полной свободы мы еще не имеем. Число баптистов в России достигает до двадцати тысяч и мы все имеем одну веру и одно библейское крещение".

Общение с посланцами из России не ограничилось речью Павлова. В течение работы Конгресса с обзорными рефератами о положении русских баптистов выступали барон Икскуль и Мазаев.

— Но как всегда было, сильное распространение Евангелия вызывало и сильное противодействие, — отметил Дей Иванович. — Наши выдающиеся проповедники большей частью высланы собрания воспевают. Но слава Богу, что все это

Павлов. — Самые выдающиеся проповедники совершили частые вылазки, собрания воспрещены. Но, слава Богу, но все это не остановило ревности детей Божиих в их святом труде и они несмотря ни на что продолжали собираться и не переставали свидетельствовать о Господе. Собрания были очень немногочисленны, часто состояли из 5-6 человек и проходили только по ночам, но и там их полиция преследовала и не давала покоя, так что приезжие братья-проповедники часто прятались под кроватью или убегали через узкое окно. Братья в короткий сравнительно промежуток времени испытали все то, что испытала Церковь Христова в первые времена своего существования. Многие из них, благословляя гонителей, умерли в изгнании в России и за границей...

Для иностранцев Россия всегда была каким-то загадочным феноменом. Стоило на платформе появиться русскому делегату, зал мгновенно преображался, следя за каждым словом и движением русских. Проповедники из России казались многим новоявленными апостолами Христовыми. Даже светская пресса не обошла их вниманием. Один их британских еженедельников писал:

"Но ничто не произвело такого впечатления, как отчеты русских. Из России были четыре человека — высокие, хорошо сложенные, длиннородые ветераны. Господин Павлов из Тифлиса на ломаном английском языке рассказал, как он и его друг были сосланы два раза, потому что не захотели давать подписку не проповедовать. Этот друг имел вид, святого с красивыми глазами, простыми и грациозными, манерами. Этот человек был в тридцати различных тюрьмах".

Местные баптисты позаботились о том, чтобы гости как можно полнее ознакомились с деятельностью английских церквей. Делегатам показали сиротский дом Сперджена, в котором получают всестороннее воспитание 500 детей обоего пола, Посетители увидели целый комплекс небольших зданий, похожих на семейные квартиры. В центре городка размещался плавательный бассейн. Повсюду царил образцовая чистота и порядок. Дети группами выходили из домиков, приветствуя делегатов, радостно пели духовные гимны.

Русским проповедникам очень хотелось попасть в Гайд-Парк — главную достопримечательность Лондона. В воскресенье к концу дня было назначено там собрание. Прямо на мягкой зеленой траве сидели слушатели, а около дерева Реформаторов возвышалась повозка. На ней смогли установить фисгармонию, кафедру и две скамьи. Руководил необычным служением Клиффорд.

— Самая выдающаяся черта баптистов — мужество, — сказал он. — Баптисты открыли учение о свободе совести. Джон Буньян пошел на двенадцать лет в тюрьму за то, что предпочел больше повиноваться Богу, а не людям. Баптисты стоят за политическую и социальную свободу, за духовную независимость, за благую весть для каждого.

В паузах между речами проповедников на повозку поднимались негры и, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, восторженно пели псалмы.

А пятого июля делегаты присутствовали на заключительном заседании Конгресса в Альберт-Холле.

"Пел хор из тысячи человек, сопровождаемый звуками огромного органа. Но не только хор, но и все собрание из десяти тысяч человек пело и повторяло слова гимна: "Венчайте Его", которые переливались по залу раскатом грома. Я чувствовал себя как бы на небе", — занес свои впечатления в дневник Павлов.

На обратном пути ликующее приподнятое настроение затушевало во время остановки в Тульче. Община, где Павлов раньше нес пасторское служение, за последние годы оказалась на грани запустения. Тогда здесь работала воскресная школа, да и слушателей на богослужebных собраниях было по шестьдесят — семьдесят человек. А теперь нет ни школы, ни посетителей со стороны. Высокая сорная трава заполонила даже центральный вход в молитвенный дом.

Тринадцатого августа Василия Гурьевича встречал в Батумской гавани проповедник Бабаев и несколько солдат, которые недавно уверовали и готовились принять крещение. Священнодействие поручили совершить Павлову. Море на редкость было спокойным. Новообращенные, щурясь от яркого солнца, заходили в воду и громко свидетельствовали о вере в Господа Иисуса Христа.

Примеру трех солдат последовали еще шестеро. На праздничном собрании они принесли публичное покаяние, заявив о своем желании стать христианами.

В Тифлис Василий Гурьевич вернулся 16 августа. Его жена тоже возвратилась из путешествия. Она ездила к дочери и родным.

Законодательные реформы и дело евангелизации

В сентябре 1905 года среди жителей Тифлиса заметно повысился интерес к баптистам. Это явление было вызвано выступлением Павлова в Большом зале Артистического общества.

"Кто такие баптисты и к чему они стремятся?" — так обозначил Василий Гурьевич тему доклада. Объяснив слушателям, что страшные слухи о баптистах — это плод невежества в вопросах веры, Павлов рассказал о происхождении этого вероучения, об основных принципах, целях и задачах баптистских церквей. Выступление было оформлено как духовно-концертная программа, доклад сопровождался пением хора Тифлисской общины.

Большинство одобрительно отозвалось о новой евангельско-культурной акции. Городская газета "Кавказское слово" дала похвальное сообщение с намеком о повторении подобных собраний.

Власти пришли в замешательство. Испугавшись широкого влияния открытой евангельской проповеди, они не разрешили сразу продолжения выступлений в публичных местах. Однако, несмотря на глухую закоснелость местных чиновников, царское правительство уже провело ряд реформ, затрагивающих правовое положение неправославных верующих.

Сама жизнь со всеми социальными потрясениями требовала пересмотра отношения к основному праву человека — праву на свободу совести. Семнадцатого апреля 1905 года издается Высочайший Именной Указ об укреплении начал веротерпимости.

"В постоянном, по заветам Предков, общении со Святой Православной Церковью неизменно почерпая для себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести", — гласит витиеватая преамбула Указа.

Этот царский документ состоял из семнадцати пунктов, регулирующих деятельность иноверческих общин. Весь Указ, а в особенности пункт первый, обобщил законоположения, выраженные ранее в Манифесте от 26 февраля 1903 года и Указе от 12 декабря 1904 года.

"Признать, что отпадение от Православной Веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо не выгодных в отношении личных или гражданских прав или последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало", — говорилось в новом законе.

Выходу в свет более благоприятных узаконений способствовала правозащитная и духовная деятельность активных верующих.

Восьмого января 1905 года в министерство внутренних дел была направлена "Краткая записка о возникновении, развитии и настоящем положении евангельского движения в России и о нуждах евангельских христиан, известных под различными народными кличками: пашковцы, баптисты, новоменнониты и т.п.", подготовленная И.С. Прохановым, И.П. Кушнеровым, В.И. Долгополовым и В.Н. Ивановым. Служители евангельско-баптистских церквей приложили к "Записке" 22 документа с конкретными фактами жесточайших преследований сектантов.

По замечанию Проханова, расширение религиозной свободы "есть результат страданий тех, кто томился в тюрьмах и ссылках, и результат молитв многих лет. Мы с радостью пожалели то, что долгие годы сеяли со слезами".

И, наконец, Манифест от 17 октября 1905 года о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов тоже в какой-то мере был предвосхищен не только участниками политических демократических движений, но и трудами последователей Иисуса Христа, их молитвенными усилиями и ходатайствами перед сильными мира сего.

Начало 1906 года Василий Гурьевич встретил на колесах. Обрадованный некоторыми улучшениями в религиозно-правовой обстановке, он спешит с проповедью Евангелия к дальним и ближним. С группой соратников Павлов едет на очередное посещение молоканских селений. Дорога осложнилась из-за частых вооруженных столкновений между армянами и татарами. Отряды татар появлялись неожиданно с ближайших гор. Они бесцеремонно осматривали фургон, спрашивая у проводников, куда они держат путь.

В Новосаратовку прибыли с большим опозданием. Все дорожные передряги сразу забывались, когда во время богослужения сельские верующие начинали молиться Богу. Молились по-древнеапостольски дерзновенно, с сердечным плачем и рыданиями. В другие селения тоже нелегко было добираться. Вблизи Михайловки путники на снегу увидели свежие пятна крови. Совсем недавно, оказывается, чемберленские армяне убили пятерых татар и, завладев их оружием, ушли в горы. Зная о частых кровавых стычках, заботливые и внимательные молокане старались обеспечить гостям безопасность. Они сдавали их из рук в руки, неотступно провожая до соседних населенных пунктов.

Вернувшись в Тифлис, Павлов увидел сына Пашу в болезненном состоянии. Он страдал тяжелой формой лихорадки, но вскоре недуг отступил.

Отголоски различных общественных движений докатывались до окраин Российского государства. Как мыслящий человек, неравнодушный к судьбе России, Василий Гурьевич интересовался идеями социального переустройства. Какое-то время он состоял даже членом партии кадетов.

Десятого февраля 1906 года Павлов записывает в дневнике: "Был на собрании конституционно-демократической партии. Записался членом и участвовал в выборах бюро. Вместе со мной было несколько братьев".

Собрания этого сообщества не всегда удовлетворяли Василия Гурьевича. Его христианское сознание не могло согласиться с выступлениями некоторых кадетов, призывавших к расхищению чужого имущества.

"Целый день пробыл на выборах. Одна женщина, представитель демократической партии, вела себя очень по-нахальному, — с чувством разочарования пишет Павлов. — Она почти силой каждому совала свои избирательные листки, Я назначен был одним из распорядителей. Демократический оратор говорил речь, в которой сказал, что надо отобрать у помещиков землю бесплатно или конфисковать, другими словами, предлагает ограбить помещиков".

Праздник Троицы Василий Гурьевич отмечал с баптистами села Малхазовки, недалеко от Тифлиса. В этом же селе находилась большая община, так называемых "сухих баптистов". Так же как и молокане они отрицали водное крещение и хлебопреломление, но признавали импровизированные молитвы и необходимость уверенности в прощении грехов. Им очень хотелось провести собеседование с известным баптистским проповедником. Для этой цели община специально пригласила Лезина Павла Ивановича, наставника сухих баптистов. Долго искали место для диспута. Уговаривали молоканских старшин, но те отказались предоставить свой молитвенный дом. Пришлось устроить собрание на открытом воздухе. На вершине холма установили столы, скамейки, позвали народ.

Прочитав из Евангелия от Луки повествование о тайной вечере, Василий Гурьевич особо выделил слова Христа: "Сие творите в Мое воспоминание".

— Сам Господь установил это священнодействие. Можем ли мы пренебрегать им? — сказал Павлов.

— "Сие творите", — означает действие не конкретное, а абстрактное, — возразил ему Лезин. — Творить это надо в сердцах людей через проповедь Евангелия, через веру во Христа. Апостол Павел, например, говорил, что родил верующих благовествованием...

— Но разве творить и делать конкретно не одно и то же?

— Да, жаль, что между нами нет ни одного ученого, чтобы решить этот спор, — посетовал Лезин.

— Я согласен с Павловым, — отозвался один землемер. — Он рассуждает здраво и логично.

— Так говорю не я, а Слово Божие, — пояснил Василий Гурьевич. — Коринфяне буквально делали преломление хлеба.

— Они были так же глупы, как и баптисты, — раздраженно бросил Лезин.

— Прицая учеников, Вы прицаете апостола Павла, — урезонивал его Василий Гурьевич. — Мне думается, тогда коринфяне лучше поняли Павла, чем Вы...

Когда Павлов совершил крещение в Малхазовке, местные молокане и сухие баптисты вновь привлекли его на публичный спор.

— Неужели Вы не знаете, о чем проповедовал Иоанн Креститель. Я крещу вас в воде, а Он будет крестить вас Духом Святым. Так что водное крещение — установление ветхозаветное. И со смертью Христа, когда вступил в силу Новый Завет, оно отменено, — утверждали они.

— Допустим, что это так, — спокойно говорил Василий Гурьевич. — Но как тогда понимать крещение вельможи царицы Эфиопской, которое совершил Филипп уже после смерти Христа?

Молокане промолчали, а кто-то из публики сказал, что прения надо продолжить в Тифлисе, в зале Шведского собрания. Павлов согласился. Там он уже смог более обстоятельно объяснить, что ветхозаветное крещение упразднено вместе с жертвами и другими обрядами в момент прихода эры Нового Завета.

Диспуты часто вспыхивали и после богослужebных собраний. Князь Челышев, случайно зайдя в молитвенный дом, заявил Павлову, что все баптисты — лицемеры. Василий Гурьевич опешил, — такого ему еще никто не говорил.

— Вы же признаете военную службу, — заговорил князь. — Какие же вы тогда христиане?

— Иоанн Креститель не требовал от воинов, чтобы они оставили военную профессию, — сказал Василий Гурьевич. — И римский сотник Корнилий отмечен как богобоязненный благочестивый человек, несмотря на причастность к армии.

— Крестителю я не верю, — выкрикнул князь.

— Отвергающий часть Писания, отвергнет постепенно и все в целом. Наш разговор с Вами вряд ли к чему приведет при таком настроe с Вашей стороны, — закончил Павлов.

Радостная весть пришла из городской газеты: отпечатано было 1000 экземпляров "Баптистского катехизиса". Эту брошюру Василий Гурьевич перевел с немецкого и предназначалась она, в основном, для молодежи и новообращенных. Книжку издали на пожертвования членов и Харитонова Ф.С.

Из-за общих народных волнений в городе участились случаи грубого хулиганства. Однажды Сергей Васильевич Белоусов пришел на спевку с ушибленной рукой, а жена его Екатерина вся была выпачкана сажей. Какие-то неизвестные люди напали на них возле церкви. Несколько раз ударили Белоусова тяжелым предметом по руке, супруге хотели засыпать глаза черным сыпучим веществом, но, к счастью в глаза не попали.

Василий Гурьевич; как человек веры, по внутреннему побуждению учреждает в церкви специальную молитву об умиротворении России.

Несмотря на правительственные реформы в пользу неправославных христиан, местные власти продолжали подозрительно относиться к инаковерующим. Когда Павлов подал прошение губернскому правлению о дозволении прочесть для народа лекцию по истории христианства и баптизма, вице-губернатор сурово нахмурил брови и недовольно произнес:

— Я должен узнать вначале, что за лекция, а потом посмотрим...

— Сектантам ведь дана свобода исповедания, — заметил Василий Гурьевич.

— Не свобода исповедания, а свобода богослужения. Это не одно и то же, — отрезал губернатор. Ровно через год после издания Манифеста о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной свободы неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов, выходит "сектантский" Указ "О порядке образования и действия старообрядческих и других общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия".

Правительство определило условия для регистрации религиозных общин, Закон предусматривал избрание наставника-пресвитера с обязательным утверждением его губернскими властями, устанавливал количество лиц-учредителей, не менее пятидесяти. Не все верующие соглашались с этими условиями, поэтому часть общин предпочла оставаться на нелегальном положении. Наиболее опытные служители баптистского и евангельского союза советовали членам общин не обходить стороной вопрос о регистрации. И поэтому Петербургскому съезду евангельских христиан, баптистов, пресвитериан и молокан, проходившему с 15 по 22 января 1907 года пришлось уделить много времени обсуждению правового положения неправославных церквей. Инициаторы съезда во главе с Павловым разработали обширную петицию в адрес правительства с желательными поправками к Закону.

— Недостаток нового Закона заключается в том, что он дает слишком много власти на усмотрение администрации, — объяснял делегатам Василий Гурьевич. — Наставники не должны утверждаться губернатором. Церковь просто доводит до его сведения об избрании того или иного человека, а нравственную оценку кандидата должна делать сама община.

С мнением Павлова согласились все семьдесят делегатов и оно было включено в общий реестр предлагаемых изменений в Законе.

Эта встреча верующих была уникальной в своем роде, она собрала христиан различных евангельских исповеданий.

— Я необыкновенно рад тому, что Господь мне позволил быть на этом съезде, — говорил Василий Гурьевич. — Я вспоминаю первый съезд при Пашкове. Хотя съезд вынужден был тогда разъехаться раньше, но все-таки он не остался безрезультатным. Мысль о единстве сделалась ближе сердцам русских верующих и связь не формальная, а духовная все время существовала и не прекращалась. Брат, Каргель Иван Вениаминович, всеми любимый проповедник, получил духовное рождение у нас в Тифлисе и я рад видеть, как Господь благословляет его служение у вас. Когда я шел сюда, я думал: "Буду говорить о любви". Многие из верующих думают: "О если бы я был сильным проповедником подобно Сперджену и другим"

Но если бы мы имели ангельское красноречие, а любви не имели, то были бы как медь звенящая и кимвал звучащий. Любовь — это жизнь, без нее все мертво и пусто. Любовь не может оставаться равнодушной при виде людских страданий. Мы слышим о голоде в России. Если мы не можем оставлять без внимания духовные нужды людей, то мы в равной степени не можем оставаться равнодушными и к телесным нуждам людей.

Участников съезда Василий Гурьевич заинтересовал не только широтой понимания учения Иисуса Христа, но и манерой изложения мыслей. Обычно спокойный, сдержанный, на этот раз он говорил очень эмоционально, с дерзновением.

Помимо чисто деловых собраний верующие Петербурга постарались устроить несколько духовных и евангелизационных служений. Павлов был приглашен проповедовать в немецкую церковь баптистов. Сила Святого Духа, Второе пришествие Христа, — вот круг тем, затронутых им в проповеди.

— Не надо вычислять точное время пришествия Христа, не ваше дело знать времена и сроки, — предупреждал апостол Павел. Человек в своем зазнайстве может поставить себя выше Павла и Христа. Разумно ли это? — вслух размышлял Василий Гурьевич. — В данный момент надо быть свидетелями Иисуса, подобно слепорожденному, восклицавшему после встречи со Христом: "Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу".

Богослужения с участием делегатов и гостей съезда шли также в домах княгини Ливен и графа Пашкова, а в общественном доме Нобеля Евангелие проповедовалось многотысячному собранию рабочих. Очень кстати в Петербург приехал евангелист палаточной миссии Феттер. Помогая русским проповедникам, он часть евангелизационных кампаний взял на себя. Совместный труд на ниве благовестил еще более сближал северные и южные евангельско-баптистские общины, принося славу Господу.

Возвращаясь со съезда, Павлов посетил несколько общин в Киеве и Харькове. О приезде Василия Гурьевича в Киев была помещена специальная заметка в газете. Павлов трудился почти без перерыва, двенадцать проповедей на различные темы произнес он перед киевлянами.

Весной в Ростове-на-Дону начинает работу Конференция баптистских общин. Всего 50 представителей от церквей собралось на это совещание. Из-за поздней рассылки приглашений служители Москвы и Петербурга не смогли приехать. Делегаты, несмотря на свою малочисленность, работали целенаправленно наметив конкретную программу служения евангельских церквей в новых условиях. Им удалось преодолеть разногласия между Тифлисской общиной и Всероссийским союзом баптистов. Было предложено учредить свой печатный орган, журнал "Баптист". В состав редакционной комиссии вошли И.К. Савельев и В.Г. Павлов. Благословенным результатом братской встречи стало образование Миссионерского общества и избрание комиссии по организации миссионерской школы. "Горе мне, если я не проповедую!" — эти слова апостола Павла каждый делегат Конференции положил себе на сердце, как призыв к евангельскому труду.

Вскоре Василий Гурьевич вместе с пресвитером Алексеем Никитовичем Алексеевым по случаю освящения молитвенного дома в Пятигорске организывает там большое евангелизационное собрание. Палатка, сооруженная для этой цели, вместила более полуторы тысячи человек.

— Странники мы и пришельцы на земле — говорил Павлов открывая служение — Господь Иисус Христос исполняя

Странники мы и пришельцы на земле, — говорил Павлов, открывая служение. — Господь Иисус Христос, исполнивший волю Отца Небесного по спасению грешников, был странником и не имел, где главы преклонить. Отвергнемся себя и пойдем за нашим Спасителем! Только Он может сделать нас новыми и счастливыми людьми!

Не всем пришлось по душе открытые евангельские проповеди. В адрес пресвитера Алексеева полетели сердитые письма с требованием прекратить деятельность, перестать развращать народ. В случае продолжения проповеди авторы писем угрожали предать Алексеева смерти. Алексей Никитович не уstraшился и через газету "Курорт" от 17 мая 1907 года дал ответ ревностным "защитникам православия":

"Милостивые государи!

Чем я развращаю народ? Разве Евангелием, которое я проповедую? Разве только тем, что призываю каждого несчастного грешника к благодати Божией, ведущей истинно верующего к братству, единению и любви, и в чем вы проявляете ваше христианство и вашу мудрость? Разве только в том, что выливаете на меня целый ушат грязи, изоцряясь в ругательствах? Зачем вы присваиваете себе название христиан, зачем прикрываетесь этим святым именем? В течение первых трех столетий применялась сила, нечеловеческие пытки для заглушения Божественной Истины. Но ни сожжение христиан, ни травля их зверями, ничто не могло остановить христиан на их жизненном тернистом пути: они шли и шли вперед... Перед христианством пала просвещенная в то время Греция, гордая и могущественная столица древнего мира — Рим. Я так же, сознавая себя слугою Христа, объявляю, что смерть от вашей руки мне не страшна; я не взираю ни на что и ради имени Христа нисколько не дорожу своей жизнью. Я дорожу лишь поприщем Христова служителя. Я стою выше того, чтобы озлобиться против вас, поэтому, несмотря на ваше полное гнева письмо, я остаюсь к вам в полной любви, желая, чтобы вы покались, и молю моего Господа, да не вменит Он вам вашего угрожающего письма во грех и да даст вашему сердцу мир, просвещение и любовь к вашим ближним.

Пресвитер Пятигорской общины евангельских христиан-баптистов А. Алексеев".

Не везде общественные духовные собрания вызывали подобные противодействия со стороны отдельных недоброжелателей. Когда в Балашов приехали видные служители баптистских церквей В.Г. Павлов, Н.В. Одинцов и С.П. Степанов, по всему городу были расклеены афиши о предстоящих публичных чтениях Евангелия. Народ валил толпами, слушая проповедь Слова Божия с благоговением. На одном из собраний какой-то крестьянин не мог сдержать восторга и на весь зал громко прокричал: "Жив Господь! Жива душа моя!"

Публика обычно собиралась разношерстная и Василий Гурьевич периодически рассказывал историю русских баптистов, объяснял условия и принципы новозаветного крещения. Ссылаясь на Евангелие и приводя примеры из жизни древних отцов Церкви, он признавал истинным только сознательное крещение по вере.

— Иоанн Златоуст, Григорий Богослов крестились в зрелом возрасте, — говорил Павлов, — хотя у первого мать была христианка, а у второго отец епископ...

— Наши священники никогда ничего подобного не проповедовали нам, — раздавались голоса в народе.

Учредительное собрание Миссионерского общества которое Павлов провел в эти же дни в Балашове избрало 20

Предшественное собрание тифлисоперского общества, которое Павлов провел в эти же дни в Балашове, пораило 20 миссионеров для широкой проповеди Евангелия. В конце 1907 года семья Павловых из Тифлиса переезжает на постоянное местожительство в Одессу.

Европа для Христа

На Европейский Конгресс баптистов Василий Гурьевич прибыл как представитель русского союза и Одесской общины.

Шестнадцатого августа 1908 года немецкие баптисты принимали в Берлине 1800 верующих из разных стран Европы. Впервые посланники церкви увидели русскую делегацию в большом составе. Вместе с Павловым конгресс смогли посетить еще несколько активных служителей: В. Иванов, В. Степанов, И. Рыбалко, Я. Шкаропут, М. Кальвейт, Т. Фефелов, И. Еромолов, Ф. Балихин, Н. Одинцов, И. Осипов, М. Бойко, В. Фетлер, Ф. Макаренко.

"Европа для Христа и Христос для Европы" — этот лозунг, начертанный огромными яркими буквами на карте мира, развернутой сверху платформы, встречал всех входящих в помещение главного зала.

— Как это случилось, что Германия имеет преимущество первой приветствовать у себя Европейский Конгресс, — начал выступление И. Леман, сын основателя Берлинской баптистской общины. — Это сбылся сон наших предшественников Онкена, Кебнера и Лемана. Наши прежние союзные конференции были всегда международными, на них были представители Швейцарии, Австрии, Венгрии, Румынии, России, Голландии, Швеции и Америки. При освящении Гамбургского молитвенного дома там говорил величайший проповедник со дней апостолов Чарльз Гаддон Сперджен. Чудесно это собрание. Сей день сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный!...

Делегатов приглашали на платформу в алфавитном порядке по названию стран.

Представитель баптистов разных национальностей, проживающих в России, Брауер выразил надежду на лучшее будущее со времени издания Манифеста царя о свободе исповедания веры, сказал о материальных затруднениях, запросив у английских баптистов помощь на церковные нужды.

В Берлине действовало пятнадцать баптистских церквей. 17 августа воскресным вечером местные верующие общались с делегатами Конгресса. Павлов, Фефелов, Шкаропут, Макаренко, Рыбалко, Степанов, Кальвейт и Одинцов пришли в Первую Берлинскую общину. Во всех собраниях была объявлена единая тема для беседы после Богослужения: "Герои нашей веры". Собравшимся посчастливилось увидеть живых героев веры лицом к лицу. Павлов, Иванов, Одинцов и Кальвейт свидетельствовали о гонениях и ссылках за Слово Божие.

Несколько заседаний Конгресса было посвящено чтению богословских рефератов по животрепещущим вопросам евангельского служения. Интересными мыслями о роли христианства при разрешении социальных проблем поделился проповедник Второй берлинской общины Ф. Герман.

— Христианство освобождает от эгоизма. Оно делает людей довольными, экономными, бережливыми, прилежными и готовыми симпатизировать друг другу, — подчеркнул он. — Оно освобождает морально силы, которые делают человека свободным от грубого материализма и поднимают его на высший уровень...

— Нужно настаивать на том, что война противна духу Иисуса Христа, — говорил другой проповедник из Германии П. Ользен. — Нужен дух международного братства. Баптисты могут сделать это лучше государственных церквей, потому что последние сами составляют часть государственных учреждений...

Выступления хоров обычно переносились на послеобеденное время. Проповедников из России попросили принять участие в певческом служении. Хотя русские и не имели организованного хора, но братья просто с глубоким чувством спели два гимна: "Да будет Отцу всеблаговому хвала" и "О, ничто лишь кровь Иисуса". Глядя на вдохновенно-просветленные лица поющих, слушатели не могли удержать набегавшие слезы. Специальный цикл рефератов касался развития баптизма в Европе. И снова пристальное внимание чувствовали на себе представители России. На платформу поднялся Василий Гурьевич. "Начало, развитие и настоящее положение баптизма среди русских" — так озаглавил реферат Павлов.

— Немцы более четырехсот лет назад пережили свою Реформацию, тогда как между русскими она только начинается, — заявил Василий Гурьевич, говоря об истоках русского баптизма и характеризуя своеобразие религиозной обстановки в стране. — Славянские народы, в большинстве своем, еще доселе не приняли учения Христова в его чистом неискаженном виде и все еще находятся под влиянием римско-католической и греко-восточной церкви. Русский народ в культурном и религиозном отношении очень отстал от других народов Европы, благодаря неблагоприятным историческим условиям, среди которых главную роль играло монгольское нашествие, затем крепостничество и отсутствие религиозной и политической свободы. Ныне эти условия изменились во многом к лучшему. Рабство отменено, занимается уже заря религиозной и политической свободы и русский народ представляет из себя девственную почву для проповеди Евангелия, которая только ждет сеятеля, и она принесет стократный плод. Великая заслуга православной церкви состоит в том, что она не отняла Библию у народа, как это сделала католическая церковь, но позволила ему читать ее, сделав ее доступной посредством перевода на разговорный язык...

Павлов назвал имена первых проповедников Евангелия в Херсонской губернии и в Закавказье, которые трудились подвижнически, неся крест скорбей и притеснений.

— Баптизм в России доказал свою жизнеспособность, — подвел итог Павлов. — Он не только выдержал планомерное долгое гонение со стороны церкви и государства, но окреп и распространился по всей Российской Империи. Если ехать по железной дороге из Одессы до Харбина, то и в этом городе можно найти небольшую баптистскую общину.

Из реферата Павлова все узнали о том, что русские баптисты составляют планы расширения духовно-просветительной нивы. Союз церквей предполагает открыть богословскую семинарию, создать строительный фонд и кассу помощи инвалидам, приступить к постройке Миссионерского дома в Петербурге.

Зал жадно ловил каждое слово русского проповедника, много пострадавшего за убеждения и дело Божие. Несмотря на то, что немецкие баптисты неодобрительно смотрели на чересчур бурное проявление духовных чувств публичным образом, Конгресс нарушил местный этикет, приветствуя речь Павлова громоподобными рукоплесканиями.

Свобода совести — один из основополагающих принципов баптистских церквей во всем мире. Поэтому делегаты приняли отдельную резолюцию о праве каждой личности на духовное самоопределение:

"Сей Конгресс высказывает свою глубокую благодарность Богу за великие услуги, оказанные нашими баптистскими героями делу гражданской и религиозной свободы. И, согласно баптистским принципам, мы смиренно, но серьезно должны принять на себя ответственность за доведение этого дела до конца. Однако, наши общины не находятся в союзе с какой-либо революционной партией или же с приверженцами революционной программы. Цели и методы как Конгресса, так и наших общин не политические, но религиозные и духовные и они согласуются со званием благонадежного гражданина во всякой стране, где находятся баптисты".

Павлову довелось выступать на последнем собрании Конгресса с благодарственным словом. Особую признательность он высказал доброхотным жертвователям, так как их помощь позволила русским делегатам разделить радость общения с друзьями из европейских стран.

Два сотоварища Василия Гурьевича Фефелов и Ермолаев изъявили желание сопровождать его на обратном пути. Они провели два собрания в болгарском городе Рушуке и сделали остановку в Тульче. Это был праздник для маленькой группы верующих, им не хотелось отпускать дорогих гостей и Василий Гурьевич задержался здесь на несколько дней.

В Одессу Павлов возвратился только к середине сентября, а в ноябрьском журнале "Баптист" появляется отчетная статья Василия Гурьевича о Берлинском форуме баптистов.

"На мою долю выпало второй раз видеть такое большое собрание братьев, — писал он. — Для всех русских, посетивших Конгресс, он останется незабвенным, ибо они воочию увидели, как велика наша Церковь, рассеянная по всему миру, и что баптисты не презренная секта, но составляют великую силу в руках Христовых к распространению Его Царства и что нам нет причины стыдиться своего имени и заменять его другим, оно освящено кровью наших мучеников и выражает Библейскую истину крещения по вере".

Новый год Одесская церковь начала с недели молитвы. Верующие воздавали благодарение Богу за души, вошедшие в Божию семью за истекшее годовое время, и просили благословения на новолетие.

Зимой Василий Гурьевич посещал общины в окрестностях Одессы и нес служение в двух городских баптистских церквях: русской и немецкой. В середине февраля Павлову удалось арендовать зал городского любительского собрания на 1000 мест для проведения духовно-семейного вечера. Перед публикой с пением общехристианских гимнов выступали немецкий и русский хоры, а Василий Гурьевич произнес проповедь о Христе как Источнике жизни.

К весне одесские верующие ожидали еще одно большое событие, — Всероссийский съезд, намеченный на 16 мая 1909 года. Однако, за месяц до его начала, когда по всем церквям было разослано приглашение, от местных властей вдруг последовал отказ. Свое решение управители города объяснили тем, что церковь в Одессе на данный момент не зарегистрирована. Что делать? Как выйти из создавшегося положения? От имени баптистского Союза в министерство внутренних дел был направлен проповедник В.А. Фетлер. После многократных ходатайств разрешение на съезд было все-таки получено, но его работу не удалось провести до конца. Когда участники съезда в день Вознесения Господня отправились на Живахову гору к дому Л.П. Назаренко для совершения праздничного богослужения, шествие было остановлено нарядом полиции. Разгон евангельского собрания власти подготовили по инициативе местного православного миссионера М.А. Капнева. Полиция задержала 206 человек. Радость новообращенных готовящихся к крещению тоже была омрачена

Павлова. Плотным оцеплением 200 человек. Гадость новобращенных, готовящихся к крещению, тоже была смирена. Полицейские плотным кольцом оцепили берег моря, где собирались баптисты. За усердную проповедь Евангелия многие служители заплатили лишением свободы. Скороспелый суд приговорил Павлова к двум месяцам тюрьмы, Назаренко к одному, а 25 человек содержали под стражей 7 дней. Отсидев положенные сроки, проповедники еще ревностнее стали возвещать Слово Божие народу.

Шестого августа напротив Живаховой горы вновь к берегу Черного моря потянулась вереница людей. На этот раз крещение совершили без помех и богослужение в тот день проходило свободно под деревьями во дворе Л.П. Назаренко.

Как редактор центрального духовного журнала и проповедник Павлов получал немало тревожных сообщений с мест о случаях преследования за веру неправославных христиан. Одним из самых активных корреспондентов-правозащитников был Иван Петрович Кушнарев. Его горячее письмо-воззвание, датированное 24 июля 1910 года, Павлов без задержки помещает на журнальных страницах: "Дорогой во Христе брат и труженик Василий Гурьевич! Мне так хочется поделиться с тобою теми печальями, какие переносятся нами и нашими единоверцами с радостью, как испытания веры в Искупителя нашего Бога и Господа Иисуса Христа. Ты знаешь, что с того времени, как Господу Богу угодно было излить на измученный в России за веру всякими гонениями и мучениями народ Свой, милости, дарованные нам с высоты престола царского Государем нашим Императором, прошло уже пять лет, но гонения и всякие другие преследования под разными видами до сих пор еще не прекратились, но наоборот, до того увеличились, что им скоро и счета не станет. Дело доведено до того, что некоторые общины и отдельные семьи уже решили возбудить ходатайства у министра внутренних дел и просить его, что если уж они вредны для России и ее церкви, если нельзя осуществить на деле им той свободы исповедания и дать им те права и льготы, какие им даны законами, то, чтобы им было разрешено переселиться за границу, но так как при таком переселении нельзя обойтись без посторонней помощи, ибо за время гонений они крайне обеднели и хотят просить субсидии От правительства. Вот до чего доведены свободоверцы в настоящее время разными административными толкованиями и перекраиванием законов веры, что готовы распрощаться со своей родиной Россией и искать покой утомленной плоти на полях иной страны, мачехи, куда много уже переселилось страдальцев за веру в Господа Иисуса. Страшно подумать: бросить родину, русскую родину с ее родным народом, и бежать от лица своих родных русских братьев христиан. Это ужасно! Этого не было даже и во дни так называемых лютых гонений, когда всякий отпавший от православия почитался еретиком и когда над ним царил закон 1894 года о штунде. Чтобы подтвердить все сказанное мною фактами, я постараюсь с помощью Господа, насколько это окажется возможным с моей стороны, поместить статистику всем гонениям за время от 17 апреля 1905 года по настоящее время, а теперь, пока, будь здоров, позаботься поставить в известность других братьев о предстоящем выселении за границу и сообщи Всемирному Союзу баптистов, так как для этого нужна будет помощь, не только от правительства, но и от всех братьев баптистов. Господь да будет с тобою вовеки!

Твой меньший брат Иван Кушнарев".

И в годину гонений, и в наши дни относительного покоя верующие старались не забывать о своих страждущих братьях внутри страны и за ее пределами. Когда из Италии поступили известия о большом разрушительном землетрясении, Павлов через журнал "Баптист" публикует обращение к общинам с просьбой о помощи:

"Катастрофа в Сицилии унесла 200 тысяч жизней, коснулась и наших итальянских баптистов, живших в городе Мессине и Реджио. Баптистский союз в Италии собирает пожертвования в пользу пострадавших. Мы со своей стороны приглашаем наших братьев в России помочь нашим единоверцам и не отстать от прочих людей. Редакция охотно примет всякое пожертвование и отошлет его по назначению".

Трогателен и сам список доброхотов, приславших лепту на доброе дело:

"От брата Харитонова, Сотниково, Ставропольской губернии — 10 р. От общины деревни Пристень, Харьковской губернии, Купянского уезда — 5 р".

В августовском номере журнала читатели увидели статистику Союза русских баптистских общин за 1907 год. Эта таблица была результатом кропотливого труда Павлова.

"Предлагаемая статистика является первой со времен существования нашего Союза, — писал в предисловии Василий Гурьевич. — Собрать статистические сведения дело вообще нелегкое, а при новости этого дела пришлось преодолеть немало затруднений, из которых русская халатность составляет главную помеху делу: ибо, несмотря на неоднократные напоминания, некоторые руководители общин так и не прислали мне никаких сведений. Россия так велика, что мы не знаем еще всех адресов руководителей общин, в особенности сибирских".

По данным, которые удалось собрать Павлову, в России на конец 1907 года существовало 160 баптистских общин и 11256 членов.

Всероссийский съезд баптистов, состоявшийся в Ростове-на-Дону с 27 сентября по 7 октября 1909 года, отметил важность дела, начатого Василием Гурьевичем, и поручил продолжать его В.А. Фетлеру и Я.Я. Винсу. Съезд избрал новый состав совета Союза баптистов. Д.И. Мазаев отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост председателя и на это служение единогласно поставили Василия Гурьевича Павлова.

В конце октября Павлова приглашают в Омск на съезд баптистов Сибири.

Павлова ожидали также в Балашове по случаю освящения нового молитвенного дома. Отправившись из Одессы заблаговременно, он смог посетить некоторые общины по пути. Василий Гурьевич побывал у верующих селения Пески Воронежской губернии, на родине известного проповедника, певца и поэта Василия Прокофьевича Степанова.

В Балашов ехали большой группой. К Василию Гурьевичу присоединился Степанов с хором и другими членами песковской общины, а в поезде они встретили верующих из Петербурга: В. Фетлера, М. Ясновскую и М. Мазаеву. Хор почти непрерывно исполнял духовные гимны, радуя пассажиров.

На одной из центральных улиц Балашова приезжие увидели свежестроенный дом из белого и красного кирпича с фронтоном, украшенным зубчатыми башенками. Зал рассчитан на 900 мест, посетители могут размещаться на двух балконах и в партере. В солнечную погоду все помещение залито светом, акустика замечательная.

"Когда я сидел внутри молитвенного зала, то мне казалось, как будто я нахожусь в Берлине в одной из тамошних церквей, — отметил Павлов. — А когда очутишься на улице, то иллюзия быстро пропадает, чувствуешь, что ты находишься в чисто русском уездном городе, о чем ясно говорит пыль на улицах, русские бородатые лица, народные костюмы, деревянные возы и жалкая крестьянская упряжь, но зато обилие хлеба и бойкая хлебная торговля".

Добротный и вместительный дом верующие построили на пожертвования Захара Ивановича Смирнова. На торжественном богослужении в воскресенье 18 октября Павлов говорил о созидании духовного дома.

— Слово Божие называет членов тела Христова живыми камнями, — подчеркнул Василий Гурьевич. — Из-за всеобщей духовной спячки люди могут не знать о том, что есть живое христианство, сохранившее пламенную веру первоапостольской Церкви. Господь спросит с нас, если мы спрячем свет Христа под сосудом.

Большое собрание христиан-баптистов в маленьком уездном городе привело в движение ревнителей православия. Они вызвали баптистских проповедников на публичный диспут. Открытое собеседование состоялось в народном доме. Со стороны православных выступал священник Соколов, а от баптистов Павлов.

Возможно ли духовное возрождение через обряд крещения? Омывает ли вода в буквальном смысле от грехов и пороков? Эти вопросы были предметом обсуждения на диспуте.

— Родиться от воды и духа и креститься от воды и духа, не одно и то же, — оспаривал православных Василий Гурьевич. — Слово "вода" так же как и слово "родиться" нужно понимать в переносном, а не буквальном смысле. Подтверждение этому можно найти в том же Евангелии от Иоанна. В беседе с самарянкой Христос говорит о "воде, текущей в жизнь вечную". На празднике в Иерусалиме Спаситель провозгласил: "Кто жаждет, иди ко Мне и пей".

В Сибири Павлов встретился с Андреем Алексеевичем Стояловым, который после ссылки остался жить неподалеку от Омска на хуторе Усово. Радость встреч, деловых собраний дополнилась торжествами по случаю освящения нового молитвенного дома и рукоположением Мазаева Гавриила Ивановича на пресвитерское служение.

Воскресное богослужение собрало 2000 человек, среди них было много православных священников и миссионеров. Павлов, Балихин и Евстратенко, возложив руки на коленопреклоненного Мазаева, громогласно просили Божьих благословений на новопоставленного служителя местной церкви.

Представители православного духовенства предложили Василию Гурьевичу устроить публичный богословский диспут. Павлов дал согласие и пришел на следующий день в Братский храм, расположенный на окраине города. Ни одно собеседование православных с баптистами не обходилось без обсуждения правомерности крещения младенцев. И здесь в Сибири эта тема оказалась главенствующей.

— Безгрешны ли младенцы? Первородный грех, грех нашего прародителя Адама заразил всех, — говорил миссионер Несмеянов.

— Младенцы очищаются от него через крещение.

— Но как младенцы могут засвидетельствовать о своей вере? — спрашивал Василий Гурьевич. — Ведь Христос ставит условие для крещения — вначале верить, а потом креститься?

- Православная Церковь совершает крещение по вере родителей и восприемников, крестного отца и крестной матери.
- А если родители и восприемники атеисты и несут младенца в храм просто ради метрической записи?
- Ну тогда на усмотрение священника или архиерея, А в общем, думаю, не положено крестить таких...

На протяжении беседы оппоненты сумели выдержать спокойный доброжелательный тон по отношению друг к другу и мирно распрощались.

"За всю эту поездку я сделал более 13 тысяч верст и, несмотря на напряженную работу и путешествие, Господь сохранил мое здоровье и бодрое настроение, за что да будет слава Ему вовеки!" — писал он в журнале, рассказывая о своих миссионерских путешествиях.

Девятого ноября он организовывает в Одесской общине праздник хора. Это мероприятие послужило средством единения русской и немецкой церкви. Когда сводный хор из 60 человек запел российский христианский гимн на слова поэта Хераскова и музыку Бортнянского: "Коль славен наш Господь в Сионе", все собрание встало, приветствуя стремление душ к совместному прославлению Господа.

"Наша немецкая молодежь трудилась вместе с русской. Брат Павлов и его община осознали это и дают охотно своей и нашей молодежи случай с пользой употребить их дарования в служении Христу и Его Церкви", — писал впоследствии один из служителей-немцев.

Вступив в 1910 год Павлов откликается на призыв Всемирного Евангельского союза об углублении духовной жизни и объявляет о каждодневной неделе молитвы.

Значительные изменения вводит Павлов в содержание редактируемого им журнала. Кроме обстоятельных духовных материалов и информации о жизни общин он предлагает читателям новую рубрику: "Мирские вести".

"Такое расширение программы приятно будет многим из живущих в глуши, — объясняет Василий Гурьевич в передовой статье январского номера, — из которых некоторые не выписывают никакой газеты и поэтому часто не знают ничего о важнейших событиях мира, с которыми "Баптист" будет знакомить их, а иногда скажет о них и свое мнение мимоходом; ибо ведь не на луне мы живем и не можем не интересоваться событиями в мире или явлениями природы: землетрясениями, наводнениями, пожарами. Такие явления как война, голод, мор, землетрясения и знамения на небе предсказаны Господом и, когда они сбываются, мы должны восклонить свои головы, ибо приближается избавление наше. "Баптист" будет теперь чаще посещать своих клиентов, а именно один раз в неделю, вместо двух раз в месяц".

Разнообразие тематики не исказило лицо журнала. Павлов конструирует печатный орган на евангельском фундаменте, избегая соблазна подыгрывать неразвитым духовным вкусам какой-то части читающей публики: "Что касается наименования "Баптиста", то доколе он носит это имя, он остается верен принципам баптистов, которые он поставлен защищать, потому что они основаны на учении Иисуса Христа, нашего Господа и Его апостолов. "Баптист" хорошо знает, что некоторые люди только от одного имени приходят в страх и вовсе поэтому не хотят выслушать, что он имеет сказать, хотя бы это были очень

только от одного имени приходит в страх и восторг, потому не хочет выслушать, что он имеет сказать, хотя бы это были самые хорошие речи: так велик предрассудок этих людей. Но "Баптист" твердо помнит басню об осле и старике и знает, что всем людям угодить невозможно, он не стыдится своего имени, которое хорошо известно миру, которое запечатлено кровью мучеников, его носили такие люди, как Буньян, Мильтон, Карей, Джедсон, знаменитый князь проповедников Ч.Г. Сперджен, и теперь здравствующие духовные писатели и проповедники, пламенный доктор Клиффорд, престарелый Макларен и Ф.Б. Майер, английский министр Ллойд Джордж, судья Виллис.

Главная цель "Баптиста" — доставить своим читателям назидание и поучение, но он не отказывается защищать истину и опровергать всякое заблуждение, делая это, конечно, в духе кротости, как учит апостол Павел".

Усердным помощником Павлова в христианском служении стал Михаил Данилович Тимошенко. Василий Гурьевич часто поручал ему проповедовать и руководить богослужениями.

Предавая Одесскую церковь Божьей охране и водительству через ревностных проповедников, Павлов регулярно выезжал в другие приморские города.

Севастопольские верующие встречали его в новом молитвенном доме. Активный член баптистской церкви Староверов почти полностью построил это помещение на свои средства. Радостное впечатление оставило на сердце Василия Гурьевича посещение меннонитского проповедника П.М. Фризена. Служитель Божий был очень слаб здоровьем, почти не отходил от постели, но сохранял удивительную бодрость духа. Несмотря на приступы болезни, он постоянно работал над историей меннонитского движения в России.

Восьмого марта жители Одессы стремились попасть на ипподром. Заранее было объявлено, что здесь состоится испытание летательного аппарата. Павлову тоже довелось стать свидетелем редкого по тем временам эксперимента.

"Присутствовали при полетах авиатора Ефимова на ипподроме. Со мной были: жена моя, сестра Холтумаева, Тимошенко, Плунцева, — записал Василий Гурьевич в дневнике. — Зрелище было восхитительное. Четыре раза поднимался Ефимов и затем описывал круг над ипподромом. Раз поднялся он на 10 сажень высоты".

Павлов был сторонником разнообразия церковной жизни. Ради духовного просвещения горожан вечерние богослужения Одесской общины он проводил как евангелизационные собрания, на которые приходило более 1000 человек. По его убеждению, последователь Иисуса Христа, подражая Небесному Учителю, должен быть другом мытарей и грешников. Василий Гурьевич добился разрешения на вход в места заключения с целью проповеди Евангелия.

"Посетил с братом Подином местную тюрьму, где раздали 1250 Новых Заветов, — отметил он в записной книжке. — Я служил ему переводчиком с немецкого языка. Посетили сначала камерников, потом следственных и политических и также женские отделения и всюду говорили речи. Начальник тюрьмы угостил нас обедом. Посетили также приют для исправления детей, где брат Подин сказал мальчикам речь и подарил Новый Завет".

Летом Василий Гурьевич распрощался с ближайшими сотрудниками: Тимошенко и Скалдиным. Михаил Данилович выехал на Кавказские миссионерские поля, а Скалдин отправился трудиться в общину станции Лозовая.

Особым праздничным событием года стал для верующих Всероссийский съезд. 1 сентября в Петербурге собралось 113 делегатов и около 100 гостей. Председательствующим избрали В.Г. Павлова.

— Отчего мы так счастливы и веселы, — сказал он во вступительном слове. — Оттого, что мы имеем веру и видим в жизни высокий смысл. То и дело слышишь о частых самоубийствах, даже среди юного поколения. Что толкает молодых людей на это? — Неверие. Отрицание Бога-Промыслителя. Наша главная цель не в том, чтобы распространять идеи баптизма, но в том, чтобы проповедовать Евангелие, показать живое практическое христианство, помочь несчастным людям...

Суть исповедания Христа — вера, действующая любовью, с этим согласились все делегаты. Было решено открыть новые виды благотворительного служения.

В Балашове под опекой И.А. Голяева, Н.В. Одинцова, Н.М. Четвернина запланировали построить приют для престарелых и сирот. Прямо на съезде была образована комиссия по организации обслуживания инвалидов.

Василий Гурьевич заявил служителям церквей, что срок его полномочий по редактированию журнала "Баптист" истек и, кроме того, издательство терпит нехватку финансов. Делегаты упросили Павлова остаться редактором еще на год, договорившись о материальной поддержке печатного органа.

Баптистский съезд порадовал и евангельских христиан. Они направили на съезд родственникам по духу приветственное послание:

"От совета Всероссийского союза евангельских христиан— радоваться!

Приветствуем от всей души ваше прибытие в город, где 35 лет тому назад при участии покойного брата Василия Александровича Пашкова началось евангельское движение и в 1883 году была сделана первая попытка объединения русских верующих по Евангелию. Приветствуем вас от имени всего Всероссийского союза евангельских христиан и желаем вам такого же обильного благословения Божьего на ваш съезд, какие ему угодно было ниспослать на наш съезд осенью прошлого 1909 года. Так как все евангельские христиане со времени В.А. Пашкова одушевлены искренним желанием содействовать практическому объединению верующих в России, то делая новую попытку, мы исполняем только общее желание"...

Руководители Союза евангельских христиан предложили баптистам образовать соединенный комитет, издавать единый печатный орган, открыть совместный Библейский институт.

В ответном письме съезд баптистов не высказал определенных мнений по этим предложениям, ограничившись, главным образом, замечаниями духовного характера по вопросу христианского единства: "Единство должно быть в Духе Святом и на основании Слова Божия. О таком единстве молился Сам Христос и Его апостолы. О том же единстве молились и мы, баптисты, и в пользу этого баптисты предпринимали самые решительные меры. В 1899 году Петербургская община баптистов первая подала евангельским общинам руку общения. Многие баптистские проповедники работали совместно с евангельскими христианами.

Председателем Союза баптистов Деем Ивановичем Мазаевым Петербургская община евангельских христиан в 1904 году была приглашена на съезд баптистов в Ростов*. Спустя год опять были приглашены евангельские христиане из Петербурга, Киева, Конотопа, Николаева на съезд в Царицын. На съезде было решено и занесено в протокол, что, чуя единство в Духе Святом с дорогими братьями евангельскими христианами, надо иметь полное единство в Вечере Господней и других целях, несмотря на разные наименования и не принуждая их называться баптистами.

Радость была великая у всех участников съезда и у всех баптистских общин. Так шло несколько лет, пока влияние некоторых не отодвинуло евангельские общины на несколько шагов назад.

Мы же, баптисты, до сих пор остаемся верными решению Царицынского съезда, в доказательство чего мы имели общение с Петербургскими евангельскими христианами в преломлении хлеба в 1907 году во время общего съезда совместно с представителями ваших общин и признаем соединение состоявшимся. Мы готовы принять общины вашего союза, кроме отлученных членов, в свою любовь как самых дорогих и милых братьев и сестер".

На съезде присутствовали корреспонденты некоторых светских периодических изданий. Все было в новинку для них: и атмосфера собраний, и духовные работники. Сотрудник газеты "Современное слово" опубликовал свои заметки в виде зарисовки.

"Обстановка самая скромная: ряд скамей для братьев и сестер, низкая кафедра, рядом фисгармония, — писал он. — На стенах плакаты в рамках с евангельскими изречениями. В ожидании начала заседания присутствующим было предложено спеть. В руках появились сборники песен и зал огласился стройным, мелодичным пением любимого баптистского гимна: "Все к труду! Все к труду! Слуги Господа сил!" Около четырех пополудни заседание открылось. Председательствующий Василий Гурьевич Павлов, он же редактор-издатель Одесского журнала "Баптист", сказал краткую молитвенную импровизацию. Собрание слушало стоя и покрыло его молитву возгласом "аминь". Господин Павлов — тип баптиста-великорусса. Приземистый, плотный, бородатый, с веселым юмором. "В школах николи не учился" — по его словам. А сам говорит по-немецки, по-английски, прекрасно осведомлен о положении баптизма за границей и за океаном. "Что знаю, обязан Богу, да своему терпению", — объясняет он с улыбкой. "Мужчина себе на уме", — просится первое впечатление. Среди баптистов пользуется, по всему видно, большим уважением".

В светской прессе были не только добросовестные заметки о баптистских собраниях. Автор газеты "Новое Время" Меньшиков обозначил съезд баптистов как "собор еретиков", призывая церковь и государство не потворствовать распространению "разрушительного и антинародного учения".

Познакомившись с гневным опусом, Павлов вскоре публикует отклик на выступление Меньшикова. Несмотря на то, что материал был подготовлен по горячим следам, Василий Гурьевич не дал чувствам возобладать над разумом, его ответ напоминает основательный трактат, глубоко продуманный и всесторонний. Рассуждая о вероисповедной проблеме, автор проявляет широкий ум, логику и дух христианского миролюбия.

"Обвинения баптистов в антинародности построено на песке, — считает Василий Гурьевич, — Потребность подражать чему-то чужому проявляется не у одних сектантов, но и у православных простолудинов, которые носят пиджаки немецкого покроя а интеллигентия теклоняется перел Леличем Лавиным и чужой философиию часто противопечашей полному

покрова, а шпильки енци прехождат пред дестем, даривши и тужен философен, тасте противоречен родену православию. А что господину Меньшикову, нравится пышность обрядов его церкви, то об этом спорить не будем, заметим только, что эта роскошность культа без проповеди евангельского слова не дает пищи уму и сердцу, поэтому народ массами уходит из церкви к сектантам, у которых дворники и сапожники читают на понятном разговорном языке Слово Божие и объясняют Его собственным опытом, что более доставляет назидания слушателям; нежели роскошный культ. Баптисты вовсе не говорят: долой таинства, ибо они принимают крещение и причастие; не говорят: долой догматы, ибо без догматов не может быть христианства; но они говорят: долой все, нто несогласно со Священным Писанием.

В чем усматривает Меньшиков политическую неблагонадежность баптистов? А вот в чем: "Баптизм питает смертельную вражду к национально-государственной церкви нашей и в силу этого несомненно враждебен народу русскому". Допустим, что баптизм питает смертельную вражду к церкви — хотя этого в действительности нет, но скорее обратное,— допустим, что это так, но при чем же, тут русский народ? Если и есть вражда у баптистов, хотя повторяем, у нас вражды нет, но признаем, трудно терпеть гонения от представительной церкви, — то во всяком случае вражда эта относится к учению церкви, которое баптисты во многом считают несогласным со Словом Божиим, но, отнюдь, не к народу, к своим единомышленникам, одной крови и одного языка, которых уже по одному этому мы не можем не любить, а тем более, когда мы признаем себя учениками Христа, заповедовавшего любить не только друзей, но и врагов. Сектантам нет надобности оправдываться перед Меньшиковым в своем патриотизме: наша революция показала всему миру, что сектанты, в том числе баптисты — мирные граждане, которые чуждаются бунтов и кровопролитий, а ищут улучшения общественного строя через проповедь Слова Божия и исправления своей жизни. Если единоверие может предотвратить междоусобные войны, то почему между православной Румынией и православной Болгарией постоянная вражда и румыны более симпатизируют чуждым им по вере туркам-мусульманам, нежели единоверным болгарам? Все это доказывает, что религиозное единодушие еще не гарантирует спокойствия государству, но есть много других причин — экономических и политических, которые постоянно грозят нарушить мир государства. Стоит только государству объявить полную свободу и вовсе не вмешиваться в религиозные споры, оставаясь при этом вполне нейтральным и карая лишь преступления уголовные, тогда никогда не будет возможным повторение религиозных войн и варфоломеевских ночей. Позвольте каждому свободно высказывать свои религиозные убеждения устно и печатно и совершать публичное богослужение по велениям совести, потому что, чем более терпимо будет относиться государство ко всем религиозным сектам, тем более будет мира. Католические государства, стеснявшие свободу веры, Франция, Испания и Португалия пришли в упадок, а страны, где религия не стесняется, такие как Англия, Германия, Голландия, процветают".

Духовно-евангелизационные собрания в дни съезда организовывал пастор Петербургской общины В.А. Фетлер. Павлов вместе с гостями из-за рубежа Чарльзом Байфордом и Джоном Паркером проповедовал в зале Тенишевского училища, в доме Чертковой.

Пятого сентября Фетлер пригласил Павлова совершить крещение над группой новообращенных. Вильгельм Андреевич установил в общине крещальную формулу с прибавлением слова "Бог" — "Крещу тебя во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого".

В предпоследний день съезда утреннее богослужение провели под открытым небом на площадке, предназначенной для закладки нового молитвенного дома. На торжества прибыли и руководители местных общин евангельских христиан И.В. Каргель и И.С. Проханов.

Завершая работу съезда делегаты поручили В.Г. Павлову и группе служителей составить докладную записку для

Завершил работу съезда, депутаты поручили В.П. Павлову и группе служителей составить докладную записку для министерства внутренних дел о продолжающихся случаях притеснения верующих евангельско-баптистского исповедания.

Во время приема у директора департамента духовных дел Харузина Павлов передал специальную благодарственную телеграмму за благосклонное разрешение Всероссийского собрания христиан-баптистов.

На предстоящий в следующем году Второй Всемирный конгресс баптистов съезд избрал 32 человека. В состав этой делегации вошел и Василий Гурьевич.

Одесские неурядицы и торжества в Таврической губернии

Зимние месяцы нового года принесли Василию Гурьевичу физическое недомогание. Чем было вызвано ухудшение здоровья? — Простудные заболевания от частых путешествий, общее утомление в связи с непрерывным духовным трудом и от напряженной обстановки в общине.

"Масса работы по журналу: поступило 20-30 переводов в день и письма, работать трудно, силы мои все еще слабы", — отмечает в дневнике Павлов.

Не давали покоя Василию Гурьевичу члены общины, зараженные страстью к бесконечным словопрениям и жаждущие во всем первенствовать. В церкви выделилась группа во главе с Леонидом Назаренко, которая никак не могла примириться с тем, что приезжий проповедник Павлов занял руководящее положение среди местных верующих.

"Заходил ко мне брат Л. Назаренко и твердил свое, что он коренной одессит и старожил, а меня и других он считает здесь лишь гостями, — рассказывает Павлов. — На это брат Плутцев заметил ему, что нельзя церковь Божию считать мешанской управой"...

На членских собраниях то и дело вспыхивал шум и гвалт. В результате тайного голосования большинство захотели, чтобы пресвитером оставался Павлов. Но Леонид Назаренко, Вадим Нога и Иван Головлев заявили, что они не признают большинства, с криком требуя удалить из зала часть присутствующих.

Василий Гурьевич и несколько богобоязненных братьев среди всеобщего волнения погрузились в молитву, прося у Бога умиротворения в сердца бесчинствующих.

Назаренко долго не успокаивался. Распаляясь все больше, он взял на себя неблагоприятную миссию, начав ходить по домам и вербовать в оппозиционную группу новых сторонников.

"Утром после богослужения было бурное заседание. Противники вели себя ужасно бесчинно, — вспоминал Василий Гурьевич. — Назаренко предложил не высказываться председателю раньше других и избрать совет по управлению делами общины. Второе предложение было единогласно принято. Я представил обвинителя против Назаренко, он объяснил, что этот член общины считает себя хозяином собрания, ходит по домам с корыстной целью, подговаривая на свою сторону людей. Назаренко вместе с единомышленниками встал и публично извинился. Община ради мира простила ему".

Семнадцатого марта 1911 года Павлов получил долгожданное постановление Херсонского губернского правления об официальной регистрации русской баптистской общины в Одессе.

Частым гостем Одесской церкви был Илья Андреевич Голяев из Балашова. Его с радостью принимали и группы евангельских христиан, где Илья Андреевич тоже ревностно проповедовал Евангелие.

Третьего апреля путем общего голосования утверждается совет общины. Председателем избран Павлов, помощником Назаренко, секретарем Тимошенко, членами Вильховский, Майко, Гейст, кандидатами Просняк, Белов, Нога.

С момента прибытия в Одессу Павлов испытывал постоянные домогательства со стороны местных властей. В газетах промелькнула заметка, что градоначальник оштрафовал Василия Гурьевича на 300 рублей за сообщение, якобы призывающее к сбору денежных пожертвований, тогда как в тексте этот призыв не содержался.

Павлов ходил на прием к градоначальнику, просил о снятии штрафа. Тот был непреклонен, обвиняя: Василия Гурьевича в том, что редактируемый им журнал "Баптист" издевается над православием.

"Градоначальник Толмачев показал себя, что он истинный черносотенец, — сделал вывод Павлов. — И я не добился от него ничего". Неоднократно Василий Гурьевич предъявлял в губернском правлении царские Указы о веротерпимости за 1906 год.

— Вы совращаете православных, а совращаемые упоминают Ваше имя на исповеди духовным лицам. Мы не допустим этого, — следовали категоричные предупреждения из государственных учреждений.

В середине апреля Василия Гурьевича пригласили на юбилейные торжества в село Астраханку Таврической губернии. Павлов бывал в этой местности в восьмидесятые годы прошлого столетия. Глухая часть Крымского полуострова называлась Молочные Воды и сюда в начале девятнадцатого века административным порядком и добровольно переселились духоборы и молокане. Духоборы продержались здесь недолго, начальство переместило их в Закавказье. Молоканские общины представляли собой разнородные группы, отличающиеся друг от друга по обрядам и происхождению. В Таврию неправославных переселенцев судьба забросила из Владимирской, Тамбовской губерний и области Войска Донского. Они принесли с собой местный народный говор, специфические религиозные традиции. Тамбовские молокане долго практиковали общее лобзание во время богослужбных собраний, а Владимирские начисто отвергали это установление. А молокане донского толка строго держались двух церковных обрядов: крещения и причастия. Они подходили к этим священнодействиям с точки зрения православного богословия, утверждая, что акт крещения сообщает силу для духовного возрождения, а причастие есть таинство пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христа.

Евангельскую проповедь здешние молокане впервые услышали из уст сириянина Якова Делякова. Воспитанный американскими миссионерами в духе протестантов-реформаторов, он признавал крещение младенцев, но учил, что этот обряд сам по себе не возрождает душу, что в святой вечере мы воспринимаем Тело и Кровь Христову духовно и уверенность в прощении грехов человек обретает через веру и искреннее покаяние.

Беседы Делякова заставили некоторых молокан пересмотреть свои убеждения. Семья посеянные Деляковым всерпно

Воседы Демидова заставил некоторых молокан пересмотреть свои убеждения. Семья, поселившаяся Демидовым, усердно возвращал баптистский проповедник Александр Феодосьевич Сторожев и к новому взгляду на Евангелие пришел сын пресвитера молокан донского толка Александр Андреевич Стоялов. Со временем баптистские воззрения принял и его отец, в результате молитвенных размышлений о целесообразности причащения младенцев. Он согласился с тем, что хлебопреломление и крещение предназначены для сознательно уверовавших.

По приглашению отца и сына Стояловых с проповедью Евангелия на Молочные Воды из Тифлиса приезжал Павлов. Василий Гурьевич проводил собеседования среди молокан в Нововасильевке и Астраханке. Воронин, Богданов и Скороходов, навестившие тавричан впоследствии, преподали водное крещение нескольким душам, перешедшим из молоканства в баптизм под влиянием духовных общений с Василием Гурьевичем.

Стояловы, как одни из активных проповедников Евангелия, испили страдальческую чашу. Отец по приговору суда был направлен в арестантские роты, откуда вернулся с подорванным здоровьем и прожил недолго. Сына осудили на поселение в Туруханский край, там в невыносимых условиях он вскоре и закончил свое земное странствование.

Избежал жестоких гонений в то время только Федор Прохорович Балихин, пресвитер общины села Астраханки, рукоположенный в 1886 году Иоганном Вилером.

В апреле 1911 года Астраханская община отмечала двойной юбилей: тридцатилетие образования и двадцатилетие пресвитерского служения Балихина. Когда Федор Прохорович подал уведомление Таврическому губернатору о предстоящих торжественных собраниях, от Правления губернии последовал строгий указ, в котором говорилось, что празднование всяких юбилеев запрещается, закон не разрешает устраивать в молитвенных домах "чай и закуски", можно дозволить только богослужение.

К началу утреннего богослужения в баптистскую церковь прибыл отряд стражников, возглавляемый приставом и урядником. Возвышаясь неприступной стеной над молящимися, они зорко всматривались в проповедников, выискивая взглядами приезжих из других городов.

Юбилера поздравил семидесятишестилетний старец Зиновий Данилович Захаров, отметив, что Балихин и его община умели жить в мире с верующими различных течений, что является знаком присутствия благодати Божией.

— Ты же, человек Божий, преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, — прочитал из Вечной Книги пожелание Балихину Захаров. — Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни...

Василий Романович Колодин от имени Нововасильевской общины вручил в подарок Балихину большую Библию с золотым тиснением.

Василию Гурьевичу предоставили слово в заключение.

— Наш дорогой брат Федор Прохорович и все мы знаем о том, как пророк Самуил после чудесной победы, дарованной Израилю над филистимлянами, воздвиг камень-памятник "Авен-Езер", что значит: "до сего места помог нам Господь", — сказал Павлов. — Такой памятник ставили здесь Господу все, кто вкапывал свою петлю в основание общин, кто отстаивал

Сказал Павлов. Такой памятник ставили здесь Господу все, кто вкладывал свою лепту в основание общины, кто отстаивал принципы Евангелия: оправдание верой, уверенность в личном спасении, духовность церкви. Вера христиан подобна кораблю, если потеряют упование на Господа, то погибнут...

На обед все расселись под шатром во дворе молитвенного дома.

— Вы нарушаете закон! — угрожающе говорил пристав, важно шествуя вдоль длинных столов. — Прием пищи запрещен в богослужебных местах.

— Дворовая территория принадлежит лично мне, я волен делать, что хочу, — объяснял Балихин.

Мелкие стычки с властями не омрачили праздника. Ободренные Словом Божиим, пережив радость общения, верующие с хорошим настроением разъезжались по своим домам.

"В собраниях этих чувствовалось веяние Духа Божия, Который проявлялся все время в молитве многих чад Божиих, — написал Павлов в журнале "Баптист". — Можно сказать, что это было время отрады от лица Господа и надо ожидать оживления дела Господня в этом крае".

В Одессе Василия Гурьевича снова встретили неприятности. Зайдя по вызову в полицейский участок, он узнал, что на него поступают доносы, что он якобы в проповедях порицает православие и совращает некоторых в баптизм. Газета "Одесские новости" сообщала горожанам, что Павлов оштрафован градоначальником Толмачевым на 200 рублей за соби́рание денег на издание журнала "Баптист". :

Внутри общины тоже ползли нелепые клеветнические слухи. Иван Майко внушал верующим, что Василий Гурьевич присвоил себе деньги, вырученные от духовного концерта два года тому назад.

Во время разбирательства действий Майка обсуждение превратилось чуть ли не в потасовку, Головлев, Назаренко и Мельниченко вскочили на кафедру, вырвав звонки у председательствующего. Павлов мужественно переносил несправедливые обвинения властей и внутрицерковные распри, сохраняя спокойствие духа.

Великий собор баптистов

В начале марта 1911 года русские баптисты и общины евангельских христиан получили окружное послание президента Всемирного союза баптистов доктора Джона Клиффорда о созыве очередного Конгресса с 18 по 25 июня в США.

Напомнив кратко о предшествующих встречах духовных работников в Лондоне и Берлине, Клиффорд подчеркнул уникальность намеченного собрания на американском континенте: "Через несколько недель мы встретимся в баптистском храме, в Филадельфии. Несомненно, мы должны не только отмечать, но и делать историю. Дни Конгресса могут быть использованы для благодарного воспоминания обширных услуг, оказанных для Царства Божьего нашими предшественниками для спасения погибающих, для евангелизации народов, для содействия свободе совести и для возрождения общества. Отмечая трехсотлетнюю годовщину нашей истории, мы должны снова заявить о своих принципах, рассказать историю наших храбрых пионеров, мучеников, исповедников и показать забывчивому миру, как много он обязан их верности и мужеству. Мы

храбрых шаперов, му гешков, проповедников и показать всему миру, как много он обязан их верности и мужеству. Они за последние годы развили баптистское всемирное сознание. Баптистские идеи в сущности всемирные идеи, они свойственны всем народам, выражены не в богословских формулах, но в свежем и плодотворном Слове Божьем. Мир нуждается в нашем изъяснении сего Слова. Наш совместный труд на Конгрессе, Говорящем от стольких народов, империй и республик, будет ускорять водворение мира на земле. Собравшись в городе братской любви и стране Роджера Вильямса, мы уверены, что движение для достижения гражданской и религиозной свободы пойдет вперед ускоренным шагом и с более святой надеждой".

Второго мая Василий Гурьевич и Александра Егоровна, простившись с близкими друзьями, выехали из Одессы в далекое заграничное путешествие. Во время краткой остановки в Берлине Павловы посетили семейство Карла Машера, инспектора христианской миссии в Камеруне. Хозяина дома не застали, он вел занятия на Библейских курсах. Жена Карла, любезно принимая гостей из России, сетовала на плохое здоровье детей, болевших скарлатиной.

— В Берлине сейчас проживает брат Винец, — сказала она, угощая Павловых чаем. — Это проповедник из Самары. И в России и в Германии ему сильно достается от властей. Он теперь имеет намерение переселиться в Америку.

Поблагодарив сестру Машер за гостеприимство и беседу, супруги на другой день покинули город. Скорый поезд "Берлин-Флиссинген" вез пассажиров к берегам Ламаншского пролива. В Вестфалии состав замедлил ход, словно приглашая путешественников внимательнее оглянуться вокруг. На большом пространстве высились мрачные сооружения по добыче каменного угля: трубы, вышки и почерневшие от дыма здания. Войдя в лесистую местность, поезд прибавил скорость, замелькали солнечные опушки, густые рощи. На склоне горы показался массивный памятник. Поезда встречал и провожал запечатленный в граните немецкий народный герой Герман. Он прославился тем, что остановил римские легионы Варра, ополчившиеся на Германию.

Вечером кондукторы стали выкрикивать названия голландских городов: "Том", "Иент". Всю Голландию проехали за три часа.

Недалеко от Флиссингена в вагоне зашумели, начался переполох, все почувствовали тяжелый запах гари. Оказалось, что загорелась ось, поезд остановили, быстро отцепив поврежденный вагон, а пассажиров перевели в вагон-ресторан.

На пароход садились ночью. Сильный шум от винта и холод никому не давали спать. Дорожные мытарства кончились утром. Причалив в порт Квинсборо, пароход отдал пассажиров во власть английских таможенников. После проверки документов и осмотра чемоданов Павловы через два часа езды на поезде прибыли в Лондон. Этот город был уже знаком Василию Гурьевичу по Конгрессу 1905 года. Он без труда отыскал главную штаб-квартиру Союза баптистов Великобритании. Джон Шекспир, исполнявший обязанности союзного секретаря, был очень обрадован приездом Павлова. Он рассказал гостю, что не все делегаты могли беспрепятственно выехать из России. Миссионер Байфорд, тоже встречавший Павлова, уточнил сообщение Шекспира. Он назвал Фетлера, которому пришлось преодолеть множество преград, поставленных властями.

— Его обвинили в активной проповеди среди православного населения, — сказал Байфорд. — Потребовали денежный залог в сумме пяти тысяч рублей. Английские братья помогли ему набрать эти деньги. Он был здесь со старушкой сестрой Ясновской. И теперь Фетлер на пути в Америку.

За время двухнедельного пребывания в Лондоне Павловы размещались у верующего адвоката Филькокса.

Более семи миллионов человек составляло население тогдашней столицы Англии. Союз лондонских баптистов насчитывал 350 церквей общей численностью в 50 000 членов.

Самый большой молитвенный дом, вмещавший более трех тысяч человек, принадлежал общине, где проповедовал великий слуга Божий Чарльз Сперджен. Все гости Лондона всегда стараются найти время для посещения этой церкви.

Когда Василий Гурьевич с женой приехали в знаменитую Скинию, там шло необычное собрание. Воскресная церковная школа отмечала свою годовщину. Гости увидели семьсот детей, которые выступали с музыкально-певческой программой. Как только праздничное служение завершилось, Павловы более обстоятельно осмотрели простое, но величественное здание. Василий Гурьевич медленно поднялся на высокую кафедру, откуда Сперджен произносил свои глубокие зажигательные проповеди. Слово Сперджена без промедления разносилось на весь мир. Телеграф отсылал проповеди в Америку, там их печатали большие газеты. В Лондоне издатели крупных газет тоже считали за честь поместить на страницах сочинения Сперджена и отправить тысячи экземпляров в другие страны.

На вечернем служении проповедник Юнигтон представил Павлова собранию. Василий Гурьевич рассказал о жизни евангельских церквей в России.

— Наше движение — это река, состоящая из множества притоков, — пояснил он. — Есть разномыслия, непонимание, но мы стараемся найти пути к тому, чтобы сохранить единство духа в союзе мира...

Юнигтон обратился с проповедью к молодым людям.

— Я хочу сказать вам о деле, которое стоит превыше всех дел человеческих, — оживленно говорил проповедник, — Служить Богу, — значит следовать за Христом, преображаться в Его образ, делать добро. Все славные мужи веры никогда не испытывали разочарования в своем служении.

Общая беседа продолжалась до глубокого вечера. Молодые люди пели, читали стихи, задавали вопросы.

На заседании комитета Союза английских баптистов Павлова ожидала приятная встреча. Во время рабочего совещания вдруг открылась дверь и в комнате появились два соотечественника Василия Гурьевича: Проханов и Матвеев из Петербурга. У них было приглашение на Конгресс в Филадельфию, но за неимением времени они не смогли поехать в Америку.

Лондонский комитет вместе с русскими служителями составлял планы постройки семинарии и санатория для баптистов Европы. Павлов предложил открыть санаторий в Берлине и члены комитета подготовили рекомендации Всемирному союзу баптистов и Конгрессу об учреждении в Берлине семинарии и санатория, а для немецких баптистов из России использовать Гамбургскую семинарию.

Василию Гурьевичу и Ивану Степановичу очень хотелось побывать на собраниях Армии Спасения. В Лондонском Гайл-

Василий Гурьевич и Иван Степанович Степн котелов поговаривать на собраниях Армии Спасения. В столичном Гайд-Парке им посчастливилось среди многочисленных ораторов увидеть проповедников Армии Спасения. Они стояли у огромного плаката, прикрепленного к деревьям. На полотне виднелась надпись: "Какая вам польза, если вы приобретете весь мир, а душе своей повредите?"

— Примите и уразумейте любовь Христову, — громко говорил проповедник, — Христос отдал Самого Себя для спасения мира. Возлюбите нашего Спасителя. Он умер за грешных и беззаконных!

В Гайд-Парке проповедовали представители почти всех протестантских исповеданий. Религиозных ораторов часто сменяли политические. Весь этот конгломерат идей трудно переваривался малоподготовленными слушателями, но всем было приятно окунуться в атмосферу свободы.

Находясь в Лондоне, Павлов и Проханов участвовали в работе Комитета евангелизации России.

— От имени Союза евангельских христиан я выражаю глубокую симпатию служению наших братьев баптистов, — заявил Иван Степанович. — Во взаимоотношениях с родственными течениями наш Союз стремится жить по принципу: в главном единство, во второстепенном свобода, а во всем остальном любовь.

После деловых заседаний Проханов, Павлов и Матвеев вновь торопились на уличные призывные собрания.

Вечером в Гайд-Парке совершала служение дочь Вильяма Бутса, основателя Армии Спасения. Она прочитала одну главу из Первого послания апостола Петра, объяснив наиболее сложные стихи. С краткими речами выступали и другие "капитаны" Армии. Духовой оркестр громогласно игравший в промежутках между проповедями, помогал собирать слушателей. Те, кого трогал евангельский призыв, выходили вперед и без стеснения преклоняли колена прямо на траве у стола проповедника.

С Павловым захотели встретиться корреспонденты английского духовного журнала "Христианин". Они пригласили его в редакцию на собеседование, долго расспрашивали о жизни и злоключениях верующих в России, о судьбе Василия Гурьевича. Через несколько дней Павлов увидел в журнале свою биографию с фотографией. Текст написал Чарльз Байфррд.

Детский приют при церкви Сперджена Павлов, навестил вместе с адвокатом Филькоксом. Василий Гурьевич был здесь в 1905 году, вторичное посещение этого благотворительного заведения тоже произвело приятное впечатление. Обстановка в комнатах, где живут сироты, теплая, семейная. В отношениях воспитателей и подопечных нет казарменного духа. Все строится на взаимном доверии и чуткости. Организаторы приюта заботятся и о последующей судьбе своих питомцев, подбирая им занятия в соответствии с природными склонностями.

Проповедник Юнинг пригласил Василия Гурьевича на занятие Воскресной школы в свою церковь. Около четырехсот детей слушали наставления приезжих служителей.

— Чем раньше познаете вы Господа, тем будет лучше для вас, — говорил Павлов. — Жизнь с Богом, служение Ему сделает вас самыми счастливыми людьми на свете.

Благодатные чувства пережил Василий Гурьевич во время посещения семинарии Сперджена. Томас Сперджен, сын короля проповедников, радушно принял русских христиан. Оправившись от долгой болезни, Томас вновь приступил к проповедническому служению. Поэтому в этот вечер было необычайно много народу. Томас говорил о небесной радости, сопутствующей последователю Христа во всех обстоятельствах жизни.

Хлебопреломление, совершенное на вечернем богослужении, еще больше укрепило дух взаимного общения и единства христиан Востока и Запада.

Двадцать четвертого мая англичане отмечали второй день праздника Троицы. На улицах царил всеобщий ликование. Но эта восторженность совсем не походила на бесшабашную удаль. Народ чинно прогуливается по улицам, заполняет большие парки. На открытых лужайках взрослые и дети играют в мяч. Совсем не слышно ругани, пьяных выкриков. В воздухе звенит детский смех и мягко пошумливает говор взрослых. В праздничные дни в парках и на улицах Лондона особенно много проповедников. Находя удобное место они располагаются с хором, устанавливают переносную кафедру, фисгармонию и проводят призывные служения.

"Англичане уже привыкли к всему этому, — отметил Павлов в записной книжке. — Но в Германии такой свободы нет, там, как и у нас в России религиозные собрания под открытым небом не дозволяются. Мы восхищаемся религиозной свободой Англии, но не надо забывать, что она дорого досталась чадам Божиим: Буньян должен был просидеть двенадцать лет в тюрьме за то, что осмеливался проповедовать Слово Божие без разрешения епископа. Придется еще много пострадать и нам, прежде нежели мы увидим полную свободу у когда проповедь Евангелия баптистами не будет считаться уголовным преступлением, подлежащим наказанию".

Филькоккс, у которого квартировали Павловы, проводил их на вокзал Ватерлоо, откуда супруги отправились в порт Саутгемптон. Там на рейде уже стоял пароход "Президент Линкольн". Он следовал из Гамбурга в Америку.

Оказавшись на борту огромного океанского судна, Павловы услышали родные русские голоса и увидели дорогие лица соотечественников. Василия Гурьевича и Александру Егоровну обступили братья Степановы, Голяев, Иванов, Балихин, Костромин, Кушнарев... Из России на Конгресс ехало двадцать шесть человек.

Двадцать пятого мая в 11 часов вечера пароход снялся с якоря. Утром на горизонте были все еще видны темно-серые очертания берегов Англии. Постепенно исчезли из поля зрения контуры земли, последний маяк и кругом заблестела на солнце водная пустыня. Тихая погода поддерживала хорошее настроение. Приятно ласкала слух русская речь, ведь почти половину пассажиров второго класса составляли жители России и лица русского происхождения. Каждое утро после завтрака все христиане собирались на богослужение; Оно совершалось на русском и немецком языках. Шведский миссионер Тьедер, недавно вернувшийся из Тибета, увлекательно рассказывал попутчикам о нравах и обычаях этого народа.

Через пять дней нормальный ход плавания нарушил штормовой ветер с дождем. Сильная качка вызвала морскую болезнь. Все пассажиры, за исключением Савельева, Костромина, Фильбрандта не могли выйти из кают. Богослужения на время отменили, но как только погода улучшилась, они сразу возобновились.

Двадцать девятого мая Чарльз Байфорд по радио направил приветственную телеграмму английским делегатам на пароход

Двадцать девятого мая Гарри Ванфорд по радио направил приветственную телеграмму английским делегатам на пароход "Керамония", который шел на 300 миль позади "Президента Линкольна". Англичане мгновенно дали ответный сигнал. "Шлем вам наш сердечный привет", — такой текст принял радист.

Первого июня вечером впереди засветились огни Нью-Йоркских предместий. Пароход с путниками, утомленными одиннадцатидневным плаванием, вошел в устье реки Гудзон и бросил якорь возле Стэмен Айленда.

На следующий день после выполнения всех таможенных формальностей русских делегатов доставили в храм Благодати. Так называлась самая грандиозная по архитектуре и вместимости баптистская церковь. Гостей разместили для обеда в одном из залов университета, работающего при Храме. Внутренность этого уникального здания отделана с особой изысканностью. Разноцветные витражи на окнах образуют различные христианские символы и лики величайших мужей веры; Мягкие сиденья расположены полукругом в зале, а полы устланы яркими коврами. В центре поблескивает трубами новейший орган.

И церковь и университет выстроены по инициативе доктора Русселя Конвеля на добровольные пожертвования. В годы гражданской войны он был генералом и боролся за освобождение негров, позднее работал корреспондентом больших газет, затем перешел трудиться на духовную ниву. Он возглавил университет и принял служение проповедника в одной из крупных американских общин. Храм Благодати никогда не пустует. Кроме Богослужений он часто собирает всевозможные конференции и съезды.

Вечером русских христиан пригласили на совещание по вопросу приема во Всемирный союз общин свободных баптистов. Американцы по своему обычаю встретили гостей шумными рукоплесканиями. Русские делегаты несколько растерялись от такой непосредственности, но быстро освоились с местными традициями.

Накануне съезда их принимали на славянской конференции. Встреча проходила в одной из городских баптистских церквей. За евангелизацию славянских народов отвечал молодой проповедник Густав Альф, сын польского миссионера. Густав Альф два года назад приезжал в Одессу с проповедью Евангелия и женился на дочери Гроссмана. Увидеть за океаном старых друзей, — что может быть приятнее? Западные славяне сразу попросили Павлова и Степанова рассказать о духовной работе в России.

Внимание всех, кто приезжал в Филадельфию, привлекает городская ратуша. Вечером на фронтоне этого респектабельного здания загорелись слова: "Привет баптистским съездам". Залы ратуши были открыты для всех гостей города и часть русских делегатов даже спела там несколько духовных гимнов. Краткое богослужение провели на улице, в районе русской православной церкви. Услышав пение, вокруг проповедников собралась небольшая толпа из евреев, поляков и русских. Евангелие возвещали братья Степановы и Балихин.

Открытие Конгресса состоялось 6 июня в переполненном громадном храме. Пение духовных гимнов, чтение Слова Божия и молитва ввели делегатов и гостей в благодатное единодушное сотворчество. Мэр города мистер Рейберн пожелал уникальному баптистскому собранию успеха и процветания, отметив, что баптисты в Америке пользуются почетом и влиянием.

Во время традиционного вызова представителей делегаций от русского союза кратко выступили два служителя: Фетпен и

Во время традиционного вызова представителей делегации от Русского союза кратко выступили два служителя: Фетлер и Голяев. Фетлер говорил о развитии духовного пробуждения в Петербурге.

— Наша община выросла до трехсот членов за три года своего существования, — сказал он. — И теперь мы ведем строительство молитвенного дома. Нам не хватает средств для окончания этого дела.

Председатель Русского баптистского союза Голяев приветствовал Конгресс от имени 50 тысяч баптистов.

— Я двадцать один год состою пресвитером общины города Балашова, — запинаясь от волнения, говорил Илья Андреевич. — В нашей церкви ПО членов. Мне трудно, так трудно высказать чувства, которые я сейчас переживаю, ведь я в первый раз вижу такое большое собрание детей Божиих...

Главным событием второго дня Конгресса была речь президента Всемирного союза баптистов доктора богословия, магистра словесных наук и юриспруденции Джона Клиффорда о происхождении и задачах вселенского сообщества верующих.

— Дорогие друзья! Мы собрались во Имя и благодатью Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего, — сказал он, начиная доклад. — Наше общение с Отцом и Сыном и мы соединяемся с миллионами наших братьев баптистов, рассеянных по всему миру. Никогда прежде мы не осуществляли так основательно наше истинное единство. Мы дышим живительным воздухом, напоенным энергией преданности, зависимостью от Бога, верой в силу Евангелия, непобедимой верностью принципам, которыми мы сплочены вместе. Это не что иное, как дом Божий и врата неба. Почта и печать, телеграф и телефон, железная дорога и пароход соединяют нас. Санкт-Петербург находится в Филадельфии, хотя с довольно большими трудностями. Шведы и норвежцы жмут руки новозеландцам; Французы и германцы осуществляют братство во Христе. Наш Союз возможен...

Напомнив слушателям основополагающие принципы баптистов о верховенстве Христа в духовно-церковной жизни; о высшем авторитете Священного Писания, Клиффорд отметил влияние протестантизма на обновление церкви.

— Христианство обязано своим существованием неискоренимому роду протестантов. Оно осталось бы в пеленах иудейства, если бы Дух Божий не толкнул апостола Петра на путь протеста. Оно не сделалось бы в первое столетие всемирной религией, если бы апостол Павел не противился сильно всем защитникам расовых и сектантских религий. Лолларды были протестанты, Ян Гус и Джон Виклиф могли спасти Евангелие только открытием лжи, под которой оно было погребено. Лютер, сжигая буллу папы, продемонстрировал путь для спасения истин Реформации. На нас лежат две обязанности: одна из них состоит в том, чтобы сохранять основной капитал человеческой мысли, обогащая его идеями и принципами Евангелия Христова, а другая в том, чтобы прибавлять к основному капиталу человеческой энергии духовный энтузиазм. Люди малообразованные, но с неутомимой энергией часто совершают гораздо больше, нежели люди, наполненные целыми библиотеками знания, но лишенные огня и страсти. Машина самой лучшей конструкции стоит неподвижно, доколе в нее не впускают пар. Восприятие наших главных идей не принесет никакой пользы, доколе мы не будем жертвовать нашей силой, нашими деньгами, нашими усилиями для спасения людей. "Приди и помоги нам" — вот крик, доходящий до нашего слуха из всех частей света и, особенно, из Юго-Восточной Европы. Общины нашей веры и нашего порядка возникли в Венгрии и Австрии, в Моравии и Болгарии, в Богемии, Боснии и в России. Их гонят, но они с радостью принимают расхищение их имущества и мужественно распространяют огонь своего евангелизма вблизи и вдали. Примем на себя смиренно ответственность за руководство религией будущего времени и пойдем вперед на свое место. Пионеры никогда не получают

ответственность за руководство решенной судьбой времени и падением вперед на свое место. Тренеры никогда не получают наилучшую плату, но они делают наилучшее дело. Не ждите других! Если будете ожидать других, то вы никогда не тронетесь с места. Околдованный лес слушал ложь, которую рассказывал злой дух, что будто всякое дерево, которое расцветет весной, завянет и будет срублено, и каждое дерево, боясь угрожающей ему участи, ждало, чтобы другие деревья начали цвести вперед и весь лес оставался темным и мертвым тысячу лет. Долой страх! Будьте готовы терпеть крест и пренебречь посрамлением! Будьте верны Христу и Его святому Евангелию, и таким образом помогите вести мир к свету и славе Его искупительной любви!

Высокий пафос речи президента подействовал воспламеняюще на сердца всех делегатов. От частых рукоплесканий он делал остановки, а в конце выступления словно оглушительная взрывная волна прокатилась по залу. Клиффорд неподвижно стоял перед собранием, устало склонив седую благообразную голову.

Рефераты Петерса и Робертсона, прочитанные в тот же день, касались сугубо богословской тематики. Петере говорил о достаточности Евангелия для спасения отдельной личности, а Робертсон сетовал на то, что людям, воспитанным в исторических церквях очень трудно согласиться с баптистским утверждением о невозможности обрести духовное возрождение через обряд крещения.

На третий день Конгресса делегаты вновь пережили необычный подъем духа. Дождь благословения Бог излил через слово Томаса Филлипса из Англии. Он произнес проповедь на тему: "Господь дает благодать и славу".

По меткому замечанию Василия Гурьевича, Филлипс говорил "с воодушевлением лучшего оратора, анализом философа и полетом поэта".

Христианское служение только тогда оказывает возрождающее влияние на мир, когда оно осенено благодатью свыше, — вот мысль, которую проповедник развивал, используя сравнения и примеры.

— Младенческая церковь Нового Завета шествовала вперед с царственной важностью и слава ее происходила от благодати, — сказал Филлипс. — Благодать создала Павла, а Павел создал первоначальное христианство. Затем все наилучшее в нашей современной жизни обязано своим происхождением Реформации, а Реформация явилась благодаря усвоению Мартином Лютером учения о даровом и полном прощении грехов. Блеск евангельского оживления просветил два материка. Высшая миссия Церкви заключается в раздаче благодати Божией нуждающемуся миру, и когда она делает это благоразумно и достойно, тогда народ приходит к ней подобно голубям, которые летят в свою голубятню. Для апостола Павла христианин есть новая тварь, самобытный тип, новый род человека, который так отличается от мира, как лилия от крапивы, как пальма от терния. Этот тип постоянно существовал во всякой церкви. Мы видим его в апостолах Павле и Иоанне, во Франциске Ассизском и мадам Гюон, в Сперджене и Кебле, в Джоне Больмане, Сыны благодати узнаются везде. Не может быть роз без аромата, лесов без певчих птиц и Божьей благодати без милостивых святых...

Вдохновенное размышление о небесной силе учения Христа оживило дух собравшихся. Они долго аплодировали евангельской проповеди Филлипса.

В течение четвертого дня Конгресса рассматривались нужды славянских стран. Выступали словаки, чехи, русские, а также венгры.

— Во времена Гуса наши предки посылали миссионеров в Англию, — заметил словак Г. Чапек. — А теперь ваша очередь послать миссионеров в нашу страну.

Когда председательствующий Майер представил Конгрессу Василия Гурьевича Павлова, зал разразился рукоплесканиями.

— Я должен рассказать о христианизации России за десять минут, это слишком короткое время для ознакомления с великим делом русских баптистов, над которым они трудятся более сорока лет, — взволнованно заговорил Павлов. — Посему я ограничусь тем, что расскажу этому великому собранию лишь о моей доле труда в распространении Евангелия среди русских, так как Господь дал мне преимущество быть одним из первых провозвестников истины в нашей обширной империи...

Притихший зал внимательно слушал простой безыскусный рассказ русского подвижника Евангелия о всех гонениях и жизненных испытаниях, которые сопровождали его во все дни служения. Это была не только его личная доля. — Тот же суровый жребий несли и другие проповедники учения Христа.

— Во многих местах толпа избивает наших членов и разгоняет их собрания, как, например, в Сибири толпа вошла в дом одного брата, где было молитвенное собрание. Вошедшие стали пальбой из ружей разгонять собравшихся, угрожая: смертью хозяину, — рассказывал Василий Гурьевич. — Другой случай произошел в городе Баталпашинске Кубанской области, где толпа не допустила похоронить тело баптистского проповедника Юрченко, который умер от нападения, сделанного толпою на него во время проповеди в молитвенном собрании. Братья принуждены были увезти тело его за 15 верст и похоронить в имении брата Мамонтова...

Христианизация России, по мысли Павлова, могла бы продвигаться более успешно при удовлетворении первостепенных нужд союза русских баптистов.

— Нам нужна семинария для образования наших проповедников, — сказал Василий Гурьевич. — Нам нужно составить книгоиздательское общество для создания и распространения нашей вероисповедной литературы. У нас уже есть книгоиздательский комитет и я состою его секретарем. Наша страна представляет собой огромное миссионерское поле, заключающее в себя всякого рода людей от номинального христианина до буддиста, магометанина и язычника. Мы простираем свои взоры к нашим заатлантическим и английским братьям, чтобы они помогли нам в нашей брани за дело Христово...

После окончания речи Павлова мистер Шекспир представил собранию всех русских делегатов. Посланцы из России степенно выходили на центральную платформу, становясь плечом к плечу.

— Мы читали о наших мучениках в Англии, о Джоне Смите и других. Как мы желали бы взглянуть им в лицо, если бы это было возможно, — сказал Шекспир. — Но мы можем иметь удовольствие поглядеть в лицо мученикам. Вот наша баптистская воинствующая церковь!

Шекспир энергичным взмахом руки указал на русских.

— Они ради Иисуса терпели побои, заключения в темницах, они лишены были своего имени, они были разлучены с женами и детьми, многие из них носят— на теле язвы Господа нашего Иисуса Христа. Научитесь от них терпеть все ради Евангелия.

Зная, что страдания предопределены последователям Христа. Мы все-таки надеемся: русское правительство должно убедиться, что ему нечего бояться баптистов, ибо они самый трезвый, трудолюбивый и мирный народ...

С необходимостью учреждения семинарии для России в Европе говорили в тот же день Байфорд и Вайнинг. Собрание поддержало эту идею с энтузиазмом. Когда диаконы, держа в руках большие плетеные чаши, пошли по рядам для сбора пожертвований, никто не остался безразличным и в итоге было собрано 75 тысяч долларов на доброе дело.

Местная христианская печать рассказывала о собраниях четвертого дня Конгресса с особым чувством.

"Из многих трогательных сцен и переживаний Всемирного союза, ни одна не превзошла сцену и переживание представления русских ссыльных, — писал американский баптистский журнал. — Аудитория была битком набита. Проповедник Шекспир в сильной речи подготовил почву, а затем, когда он представлял собранию одного за другим этих героев и героинь, он давал краткое описание их жизни, а доктора Клиффорд и Майер подавали каждому из них руку. Их приветствие было вдохновенным и благословенным".

В послеобеденное время делегаты смогли посетить Крозеровскую семинарию. Основатель этого заведения миллионер Джон Крозер пожертвовал на дело христианского воспитания деньгами и недвижимым имуществом на сумму 800 тысяч долларов.

На вечернем собрании делегаты избрали нового президента Всемирного союза баптистов доктора Роберта Стюарта Мак-Артура. Этот благословенный служитель был известен баптистам всего мира, собрание встало, когда почтенный старец приветствовал делегатов.

И еще одно историческое событие произошло на закате знаменательного дня.

Общины евангельских христиан России, возглавляемые Иваном Степановичем Прохановым, по их просьбе были приняты во Всемирный союз баптистов. Проханов заочно был избран одним из вице-президентов ВСБ. По линии русских баптистов на эту должность был выдвинут Илья Андреевич Голяев. Иван Степанович и его сотрудники Матвеев, Шенеман и Вербицкий участвовали только в работе подготовительных заседаний, проходивших в Лондоне накануне Конгресса.

На Лондонской встрече Проханов изложил позицию своих общин по вопросу единства. "Союз евангельских христиан, желая сохранить свою духовную самостоятельность, тем не менее рад созавать единство со всеми христианами, крещенными по вере, — говорил он. — Это единство облегчается для евангельских христиан федеративным началом, положенным в основу Всемирного союза баптистов, который сочетает единство и свободу".

Газета "Утренняя звезда" регулярно давала информацию о работе Конгресса в Филадельфии. Факт принятия евангельских христиан во Всемирный союз баптистов был отмечен как выдающееся событие.

"Отныне русские евангельские христиане входят в состав Всемирного союза по вере крещенных христиан на равных же условиях как и евангельские христиане-баптисты, ибо Всемирный союз есть федеративный союз, — писала газета. — Все это указывает на полную возможность и даже на психологическую необходимость основания в России того федеративного Соединительного комитета, который был предложен в России Первым Всероссийским съездом евангельских христиан".

У руководителей русских баптистов решение Всемирного союза о приеме евангельских христиан вызвало недоумение. Считая такой шаг слишком поспешным, русские делегаты Конгресса даже выразили протест, но его отклонили.

Дей Иванович Мазаев воспринял этот факт резко отрицательно и написал в журнале "Баптист" критическую статью, обвинив служителей Союза евангельских христиан в раскольнической деятельности и стремлении всячески избегать слова "баптист".

На заключительном собрании Конгресса в воскресенье 12 июня итог подводили американские и английские проповедники.

— В настоящее время наступил критический момент для народов Европы, — говорил англичанин Юнинг. — Они пробуждаются от долгого летаргического сна при духовной и политической тирании. Раздается крик о политической и вероисповедной свободе, о добре и о Боге. Этот дух находится во всех странах Европы. По всему свету огни начинают светить из окон милых баптистских церквей, которые приносят луч надежды для многих стран...

Американцы ознакомили гостей с некоторыми статистическими данными о жизни баптистов в Соединенных Штатах. Численность американских баптистов в 1911 году составляла 5 383 944 человека, они занимали первое место среди протестантских деноминаций. На попечении баптистских церквей находилось десять духовных семинарий, три университета и колледжа, восемь средних учебных заведений. Баптисты объединены в два союза: Южный и Северный. На семнадцать человек населения Соединенных Штатов приходится один баптист. Всемирный союз баптистов в 1911 году насчитывал 6 283 833 человека.

На следующий день после окончания работы Конгресса начались официальные визиты. В понедельник все русские делегаты отправились в Вашингтон, где их должен был принимать Президент США. Прежде чем попасть в Белый дом, делегация зашла в посольство России. Заместитель посла вежливо, с большим уважением расспрашивал верующих соотечественников об американских впечатлениях.

— Здешние газеты очень много пишут о преследованиях баптистов в России, — сказал он. — Таким образом, складывается впечатление, что вы приехали сюда с жалобами на свое правительство. Правда ли, что некоторые из вас отпущены в Америку под залог?

— То, что мы говорили, в основном относится к прошедшему времени, — ответил Павлов. — Но и сейчас гонения полностью еще не прекратились.

— Я состою в данный момент под следствием, — вступил в беседу Фетлер. — Меня отпустили под залог в пять тысяч рублей. О газетах надо сказать, что они следуют краски и явно преувеличивают наши рассказы. Как христиане мы не имеем

русских. С таблички надо сказать, что они слушают краски и живо превращаются наши рассказы. Как христиане мы не имеем враждебных чувств к властям предрержащим и всегда готовы молиться о просвещении их божественным светом и мудростью.

С позволения заместителя посла русские баптисты совершили молитву за Отечество и царя, пропели национальный гимн.

Белый Дом, расположенный на Капитолийском холме, показался делегатам вполне ординарным зданием.

"Ведь президент не царь, — отметил в дневнике Павлов. — Сегодня он президент, а завтра адвокат. Вероятно, оно так и должно быть, чтобы он не привык к роскоши".

Чиновник пропускал гостей по двое по лестнице, ведущей в приемные покои президента. В зале находилось примерно тысяча человек. Президент вначале принял доктора Клиффорда и Майера, а после делегаты поочередно подходили к президенту, называя свою фамилию стоявшему рядом чиновнику, который повторял ее. Президент Тафт приветствовал каждого солнечной американской улыбкой и крепким рукопожатием.

Гостям предоставили возможность осмотреть здание Капитолия и помещение Публичной библиотеки. Яркость впечатлений ослаблялась очень жаркой погодой. Путешественники, обливаясь потом, изнывали от нестерпимой духоты. Поэтому в Вашингтоне они пробыли всего один день.

Шестнадцатого июня в Нью-Йорке Павловы простились с русскими братьями и выехали в Торонто по приглашению Ивана Алексеевича Колесникова. В многолюдном и многонациональном городе Василий Гурьевич быстро отыскал единомышленников. Пригодилось знание болгарского языка, среди верующих переселенцев из Македонии он проповедовал Евангелие на богослужбных собраниях. Русские и болгары регулярно выходят на уличные миссии. Одно из собраний было организовано у болгарского ресторана. Громогласный духовой оркестр собрал порядочную толпу слушателей. Василий Гурьевич вместе с болгарскими проповедниками дерзновенно провозглашал благовест душам, опустошенным греховной жизнью.

Субботний и воскресный дни Павловы провели в Буффало. Гостей принимал пастор Миллер. На базе церкви он открыл Славянскую миссию. Сотрудникам миссии и всем верующим было очень интересно послушать многострадального проповедника из России.

Неприятно поразил Павлова один штрих из жизни верующих Северной Америки. В летнее время из-за высокой температуры американские церкви почти пусты, а некоторые даже закрываются месяца на два. "Наши верующие более терпеливы, — заключил Василий Гурьевич. — У нас в Одессе тоже бывает жара невероятная и собрания длиннее, но посещаемость от этого не уменьшается".

В Нью-Йорке, куда Павловы возвратились 7 июля, не только американские, но и немецкие церкви по причине летнего зноя совершали служение в полупустых залах.

Целую неделю Василий Гурьевич трудился в своеобразной английской церкви. Она называлась "Храм моряков" и кроме англичан объединяла русскоязычные и латышские общины. Павлову довелось посетить ночные собрания этих общин для бездомных. Русского проповедника слушала разношерстная толпа среди которой были уже новообращенные. Они

оседомства. Русского проповедника слушали разношерстная толпа, среди которой были уже новообращенные. Они вдохновенно свидетельствовали о Христе, призывая других посвятить жизнь Богу.

Девятого июля Павловы покинули гостеприимных американцев и канадцев. Спокойное плавание омрачалось тем, что по воскресным дням на пароходе никто не подавал сигнала к началу общего богослужения. Сетование супругов прервал необычный пассажир. Гладко выбритый, аккуратно одетый он был похож на пастора.

— Не хотите ли вы пойти на богослужение? — предложил он по-немецки.

— О, да! Мы только об этом как раз говорили, — обрадовались Павловы.

Оказывается на пароходе был специальный зал для христианских собраний.

— Фридрих Блехер, — назвал себя почтенный пассажир. Я секретарь германского Союза молодых людей для решительного христианства.

Господин Блехер принадлежал к лютеранской церкви, но Василий Гурьевич сразу заметил в нем живого христианина. Они согласились поочередно руководить богослужениями. Христианские общения снимали утомление, делая долгое плавание насыщенным и разнообразным. Время протекло незаметно, пароход бросал якорь у берегов Англии, Франции и 20 июля после одиннадцатидневного путешествия "Президент Грант" вошел в гавань Куксгавен, близ Гамбурга.

Павлов вновь встретился со своими давними немецкими друзьями. В кругу местных верующих он вспомнил об Иоганне Онкене, который дал ему начальное богословское образование и посвятил в миссионеры для России.

Недолгим было Гамбургское свидание и 24 июля Павловы уже шагали по хорошо знакомым шумным улочкам Одессы.

Будни и праздники

Многочисленные заботы и тревожения встретили Павлова в Одессе. Восторг Фавора сменился удручающими картинами повседневности. Дух диотрефства терзал общину. Оппозиционная группировка во главе с Назаренко и Вильховским снова старалась любыми способами подорвать авторитет Павлова, несправедливо обвиняя его то в присвоении денег, то в стремлении господствовать. Бесконечные проверки церковной кассы, частые междоусобицы на членских собраниях общины, вызовы к властям по поводу запретного посещения православными детьми баптистских богослужений отвлекали Василия Гурьевича от духовно-просветительской работы.

Хорошего друга и сотрудника обрел Павлов в лице Тимошенко. Обладая незаурядными литературными способностями и тактом, молодой проповедник помогал старшему собрату в издательских делах и пастырском служении.

В нескольких номерах журнала "Слово Истины" была опубликована серия рассказов под названием "Среди сектантов". Некто Любич Е.Н., человек с неопределенными взглядами, волею судеб оказавшийся за бортом жизни, делится своими впечатлениями о знакомстве с Павловым и Тимошенко в Одессе осенью 1911 года: "В холодный сумрачный день я собрался и пошел по указанному адресу. Приблизительно я понимал цели этих людей, с ними не заговоришь о погоде, о политических

и пошел по указанному адресу. Приближаясь, я почувствовал души этих людей, с ними не заговоришь о погоде, о политических новостях. К ним надо идти со сложившимся жизнепониманием и раскрытым сердцем. Когда я поднялся по узкой лестнице на четвертый этаж и позвонил в дверь, меня встретил господин с длинной окладистой бородой, среднего роста, плотный, лет пятидесяти с лишним.

Он бросил на меня недоумевающий взгляд строгих глаз поверх пенсне.

— Вы — господин Павлов?

— Да.

— Обо мне Вам должны написать. Моя фамилия Любич.

— Нет, не помню, никто не писал. Пройдите сюда, пожалуйста.

Из маленькой темной передней я вошел в небольшую комнату. Письменный стол в углу с целым ворохом писем и рукописей. По стенам таблички с текстом Священного Писания. Пара стульев, большой стол посередине.

— Вот так мы живем. Работаем, — веселым и приветливым голосом проговорил Павлов. — Хотите поближе познакомиться, — приходите на наше собрание. Там мы молимся и проповедуем.

Вошел молодой человек, белокурый, с испытующими глазами.

— Это мой сотрудник, познакомьтесь, — сказал Павлов. Завязался разговор о журнале "Баптист".

— Мало распространен, — объяснил Василий Гурьевич. — Средств нет у братьев. А подписчики разбросаны по всему свету: весь юг России, Кавказ, Зауралье, вся Сибирь. Предлагали обмен изданиями прогрессивным газетам — ни одна не отозвалась...

— Из каких классов населения состоит ваша община? — спросил я.

— Чернозем, простонародье, бедняки. Вот один из них.

В комнату бодрыми шагами вошел старичок, одетый в дешевое пальто. Поговору — великоросс. Книгоноша. Имеет семьдесят шесть лет от роду, но выглядит молодцом. На четвертый этаж легко взобрался. Снова звонок. Вошел юноша лет двадцати, громадный как медведь.

— Мир вам! — приветствовал он всех.

Юноша приехал из деревни Хлебороб. Нашлось вскоре и письмо обо мне. Прочитав его, Павлов спросил меня: — Ну а как

Госпожа пришла по деревням. Гиббертс. Пашков вкоре и шевме 600 тыс. Про тшав его, Павлов стросил мени. Ну и как же теперь ваше духовное состояние?

Вероятно мой беспомощный взгляд что-то сказал ему, ибо он вскоре добавил:

— О Вас пишут, что вы когда-то были религиозным человеком и другом верующих.

Я замаял этот вопрос. Больно показывать у себя пустое место там, где у верующих людей хранится богатство. Деликатно, с благодарной чуткостью Павлов и Тимошенко отняли руки от двери, ведущей в тайники моего сердца".

Свои беспокойства о дальнейшей судьбе общесоюзного журнала Павлов обнародовал на Всероссийском съезде баптистов, проходившем в Москве с 25 сентября по 5 октября 1911 года.

— Помимо трудностей материального характера наше издательство испытывает гнет двойной цензуры: братской и административной, — говорил Василий Гурьевич. — Меня как редактора власти штрафовали несколько раз, один номер был конфискован, касса журнала совсем оскудела. Я прошу избрать нового редактора и изыскать средства для покрытия дефицита.

— Нужно выяснить, по чьей вине налагались штрафы, редактора или администрации, — предложил Дей Мазаев.

Прения были остановлены помощником пристава.

— В обсуждение действий администрации входить запрещается — предупредил он.

Съезд сформировал специальную комиссию по налаживанию нормальной работы издательства. Забегая вперед, скажем, что с 1912 года выпуск журнала "Баптист" взял на себя Дей Мазаев.

Для ведения богослужбных собраний организаторы съезда арендовали зал в помещении Политехнического музея. Выход баптистов на большую аудиторию вызвал недовольство в реакционных кругах православия. Люди со страхом и недоумением показывали друг другу листовки, где писалось, что баптисты — совратители народные и еретики. Громкое пение духовных гимнов не могло заглушить беспорядочных выкриков и шума.

— Господи, усмири бесчинствующих! — молился с кафедры Семен Прокофьевич Степанов.

Молитва подействовала, скандалисты немного поутихли. Наиболее ретивых крикунов полиция вывела из зала.

На другой день председателю съезда Д.И. Мазаеву и пресвитеру местной общины С.П. Степанову градоначальник сделал официальное предупреждение о прекращении собраний в Политехническом музее ради спокойствия окрестного населения.

— Мы не видим законной причины отказываться от богослужений в угоду невежественным людям, — заявили братья.

— Вам дано разрешение на деловой съезд, а не на молитвенные собрания, и я имею право самолично закрывать их, — градоначальник резко поднялся со своего места, давая понять, что разговор окончен.

Вечером тысячная толпа осаждала закрытые двери Политехнического музея. У входа висело объявление "Молитвенное собрание евангельских христиан-баптистов воспрещено господином градоначальником". Отрядам полиции понадобилось немало усердия для того, чтобы рассеять собравшихся. По Москве носились самые противоречивые слухи о баптистах. Инициаторы антибаптистской кампании оказали непреднамеренную услугу евангельскому движению. Среди московского купечества и рабочих появилось немало людей, сочувствующих баптистам.

Полиция действовала беспристрастно, ограждая участников съезда от нападков православных активистов. Одного священника даже привели в участок, что крайне возбудило черносотенные газеты и вынудило градоначальника издать такой приказ; "Вечером, во время молитвенного собрания секты баптистов в Политехническом музее между этими сектантами и присутствовавшими на собрании лицами православного исповедания возникли недоразумения на религиозной почве. Командированный на собрание старший помощник пристава Строев не сумел тактично уладить возникший инцидент и позволил себе пригласить в участковое управление православное лицо. Такое неуважение к православному священнику является совершенно недопустимым проявлением отсутствия должного служебного такта, за что арестовываю старшего помощника пристава Строева на 7 суток, ограничиваясь столь незначительным взысканием лишь ввиду безупречной и полезной служебной деятельности этого чиновника".

Отголоски словесных баталий долго звучали на страницах светской печати. В газете "Колокол" выступил православный миссионер Варжанский. Он объяснил неблагоприятное поведение защитников православия как "исполнение служебного долга".

Очень интересен отклик В.Г. Павлова на статью Варжанского. Свои размышления по поводу заявления священника Павлов опубликовал в журнале "Баптист": "Неужели; он считает свое миссионерское призвание в том, чтобы вторгаться в богослужебные собрания и производить там шум и крик? Но это ведь не согласно ни с Божескими, ни с гражданскими законами. Закон Христов, объявленный чрез апостола Павла, гласит: "Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников" 2 Тим. 2:24-25. А закон гражданский говорит следующее: "Виновный в непристойном крике, шуме или ином бесчинстве, препятствующем отправлению общественного христианского богослужения или учиненном в церкви, часовне или христианском молитвенном доме, наказуется арестом на срок не свыше трех месяцев". Полагаем, что господам православным миссионерам должны быть известны эти законы и, если они хотят подать собой примеры уважения к законам, тем более, что они считают себя слугами нашего Господа, Который сказал: "Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" Мф.7:12. Если бы баптисты вторглись в православный храм во время богослужения и произвели там шум и крик, разве это приятно было бы православным? Если нет, то пусть же православные миссионеры поступают с нами по вышеприведенному золотому правилу".

Религиозные брожения в народе вынудили Государственную Думу подготовить законопроект по вероисповедным вопросам. На одном из заседаний съезда Павлов напомнил делегатам об этом и предложил направить в Министерство внутренних дел записку о стесненном положении неправославных христиан.

Опираясь на факты, руководящие служители сразу же высказали свои мнения.

— Мы не имеем права ни крестить, ни венчать молодых людей от 14 до 21 года. Но тайно мы это, конечно, делаем. И если нам будет грозить тюрьма, мы этого делать не перестанем, — говорил В.П. Степанов. — В Новопехорском уезде наши братья просили разрешения выстроить молитвенный дом. Исправник заявил, что он не может запретить по закону, "ибо закон за вас, но я лично против вас, буду преследовать, делать обыски..."

— Я хочу уточнить суть трудностей, связанных с верующими молодыми людьми, — объяснял В.В. Иванов. — Речь идет не о юношах, рожденных в православии, но родители которых перешли в баптисты. Они такие же баптисты по духу, но их насильственно удерживают в православных списках до 21 года. Получается, что дети не имеют собственной воли.

— Мы должны честно заявить, что Богу повиноваться надо более, чем людям, — завершил дискуссию Павлов.

Было решено поручить Д.И. Мазаеву, И.А. Голяеву и В.П. Степанову составление ходатайства перед высшими властями.

Прошение баптистов поступило в Государственный совет 6 ноября 1911 года. "Мы не можем соглашаться с людьми, которые смотрят на религию не как на силу нашего спасения, а как средство обрусения всех нерусских и оправославления всех неправославных, ибо невозможно оправославить семейство, где все взрослые от православия сознательно отрекаются и где лишь одни дети, бессознательно к церкви причисленные, насильственно в ней удерживаются, — излагалось в петиции. — Мы убедительнейше просим Государственный совет во исполнение мудрой воли нашего возлюбленного Монарха, выраженной в памятном указе и Манифесте о свободе совести, предоставить нашим детям с согласия родителей переходить из православия в сектантство беспрепятственно. Верим, что такое решение этого вопроса облегчит страдания многих семей и вызовет благословение потомства".

Мнения государственных мужей резко разделились с самого начала обсуждения законопроекта. Прогрессивная часть в лице графа Д.А. Олсуфьева и известного юриста А.Ф. Кони выступала за расширение свободы совести.

— Мы желаем поднять нашу веру, устранив из нее, всякое насилие. Насилие в деле веры пятнает саму веру и это пятно необходимо снять, — настаивал Олсуфьев,

— Соединение политики и веры всегда приводило к дурным последствиям, — констатировал Кони. — Там, где церковь подчиняла себе политику, возникала инквизиция, там, где политика подчиняла себе церковь, церковь превращалась в полицейский участок.

— Христианскую мораль невозможно понимать без свободы совести и веры. Нельзя мешать верующим людям самостоятельно и свободно искать пути спасения своей души. Хотя в России целым рядом актов Высочайшей воли и установлен принцип свободы совести, тем не менее, кто знает русскую действительность и отношение властей к указу от 17 апреля 1905 года, тот глубоко сознает необходимость вероисповедного закона. Настоящий закон в думской редакции отвечает этой необходимости. Господствующая церковь при этом сохраняет за собой все свое духовное состояние, — сделал заключение член Совета Войнич-Сяноженский.

Представители православного духовенства архиепископ Новгородский Арсений, протоиерей Буткевич и Беликов остались глухи к доводам трех участников совещания.

— Русский народ ценит только православие, остальные верования для него — нехристианские, — утверждал Буткевич. — Видя наплыв иноверия, русский народ хотел бы крикнуть: "руки прочь", но его убаюкивают сладкими песнями о том, что его величие требует не только признания равноправия всех вер, но и отказа от собственной веры.

Многочасовые дебаты в Госсовете не привели к существенным изменениям в религиозном законодательстве. Думский вариант проекта о переходе из одного исповедания в другое без всяких возрастных ограничений был перечеркнут лицами, привыкшими мыслить и жить в одной узко-казенной плоскости. Вот что писала газета "Современное Слово" в дни работы Госсовета: "Мы видим, на какое прокрустово ложе попал вероисповедный законопроект. Нижняя палата внесла в правительственный законопроект все поправки, которые подсказаны жизнью, которые вытекали из опыта применения предыдущих правительственных актов, установивших относительную свободу вероисповедания. Но Госсовет отверг думскую редакцию и восстановил правительственную и, таким образом, не распутал жизненную коллизию, а снова ее запутал. Отсюда ясно видно, что не юридическая логика, не высший государственный интерес руководил Госсоветом, а просто реакционная тенденция, которая была доведена до такого яркого абсурда в речах представителей духовенства. Свобода совести опять урезана. Думе придется, вероятно, согласиться на эти урезки, чтобы спасти хоть крохи свободы. Самое элементарное стремление влить в нашу жизнь начала культурные и правовые останется бесплодным".

Выводы газеты справедливы, но крайне пессимистичны. Усилия широко мыслящей части русского общества по изменению отношения к инаковерующим, включая и устроителей Московского баптистского съезда, вроде бы оказались тщетными. Но все служители баптистских общин, несмотря на препятствия продолжали вести дело Божие так, как повелевало им Евангелие Христово. Деловые собрания съезда, ходатайства и прошения в адрес правительства, богослужения в Политехническом музее при стечении народа сделали большое дело, — открыто говоря о живом исповедании учения Христа, они пробудили общественное сознание.

"Наш съезд в белокаменной Москве — совершившийся факт. Он наделал много шума и благодаря настояниям градоначальника был доведен до конца ранее предполагаемого срока, — писал Павлов. — То, что баптисты, несмотря на всевозможные стеснения, могли в течение двух лет созвать два съезда в обеих столицах указывает на их прогресс. Эти съезды важны в том отношении, что мы стали больше известны печати и обществу, нас могли наблюдать вблизи и ближе познакомиться с нашими принципами и деятельностью и таким образом составить себе более ясное понятие об этом евангельском движении".

Все слои общества так или иначе соприкоснулись с баптистами. Проповедников Евангелия окружали государственные чиновники, интеллигенция, городские ремесленники и заезжие крестьяне. Присутствовавший на всех собраниях съезда представитель департамента духовных дел при МВД Бондарь С.Д. выпустил вскоре брошюру, под названием "Современное состояние русского баптизма". Этот чиновник сумел объективно взглянуть на особенности баптистского движения. "Силу баптизма составляет его общинное устройство, — отмечал Бондарь. — Члены баптистских общин сами инициаторы дела; они свободно и легко собираются и совещаются; на собраниях выслушивается каждая мысль, кому бы она ни принадлежала. Созревшее решение быстро осуществляется исполнительной волей тех, кто его обсуждал и постановлял. Баптистское движение захватило почти все губернии Европейской и Азиатской России. Оно распространяется не только среди православного населения, но и среди последователей других сект. В Тамбовской губернии из 15 тысяч сектантов большинство баптисты, перешедшие из молоканства. Миссия баптизма ведется систематически и планомерно; приемы и средства ее отличаются продуманностью и целенаправленностью. Число баптистских проповедников и пресвитеров в России

средства ее отличаются предумышленностью и целенаправленностью. Дело баптистских проповедников и пресвитеров в России значительно. На 11 тысяч русских баптистов к концу 1909 года было 240 пресвитеров и проповедников".

Московский съезд отыскивал новые подходы к решению внутрицерковных проблем. Был утвержден институт старших пресвитеров. Все общины Европейской России предполагалось разделить по районам. Пресвитериату вменялось в обязанность нести духовное попечение над несколькими общинами, организацию их богослужебной и социальной деятельности.

Участники съезда получили письмо от духовного центра и приветственные телеграммы от общин родственников по духу евангельских христиан. Они предлагали образовать на основе сохранения двух независимых полноправных союзов соединенный комитет в целях преодоления отчужденности и поиска путей для сближения. За сотрудничество двух течений выступил В.Г. Павлов. Другие служители проявили сдержанность. В.В. Иванов говорил о том, что общины евангельских христиан неоднородны. По наблюдениям Иванова, их можно разделить на два разряда: самостоятельно возникшие и отделившиеся от баптистов, состоящие из лиц недовольных и непримиримых. Со второй группой очень трудно иметь что-либо общее.

Окончательные соображения по устранению недоразумений делегаты изложили в коллективном письме, направленном совету Петербургской общины евангельских христиан: "Съезд находит нужным не учреждение соединительного комитета, а просто братски-христианское друг ко другу отношение. Мы желаем: иметь мирное отношение ко всем общинам евангельских христиан, иметь полное братское общение с теми общинами, которые образовались самостоятельно. Не производить разделения в этих общинах и не навязывать им название "Баптист", но работать в них. Не принимать отлученных из этих общин евангельских христиан, воздерживаться от порицания даже отлученных баптистскими общинами и перешедших к евангельским христианам. Учреждение же постоянного для этой цели комитета было бы лишь нашим взаимным позором и укором в том, что мы, будучи христианами и братьями, не можем держать себя так, чтобы не вызывать необходимости образования специального комитета".

В письмах к съезду некоторые евангельские христиане обвиняли журнал "Баптист" в резких выпадах против их общин председателя Союза Проханова.

— Хотелось бы иметь точные указания на неверные сообщения, — сказал Голяев.

— Я не могу сейчас вспомнить номера журнала, но подобные материалы действительно появлялись, — засвидетельствовал Степанов. — Всем корреспондентам, кто пишет запальчивые статьи, я советую впредь этого не делать, дабы не заразиться духом осуждения.

Замечание Василия Прокофьевича было принято к сведению.

Слухи о съезде иноверцев продолжали будоражить московских обывателей. Стихийные ревнители "истинной" веры буквально ходили по пятам баптистов. Когда Павлов и Тимошенко проповедовали Евангелие на воскресном богослужении у евангельских христиан, их окружала раздраженная группа из посторонних людей, которые требовали прекратить проповеди.

Столкновения с недоброжелателями умножались повсеместно. К неприяниям внутри Одесской общины прибавились

Столкновения с недоброжелателями умножились повсеместно. К неурядицам внутри Одесской общины прибавился конфликт с местными властями и неумеренными защитниками "правой веры". Не успел Павлов отдохнуть от московских стычек, как ему вскоре пришлось "держаться оборону" на Одесской кафедре. Наряд полиции, возглавляемый помощником пристава и православным миссионером, явился на богослужebное собрание в то время, когда с проповедью выступал гость из Балашова Иван Андреевич Голяев.

— Приезжим говорить публично не дозволяется, — перебивая речь проповедника, сказал помощник пристава.

— Прошу Вас не нарушать тишину и порядок, — вмешался Павлов. — Наш брат и служитель Голяев утвержден властями как наставник баптистов.

— Я знаю, что делаю, — полицейский чиновник бесцеремонно двигался по залу, хватая за руки насмерть перепуганных ребятшек и выпытывая у них фамилии. — У меня есть предписание, — не пускать православных детей в собрания баптистов.

— Братья и сестры, не поддавайтесь панике, — громко сказал Павлов. — Обратимся в молитве к Господу!

Верующие дружно опускаются на колени.

— Господи! Укажи властям, чтобы они вразумились, не препятствовали нам молиться и разрешали детям приходить на собрания, — с плачем и рыданиями взывали женщины.

Расталкивая молящихся, городовые требовали документы у приезжих, переписывали детей. Задержанных под присмотром миссионеров и полицейских отправляли в участок. На шум и беспорядочные крики сбежалась толпа горожан.

— Это миссионеры таким способом думают защитить православие, — объяснял какой-то господин любопытствующим.

Днями великой радости назвал Павлов торжества, связанные с открытием молитвенного дома в Петербурге. Большое многоярусное помещение было выстроено за 3 месяца по западноевропейскому образцу. Широкая полукруглая платформа открыта для обзора с любой точки зала, обилие света и воздуха, замечательная акустика. На овальном оконном стекле броская надпись: "Верующий в Меня имеет жизнь вечную". Первая в России основательная церковная постройка получила название "Дом Евангелия". На освящение оригинального храма Петербургский пресвитер Фетлер пригласил гостей со всей страны и представителей церквей США и Англии.

Вдохновенное многоголосное богослужение напомнило Василию Гурьевичу всемирные конгрессы, где собирались виднейшие столпы и представители баптизма. Петербургский "Дом Евангелия" почтили своим присутствием президент, Всемирного союза баптистов Мак-Артур из Нью-Йорка, директор колледжа Сперджена Мак-Кэг из Лондона, член Королевского Географического общества Чарльз Филипс.

Торжества совпали с началом Рождественских праздников по западному стилю. 25 декабря 1911 года собрание слушало проповедь Мак-Артура на слова ангельской песни оплывшей Вифлеемские поля: "Слава в вышних Богу и на земле мир в

проповедь так гурьич на слова ангелской песни, слышавшей в церквяхи поим. Слава в вышних богу, и на земле мир, в человеках благоволение".

Павлов в кратком слове призвал верующих неуклонно следовать за Спасителем и распространять благоухание Христовой любви на всяком месте. Всеобщее ликование дополнили выступления хоров Петербургских общин и певцов из Эстонии в сопровождении струнных и духовых инструментов.

В субботу 31 декабря по пути Домой Василии Гурьевич сделал остановку в Харькове. Встреча с местными верующими оставила теплый след в душе Павлова. "Харьковская община в настоящее время находится в цветущем состоянии, ее можно сравнить с ульем пчел, которые дружно работают, — делился своими впечатлениями Василий Гурьевич. — Она недавно наняла себе хорошее просторное помещение в центре города. Во время моего пребывания там зал был переполнен слушателями. Незадолго до моего приезда в Харькове работал известный евангелист Николай Васильевич Одинцов. Руководящие братья общины имеют между собой любовь и единомыслие. Бог да благословит Харьковскую общину, дабы она была маяком, с которого льется свет на море жизни".

Харьковчане показали гостю мастерские, где мальчики и девочки из верующих семей занимаются изготовлением покрывал и накидок с художественным орнаментом для благотворительных целей.

Посещение единоверцев Елисаветграда тоже обрадовало Павлова. Церковь избавилась от внутренних расколов и теперь сохраняет единство духа в союзе мира.

В начале января Павлов прибыл в Одессу.

На скамье подсудимых

Государственно-церковная машина Российской империи в первые годы второго десятилетия двадцатого века стала вновь поворачивать на круги своя. В воздухе запахло старыми победоносцевскими временами.

Четвертого октября 1910 года Министерство внутренних дел издало правила, которые ограничили действие указов от 17 апреля 1905 года и от 17 октября 1906 года. Руководствуясь новыми инструкциями, власти под разными предлогами и при всяком удобном случае запрещали богослужебные собрания вне православной церкви. По стране возбуждались судебные преследования активных служителей евангельских и баптистских церквей. В феврале 1912 года Московский окружной суд начал разбирательство дела В.А. Фетлера, В.В. Иванова, Н.Я. Яковлева по обвинению в совращении православных.

Угроза новых гонений нависла и над Василием Гурьевичем Павловым.

Семнадцатого августа 1912 года Одесский градоначальник поручил местным полицейским органам приступить к предварительному следствию по поводу деятельности пресвитера баптистской общины В.Г. Павлова. Догадываясь о том, что полиция ходит за ним по пятам, Василий Гурьевич продолжал с усердием совершать дело благовестника. Из Одессы он выезжает в близлежащие города с проповедью Евангелия, принимает участие в пасторской конференции, организованной немецкими братьями на хуторе Нейфельд, недалеко от Николаева 14 сентября 1912 года.

В конце месяца Одесская община евангельских христиан пригласила Василия Гурьевича на бракосочетание. Выпускник Лодзинской семинарии Алексей Хомяк вступил в супружеский союз с Натальей Абдуловой.

По случаю этого праздника Василий Гурьевич говорил, на тему: "Радуйтесь с радующимися".

— Проповедник — слуга Божий, — сказал он. — Кто Мне служит, Мне да последует и где Я, там и слуга Мой будет, — возвещал Христос. Жена же как сонаследница благодатной жизни призвана поддерживать самоотверженное служение мужа любовью, молитвой и добрыми делами.

Третьего октября Василия Гурьевича неожиданно вызвали в городской суд, где ему было предъявлено обвинение в венчании православной с баптистом. Суд вынес Павлову оправдательный приговор, приняв во внимание давность совершения обряда и то, что православная стала членом баптистской общины по личному желанию.

Проповедь В.Г. Павлова в Керчи во время освящения молитвенного дома заинтересовала лиц иудейского происхождения. После богослужения Василий Гурьевич устроил специальное собеседование с представителями иудаизма. Как и следовало ожидать, ревнители Закона Моисеева заспорили о Мессии.

— Мы ждем Божьего Мессию! — с жаром говорили они. — Он непременно придет и принесет славу Израилю.

— Мессия уже пришел, — доказывал Павлов. — Это был Господь Иисус Христос, о котором предсказывалось в Законе Моисеевом, в Псалмах и в Пророках...

Спорщики затихали, когда Василий Гурьевич открывал Священное Писание и начинал читать библейские пророчества на древнееврейском языке.

Покинув Керчь, Павлов сделал однодневные остановки в Феодосии, Мелитополе и 3 ноября прибыл в село Астраханку Таврической губернии. Это памятное место еще в прошлом столетии стало одним из центров духовного пробуждения. На сей раз верующие ожидали приезда сюда Ивана Степановича Проханова из Петербурга. "Буду в пятницу" — телеграфировал Проханов. О встрече с руководителем Союза евангельских христиан в Астраханке Павлов сделал записи в личном дневнике: "9 ноября 1912 г. Астраханка. После обеда заехали к брату Балихину Ф.П. У него остановился И.С. Проханов из Петербурга и А. Реймер. Свидание с ними было очень радостным. О прибытии брата И.С. Проханова извещено было заранее, поэтому в молитвенном доме было столько народу, что даже переполнен был коридор, примерно было человек 500. Сначала говорил брат А.А. Реймер и за ним И.С. Проханов о любви Божьей. Слушали проповедь его с большой напряженностью, потому что он был здесь в первый раз. После него я закончил собрание. На собрании был Григорий Зиновьевич Захаров, который специально приехал из-за брата И.С. Проханова. После собрания ужинали у брата Устина Матвеева. Я с И.С. Прохановым ночевал у брата Ф.П. Балихина".

Восемнадцатого ноября Павлов прибыл в Екатеринослав для участия в работе районного съезда местных верующих, куда были направлены представители от двенадцати общин. Съезд обсуждал вопросы расширения дела благовестия. Делегаты единодушно избрали Михаила Даниловича Тимошенко разъездным проповедником.

Вернувшись в декабре в Одессу, Павлов узнал о том, что проповедник Плутцов оказался на скамье подсудимых. Он временно замещал Василия Гурьевича на посту редактора в 1911 году, когда Павлов уезжал в Америку на Всемирный конгресс баптистов. Плутцов обвинялся следователями в публикации критических статей, якобы направленных против православия. Суд оправдал Плутцова за недостаточностью улик.

Провожая уходящий в вечность 1912 год, община Павлова устроила большой детский праздник. "Была елка для детей, вечера любви с чаем, декламировали, пели, — записал Василий Гурьевич. — Праздник прошел блестяще".

Ранним морозным утром 5 января на квартиру к Павловым явился околоточный надзиратель. г

—! Мне велено ознакомить Вас, господин Павлов, с предписанием градоначальника, — надзиратель вытащил из-за пазухи большой лист бумаги. — На основании рапорта Одесского полицмейстера от 17 октября 1912 года градоначальник постановил приостановить деятельность Вашей общины. Мне также приказано снять вывеску с молитвенного дома. Вы поможете мне это сделать?

— Нет, — наотрез отказался Павлов. — Здесь какое-то недоразумение.

— Ну как хотите, а вывеску я все равно сниму, приказ есть приказ, служба наша такая, однако ж...

Околоточный долго разыскивал дворника, тот принес лестницу и снял вывеску.

Через два дня группа верующих во главе с Павловым стояла в приемной градоначальника.

— Что вам угодно? — осматривая посетителей, спросил какой-то чиновник.

— Мы просим разрешить нам отправление богослужений, пока наше дело не будет рассмотрено губернским правлением. Мы требуем объявить нам мотивы закрытия собраний.

Чиновник бесшумно юркнул за высокую дверь кабинета градоначальника и вскоре появился вновь.

— Мотивом закрытия общины послужила пртивонравственная и противозаконная деятельность, — на ходу, скороговоркой бросил чиновник, удаляясь в глубь коридора.

Выпросив у местных властей копию постановления о закрытии общины, Павлов направил телеграмму в адрес правительства: "Одесский градоначальник 5-го января закрыл зарегистрированную общину баптистов без объяснения причин и запретил совершать богослужения. По поручению общины, наставник Василий Павлов".

Эта телеграмма осталась без ответа, а из губернского правления пришло извещение, подтверждающее, что община закрыта окончательно.

Четвертого февраля Павлова вызвал следователь по особо важным делам при одесском окружном суде. Василия Гурьевича вновь обвиняли в пропаганде баптизма и совращении православных.

— Арест Ваш мы пока откладываем на неопределенное время, — сказал следователь, — но для того, чтобы Вы не избежали наказания, которое, я уверен, суд на Вас наложит, Вы обязаны представить поручителя или же оставить в залог двести рублей денег.

Павлов написал жене записку, Александра Егоровна через братьев прислала нужную сумму и Василия Гурьевича отпустили домой.

Обвинительный акт на Павлова был составлен загодя по распоряжению Одесского градоначальника. В этом документе, подготовленном судебным следователем, говорилось: "В 1905-1906 гг. в городе Одессе в законном порядке основалась и была зарегистрирована община евангельских христиан-баптистов, собрания коих происходили первоначально на Херсонской улице в доме № 11, а впоследствии в доме № 44 по Прохоровской улице. В сентябре месяце 1907 года община пригласила из г. Тифлиса в качестве проповедника и духовного наставника В.Г. Павлова, который и вступил в эти должности. Василий Павлов, как хороший оратор, говоривший красноречиво, с убеждением и страстно, пользовался влиянием на своих слушателей, людей, большей частью простых. В проповедях своих Павлов начал указывать на неправильности и заблуждения православных и стал стремиться опровергнуть учение православной церкви. Так свидетельскими показаниями Никиты Казанцева, Александра Мельникова, Ольги Гачковой и Константина Сухорукова было установлено, что в период времени с 1907 по 1912 гг. Павлов в своих проповедях называл иконопочитание нарушением второй заповеди, а иконы выдумкой попов. Обращаясь к православным, Павлов говорил: "Вы, православные, заблудшие, познайте Бога и Истину, а эту Истину проповедуем мы". В молитве своей Павлов просил Господа Иисуса о вразумлении Государя и православных, а также новых посетителей в собрании, чтобы они познали их учение. В конце проповеди Павлов предлагал уверовавшим поднять руку. К лицам, руку не поднявшим, подсаживались сектанты и разъясняли им сущность своего учения. Далее Павлов раздавал листки с выдержками из проповедей баптистов православным посетителям. В листках этих, между прочим, были указаны адреса баптистских общин. По окончании проповедей приглашал отдельных лиц для беседы в свою квартиру или сам отправлялся по указанному адресу для более ясного вразумления в неправильности православного исповедания, уговаривая покаяться и перейти в среду, где находится Христос, то есть в баптизм. По словам свидетельницы Ольги Качковой, Павлов несколько раз беседовал с нею по вопросам веры, доказывая ей правильность своего учения и старался обратить ее в члены своей общины. Когда это не удалось, Павлов изменил свое отношение и один раз попросил ее оставить собрание. В другой раз спросил с насмешкой: "Ну, православная, долго ли вы будете пребывать в заблуждении?" По словам свидетеля Аркадия Шиманского, Павлов в своих проповедях говорил, что будут спасены только крестившиеся по обряду баптистов. Привлеченный на следствие в качестве обвиняемого Павлов не признал себя виновным в публичном произнесении проповедей, возбуждающих православных с целью их совращения, к переходу в учение баптистов, и объяснил, что он пропаганды не вел, учение православной церкви не опровергал и даже слово "православные" в своих проповедях не употреблял, так как такое обращение превратило бы проповедь в полемику.

На основании вышеизложенного Тифлисский гражданин В.Г. Павлов, 59 лет, обвиняется в том, что в период времени с сентября 1907 года по 1912 год, в г. Одессе в собраниях баптистов, происходивших сначала в доме №11 по Херсонской улице, а с конца 1911 г. в доме №44 по Прохоровской улице, неоднократно произносил публично проповеди, возбуждавшие православных, приглашая православных посетителей с их собраний перейти в баптизм, как в среду, где находится Христос, утверждая, что вне крещения по обряду баптистов нет спасения для души и что православные заблуждаются и только

утверждая, что все крещены по образу баптистов под страхом для души и что православные заслуживают и только баптисты проповедуют Истину и называл иконопочитание нарушением второй заповеди, а иконы выдумкой попов. Означенное преступление предусмотрено 90 ст. Уголовных уложений. Вследствие этого и на основании 200 ст. Уголовного уложения, Тифлисский гражданин В.Г. Павлов подлежит суду одесского окружного суда без участия присяжных заседателей.

30 марта 1912 г. Товарищ прокурора Бонгардт".

Почти целый год длилось предварительное следствие, судебный процесс начали 9 февраля 1913 года. Среди обвиняемых вместе с Павловым привлекли к суду адвентиста Шамкова, проповедников общины евангельских христиан Кравченко и Филиппова. Зал наполовину заполнили свидетели: двадцать со стороны обвинения и сорок от защиты. Совесть и богобоязненность, казалось, совсем не тревожили душу многих свидетелей. Одна страсть объединяла тех, кто поддерживал обвинение, — ненависть к инакомыслию. "Все свидетели — ревнители православия, члены православного братства при епархиальном доме, — писал Василий Гурьевич. — Все они нагло лгали на нас, несмотря на то, что приняли присягу. Свидетельствовали ложно о всех нас, что мы, якобы, порицаем православную церковь, называя ее блудницей".

И все-таки среди православных свидетелей два голоса прозвучали диссонансом. Они заявили, что никогда не слышали хулы и кощунственных слов от сектантских проповедников. Прокурор же не принял во внимание эти свидетельские показания.

— Богохульство и дерзость обвиняемых я считаю вполне доказанным, — утверждал он. — Эксперты: священник Фетисов и профессор Клатин подтвердили это. Мы никак не можем потакать распространению между гражданами нашей Российской империи инородной веры. Религия есть признак и основа национальности. Позволительно ли русскому человеку признавать что-либо, кроме православия?

— Христианство многоцветно как радуга, — возражает прокурору адвокат. — Дух дышит где хочет, сказано в Писании. Евангелие объемлет все национальности.

Голоса защитников потонули в шуме негодующих выкриков.

На третий день суд вынес решение: обвинение Шальнева, Кравченко; Павлова в богохульстве и кощунстве неосновательно, но эти лица виновны в пропаганде своего вероучения. Суд определил им месячное заключение в крепость, а Филиппова оправдал полностью.

Осужденных почему-то сразу не взяли под стражу и Василий Гурьевич вернулся к своему служению.

Через неделю на воскресном молитвенном собрании присутствовало всего 50 человек. Многие не пришли из-за болезни, ведь молитвенный дом был закрыт властями. В тот же день к Павлову подошел дворник и сказал, что недавно заходил околоточный надзиратель и намекнул о снятии запрета на проведение богослужебных собраний. "Можешь снова свою вывеску прибавить", — так и сказал. — Она у меня недалече, Василий Гурьевич, в чулане припрятана. Ну как повесим обратно?

— Сам же помогал околоточному снимать, — улыбнулся Павлов. — Искупай теперь вину, ставь на прежнее место.

— Эх, кабы по своей воле было, — вздохнул дворник. — Страху напустил на меня, хоть и небольшой, а все же чин. Тащи мол, лестницу, а не то в участок... Приневолил...

Вскоре в Одесских газетах появилось официальное распоряжение градоначальника о возобновлении богослужений в баптистской общине. Это известие совпало с большим национальным торжеством. О нем Павлов сделал краткую запись в дневнике: "21 февраля. Сегодня два раза было богослужение по случаю 300-летия царствования дома Романовых. Утром брат Александров открыл собрание чтением псалма и молитвой, затем с полчаса рассказывал историю царствования династии Романовых. После него я говорил об обязанности молиться за правительство".

Василия Гурьевича хорошо знали в окрестностях Одессы. Павлов любил посещать самые глухие села и деревни. Там обычно жили одинокие и престарелые верующие. В середине февраля Павлов организовал групповую поездку в маленький город Нерубайск; откуда Павлов и молодые хористы несколько километров шли пешком для того, чтобы навестить больную старушку в селе Усово. Земная обитель безродной пожилой женщины размещалась внизу скалы. Эта душа несказанно рада, увидев в своем убогом жилище проповедника Евангелия и христианскую молодежь. Она долго со слезами молилась благодаря Господа за радостное общение.

Необычные гости ожидали Павлова в Одессе, "Сегодня обедали у меня два бывших священника: Макаревский и тифлисский уроженец Брихничев, довольно известный в литературе своим резким оппозиционным направлением, который много пострадал и журнал которого постоянно закрывался. Его религиозная идея самобытна и определить ее трудно. Не отрицая Бога и Христа он старается к самосовершенствованию собственными силами. В сущности не дает должного места Христу, смотрит на Него как на пример для нашего подражания", — замечает Павлов в дневнике.

Несмотря на некоторые разногласия по богословским вопросам, Василий Гурьевич часто встречался с Брихничевым. Эта дружба оказала большую услугу русской истории и культуре. Иона Брихничев стал первым биографом Павлова. В 1914 году он издал в Одессе брошюру под названием: "Свидетели верные. В.Г. Павлов, его община и сотрудники".

По пути в Москву Василия Гурьевича навестил сын Павел с семьей. Свидание было кратким. Потрудившись несколько лет в Тифлисе регентом и проповедником, Павел направлялся в Москву для продолжения служения.

Распрощавшись с сыном, Василий Гурьевич торопится на районное совещание в село Добровеличковку. Местные братья доставили Павлова со станции на лошадях. Пресвитеры и проповедники, присланные от 13 общин, обсуждали внутрицерковные вопросы, составляли планы расширения миссионерской работы.

В течение месяца Павлов посетил несколько общин в Николаеве, Елисаветграде, Бендерах.

Шестнадцатого июня Одесская церковь устроила торжественное посвящение М.Д. Тимошенко на пресвитерское служение.

— Я напому прощальные слова апостола Павла, сказанные им во время встречи с пресвитерами на острове Мелит, — открывая большую Библию, произнес Василий Гурьевич. — Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Мы призываем, дорогие братья и сестры Божье благословение на нашего служителя Михаила Ланиповича. Пусть Небесный Пастырь Иисус

Христос прострет Свои пронзенные руки над головой брата...

Вместе с Павловым священнодействие совершали пресвитеры: Рыбалко, Костюков, Любань и Фильбрандт.

На следующий день Тимошенко вновь оказался виновником торжества. В центре зала одесную Михаила Даниловича стояла сестра Клавдия Родионовна Хомутичкина. Бракосочетание проводил Павлов.

— Берегитесь, возлюбленные, дабы не увлек вас сатана делами житейскими, — напутствовал новобрачных Василий Гурьевич. — Помните слова Спасителя: где сокровище ваше, там и сердце ваше будет...

К середине лета после братских совещаний у Павлова созрел план: отправиться на Дальний Восток для посещения тамошних общин.

Двадцать первого июля на прощальное богослужение пришли верующие из разных евангельских церквей Одессы. Русские и немецкие проповедники в молитвах и речах поддержали решение Павлова.

Вечером Василий Гурьевич шел на вокзал, окруженный плотным кольцом верующих.

На душе было грустно и легко. Разлука с друзьями печалит, а вера успокаивает, Василий Гурьевич чувствовал себя в руках Божьих. Долго-долго, когда Одесса уже осталась позади, в сердце звенел гимн: "Бог с тобой, доколе свидимся", напеваемый родными голосами.

Путешествие на Дальний Восток

От Одессы до самой Донской области за окнами тряского вагона взору пассажиров открывались бесконечные рыжие поля со снопами сжатого хлеба. Соседями Павловых по купе оказались монахи. Прислушиваясь к разговору попутчиков, Василий Гурьевич понял, что они вынуждены были покинуть гору Афон из-за богословских разногласий с обитателями греческого монастыря.

— В чем же состоит ваше разномыслие? — спросил Павлов.

— Мы поклоняемся не только лицу Господа Иисуса Христа, но и Его святому имени — отчеканили монахи.

— Вы — имяславцы?

— Истинно так, истинно так, — дружно закивали волосатыми головами необычные пассажиры. — Пред именем Иисуса преклонится всякое колено земных, небесных и преисподних.

— Да, но Писание не отделяет имени Христа от Его личности, — заметил Василий Гурьевич.

— Наше дело — молитва, мудрствовать мы не научены, одно лишь ведаем — поклоняться имени Христа, — стояли на своем монахи.

— И за это вас преследуют духовные и гражданские власти?

— Да, за имя Христово поношение терпим, будем и далее терпеть, сколько Господь позволит, — кротко заключили они.

Павлов больше в беседу не вступал, понимая настроение беглецов с Афона.

Остановившись на короткое время в Царицыне, Павловы пересели на пароход и 29 июля прибыли в селение Дубовка, где жили дочь Александры Егоровны Каролина с мужем, родная сестра и брат.

Василий Гурьевич был особенно рад тому, что русские и немецкие баптисты проводят совместные собрания и во время богослужения царит дух глубокой проникновенной молитвы. Ревностным трудом в общине занимается семейство Жидковых, Глава семьи Иван Иванович недавно переехал сюда с домочадцами из Петербурга. Его сын Яков очень быстро смог устроить в Дубовке хор, который вдохновлял верующих слаженным пением. "Они называют себя Евангельскими христианами, — отметил в дневнике Павлов, — хотя отец принадлежал к детокрещенской общине и был принят в баптистскую церковь без повторения крещения. Мы посетили эту семью и пили чай. Мать Ивана Ивановича — вдова известного миссионера Якова Деякова, старушка лет 80 — тоже живет здесь".

Через несколько дней Павловы вновь оказались на волжских просторах. Небольшой опрятный пароход "Тургенев" вез пассажиров до Самары, Вдоль побережья на песчаных косогорах выныривали деревеньки, с голубыми колоколенками храмов, зеленели леса. На пристанях путешественников осаждала толпа, жители окрестных сел выносили на продажу хлеб, молоко, рыбу, овощи.

Четвертого августа, высадившись в Самаре, Павловы тотчас отправились разыскивать местных верующих. Извилистая улочка привела их к большому зданию с просторным флигелем. Над воротами полукругом красовалась надпись: "Молитвенный дом Самарского Братства". Перед началом собрания гости увидели пресвитера Сергея Павловича Грачева и проповедника Алексея Михайловича. Беседуя Зуйко с ними, Павлов узнал, что бывший пресвитер церкви Яков Яковлевич Вине переселился на постоянное жительство в Америку.

Василий Гурьевич неустанно проповедовал Слово Божие на всех собраниях в течение нескольких дней. Члены церковного совета жаловались Василию Гурьевичу на отдельных проповедников, которые жаждут поучать людей с кафедры, но не имеют достаточной подготовки и способностей. Павлов долго беседовал с такими "ораторами".

— Ваши речи, не только не доставляют назидания, но даже могут оттолкнуть слушателей, — увещевал их Василий Гурьевич. — Всякое неточное слово режет слух. Брат один, например, несколько раз повторял выражение: "Христос навязывает спасение каждому человеку". Следует знать, что Господь не может навязывать спасения, ибо Он Бог любви и предоставляет всем право на свободу выбора, Он предлагает жизнь вечную...

Дни и ночи пролетали в беседах и рассуждениях о деле Божьем и 6 августа гостей проводили на железнодорожный вокзал

Утром следующего дня путешественников встретила однообразная сибирская тайга: за окнами мелькали ели, сосны и лиственницы. В сорока шести верстах от Омска решили сделать остановку. Сойдя с поезда на станции Марьяновка, Павловы навестили баптистский поселок Усово. Душой местной общины верующих здесь был Андрей Ананьевич Стоялов, постоянно преследуемый властями проповедник Евангелия. По судебному приговору Стоялов "за соращение православных" был лишен всех прав состояния и сослан в Туруханский край на вечное поселение. До места ссылки Андрей Ананьевич добирался по этапу пешком с семьей, терпел невероятные трудности, страдал тяжкими болезнями от переутомления. Каторжная ссылка была прервана после выхода царского манифеста и Стоялов переселился в Омскую губернию на хутор Усово. Господь восстановил его духовные и физические силы. Андрей Ананьевич развел вокруг дома чудесный сад. Никто из местных жителей даже не подозревал о том, что здесь можно выращивать такие замечательные фрукты и ягоды. Стоялов показывал гостям яблони, кусты малины, крыжовника, ухоженные грядки овощей.

Воскресное богослужение устроили под открытым небом, совершая освящение места под постройку нового молитвенного дома. На лесной опушке белел широкий деревянный помост, на котором возвышался стол и несколько скамеек для гостей и проповедников. Пресвитер церкви Андрей Леванович Евстратенко изложил биографию общины.

— Большинство наших верующих — переселенцы из села Усохи Могилевской губернии, — сказал он. — Тамошняя полиция то и дело разгоняла молитвенные собрания, поэтому приходилось собираться по ночам и новообращенных крестили тоже ночью. Брат Павлов приезжал туда с братом Ивановым. Василий Гурьевич несомненно помнит эти тайные ночные крещения. Тогда часть верующих решила покинуть Усохи, вначале они жили на Кубани, а потом переселились сюда, имеют здесь собственную землю и живут без нужды. Господу да будет слава и благодарение за все благодеяния Его!

Павлов и Гавриил Мазаев говорили о значении Церкви Христовой на земле.

— Бог желает, чтобы вы были не только образцом для братьев и сестер, но и для всех людей, с которыми вам приходится соприкасаться, — подчеркнул Василий Гурьевич.

Во время праздничной трапезы Павлова познакомили с Александром Михайловичем Волгиным, бывшим православным священником-миссионером. Этот незаурядный человек был ревностным антисектантским пропагандистом, но потом изменил свои взгляды и оказался в среде евангельских верующих. Беседуя с Павловым, он изливал душу, делился личной драмой своей жизни.

— После моего рукоположения во священники мне с женой пришлось прожить только один год, — рассказывал Волгин. — Похоронив жену, я едва не погиб и сам. Потеря жены для мирянина — большое несчастье, для священника это несчастье увеличивается в несколько раз. Не будь у нас запрещения второбрачия духовенства, для многих семей, где имеются взрослые дочери, вдовый священник был бы желательным женихом и ему не дали бы много грустить и страдать и насколько возможно постарались бы облегчить его тяжелое положение. Не один раз в минуту скорби вдовый священник возропщет на отцов шестого Вселенского Собора, установивших по настоянию царя Третье правило о второбрачии духовенства. Общей участи всех вдовцов-священников не избежал и я. Когда передо мною закрылись двери друзей и знакомых, я кинулся к вдовым священникам с желанием поведать им о своих душевных терзаниях, но на их лицах я видел покорность неизбежной беде. Какая кому польза в нашем вынужденном безбрачии? — вопрошал я. — Пользы нет никому, но таково установление церковное, — отвечали мне. Неужели нельзя отменить одно и постановить второе, более совершенное?

— Евангелие не содержит подобных запретов, — объяснял Волгину Павлов. — Я буду молиться за Вас и верю, что Господь благоустроит Ваш жизненный путь ко благу души и во славу Иисуса Христа.

Двенадцатого августа Павловы покинули гостеприимный хутор Усово и, дождавшись поезда на станции Марьяновка, отправились в сторону Иркутска. На пароходах по Шилке и Амуру путешествовали от Сретенска до Благовещенска. Как только судно причалило к берегу, Павловы заметили на берегу оживленную группу людей.

— Василий Гурьевич, мы приветствуем Вас! — шагая навстречу гостям, говорили они.

— Откуда же вы меня знаете? — недоумевал Павлов.

— По фотографии. Мы заполучили ее давно и бережем, — сказал Кавунов, представляя Василию Гурьевичу проповедников местной баптистской общины Василия Носкова и Георгия Шипкова.

Остановившись в доме Носкова, Павлов ежедневно участвовал в богослужениях и проводил библейские беседы.

Однажды на, квартиру к Павлову пришли два молоканских проповедника, предлагая устроить общественный диспут о предметах веры. Один из проповедников, вынул из кармана большой лист бумаги и протянул Павлову. Василий Гурьевич увидел 30 пунктов, расписанных без всякой последовательности.

— Давайте вначале возьмем во главу угла одну тему — о водном крещении, — сказал Павлов.

— Нет, нет, подождем пока, — не согласился проповедник. — Лучше начать с беседы о времени утверждения Нового Завета.

— Этот вопрос не имеет принципиального значения. Обсуждение его отнимет много времени. А : время дорого, — заметил Павлов.

— Хорошо. Нам придется посоветоваться с другими членами нашей общины и тогда мы дадим ответ.

Молокане о своем решении не сообщили, и собеседование пришлось отложить на неопределенное время, Это обстоятельство по-своему истолковала светская пресса. Газета "Эхо" проинформировала читателя о том, что баптистский проповедник Павлов уклонился от диспута из-за боязни уронить свою честь перед молоканами. Василий Гурьевич направил в газету опровержение, указав на несостоятельность подобной информации. Вскоре Павлова посетил на дому работник редакции Андрей Лейснер. Он интересовался принципиальными разногласиями между молоканами и баптистами, расспрашивал Василия Гурьевича о его личном духовном опыте.

Сырой дальневосточный климат вызывал частые приступы ревматизма. Острые боли в пояснице иногда целыми днями приковывали к постели. Чуть оправившись от болезни, Павлов сразу погружался в активную работу. С группой проповедников посещал сельские общины, проповедовал в церквях Благовещенска.

Тридцатого октября верующие города усиленно молились о Павлове, так как было получено сообщение о намечаемом разбирательстве дела Василия Гурьевича в Одесском окружном суде.

Прогрессирующий недуг заставил Павловых сменить вторую квартиру. Несмотря на то, что печи топились почти круглосуточно, сырой воздух из помещения не улетучивался. Гостей переселили в деревянный дом Мещерова, где было много светлых и сухих комнат.

Семнадцатого ноября Павлов руководил местным съездом. Делегаты приняли решение образовать Дальневосточный отдел Всероссийского союза баптистов. Кроме церквей Дальнего Востока в новое объединение вошли общины Маньчжурии. На торжественном богослужении Павлов совершил рукоположение Гавриила Макаровича Пачина в миссионеры по Дальневосточному краю.

Сразу после съезда Василий Гурьевич на почтовых лошадях отправился посещать глухие районы. Атмосферу евангелизационных собраний того времени помогают ощутить скупые строчки дневника. "Мы прибыли в селение Александровку и заехали к пресвитеру Александру Черемешину, с которым мы знакомы еще с 1881 года, — записал Василий Гурьевич. — Вечером состоялось собрание, в котором говорил о любви Божией. Лампы от духоты гасли и я едва не задохнулся от недостатка воздуха". Интенсивное служение продолжалось недолго. И здесь, на краю света, неутомимого труженика достала длиннющая полицейская рука.

Четырнадцатого января 1914 года Павлов был вызван в участок.

— По решению одесского окружного суда, на основании статьи девяностой Уголовного Кодекса за пропаганду учения баптистов среди православных Вы подвергаетесь заточению в крепость, — услышал Василий Гурьевич знакомый приговор из уст чиновника.

Заключение в Благовещенской тюрьме оказалось не очень тяжелым и обременительным. Павлова поместили в одиночную камеру. Тюремная комната была больше похожа на монашескую келью. Идеальная чистота, крашеный пол, натертый до блеска воском, паровое отопление, железная кровать с тугим матрацем и суконным одеялом. По внутреннему распорядку постель на день пристегивается к стенке, но для Павлова начальство сделало исключение и арестант мог отдыхать не только ночью. На питание Василий Гурьевич тоже не жаловался. В полдень кормили хорошим супом, утром и вечером давали вдоволь каши и чая. Одиночество окрашивалось тем, что Василий Гурьевич мог свободно пользоваться различными книгами и три раза в неделю получать свидания с женой.

Настал день освобождения. У ворот тюрьмы Павлов увидел Александру Егоровну, брата Власова и молоканина Ефремова, члена городской управы. Они привели Василия Гурьевича в баптистскую церковь, а там проповедника уже ожидало целое собрание. Конец дня провели как вечерю любви: было много сердечных благодарственных молитв, пения, Павлов вспомнил свою молодость, Оренбургскую ссылку.

— Наивысшее блаженство наша душа испытывает в том случае, когда мы можем сказать вместе с апостолом Павлом: уже не я живу, но живет во мне Христос, — подвел итог Василий Гурьевич.

Путешествия по Амурской области возобновились в ближайшие дни после выхода из тюрьмы.

В деревне Толстовка вспыхнул стихийный диспут с молоканами. Его затеяли спорщики из среды молоканской молодежи.

— Крестил ли водою Христос уверовавших?

— Это делали ученики Христа, — отвечал Павлов.

— Мы считаем, что ученики крестили Духом, получив от Христа божественную власть исцелять больных и изгонять бесов.

— Ваше мнение не согласуется со Словом Божиим. Разве Дух Святой пребывал на учениках до страданий Христа? Откройте седьмую главу Евангелия от Иоанна. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой, — свидетельствует Слово Божие. — Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен.

— Эти стихи мы отрицать не можем, — сказал молоканский проповедник. — Но мне думается есть два Духа, один частный, ниспосылаемый на время, а другой Дух — Утешитель, пребывающий всегда.

— В евангельском учении подобного расчленения не отыщешь, — констатировал Павлов.

Вернувшись в тот же день в Благовещенск, Василий Гурьевич встретился с Шипковым. На имя Георгия Ивановича пришло послание от духовного центра. "Посетил брата Шипкова, — делает запись в дневнике Павлов, — который прочитал мне письмо председателя Всероссийского союза баптистов И.А. Голяева. Он недоволен образованием здесь отдела по моей инициативе как лица, якобы отрицательно настроенного против Союза, а в сущности сам председатель отрицательно настроен против меня, а не против Союза".

Павлов не упоминает о причине своих сложных отношений с Голяевым. Опыт евангельского служения Павлова прошлых лет и краткая дневниковая запись несколько обнажают корень разногласий. Видимо Василий Гурьевич чувствовал, что Голяев тяготеет к Мазаевской линии строительства баптистских церквей, где просматривалось стремление к единоначалию и чрезмерному возвышению роли духовного центра. Павлов же старался быть сторонником внутрицерковного равенства, воспринимая в более широком смысле баптистский принцип всеобщего священства, закрепленный на всемирных конгрессах.

В начале марта Павлова пригласили к богатому молоканскому купцу Семену Васильевичу Алексееву. Обеденный стол возглавлял сам хозяин и сорок длиннородых старцев. Здесь опять не обошлось без диспута.

— Мы именуем себя духовными христианами, — заговорил Алексеев. — Название это прямо вытекает из Писания, а вот как быть с баптистами?

— Название ничего не доказывает — спокойно возражал Павлов — Можно называться духовными а по делам быть

Павлов не доказывает, сколько возражал Павлов. Можно называться духовными, а по делам быть плотскими христианами.

— А зачем нужно водное крещение? — перевел разговор на другую тему Алексеев. — Вот я раньше был порочным человеком, а когда перешел к молоканам, то крестился Духом Святым.

— Водное крещение — воля Божия. Вспомните римского сотника Корнилия. Этому благочестивому человеку после крещения Духом Святым апостол Петр повелел креститься водой..

— Ну, тогда еще действовали ветхозаветные каноны, — не соглашался Алексеев.

Молоканские предубеждения и традиции давали о себе знать по всей России. Стоило только появиться на собрании баптистскому проповеднику, он моментально втягивался в утомительные споры. От дискуссий Павлов не уклонялся, но в разговорах вел себя тактично, стараясь не раздражать собеседников. Мягкое обращение располагало людей к спокойному размышлению над евангельскими истинами. Долгие споры заканчивались тем, что молоканские старцы в молитвах просили Отца Небесного "благословить путь и служение раба Божия Василия".

Несколько часов; Павлову довелось провести в городе Сахалине. Там его встретили работники китайской миссии, но полноценного общения не получилось. Руководитель станции и его сотрудники говорили только на китайском языке. По отдельным отрывочным словам дальневосточник Харюткин, сопровождавший Павлова, понял, что миссионеры проповедают Евангелие в баптистском духе, признавая крещение. только взрослых.

Четвертого июня верующие Благовещенска и близлежащих селений провожали Павловых в Хабаровск. На паромную пристань пришла большая группа хористов. Служащие изумленно наблюдали за молодыми и пожилыми людьми, от сердца вслух молящихся и поющих гимны Богу.

В Хабаровске христиане евангельского направления жили на нелегальном положении. У них не было официального разрешения властей на проведение богослужбных собраний. Верующие чувствовали себя скованно, опасаясь полицейских мер против себя, и беспокоились за судьбу гостей. Все обошлось благополучно. Павлов проповедовал на нескольких собраниях и проводил беседы в домах верующих беспрепятственно.

Добравшись до города Николаевка-Уссурийского, Василий Гурьевич столкнулся с новыми проблемами. Существующие здесь баптистские церкви и общины евангельских христиан не могли по-христиански разрешать недоразумения, не научились с достаточным уважением и пониманием относиться друг к другу; Бесконечные споры разгорались по второстепенным предметам: следует ли, например, возлагать руки на крещаемых? Отдельные проповедники евангельских христиан, защищая своих сторонников, пытались безосновательно очернить баптистских служителей, в том числе и Павлова.

Во Владивосток Василий Гурьевич прибыл в середине июня. Дни были очень сырые, вершины гор скрывала тяжелая завеса облаков. Покровительство над гостями взял Николай Николаевич Протасов. В прошлом году он принял крещение от Николая Васильевича Одинцова и сразу же начал проповедовать Евангелие. Новые общины были слабо утверждены в учении Христа, из-за разногласий по незначительным вопросам верующие дробились на маленькие группировки, обличая и поучая друг друга. В общинах не было подготовленных проповедников. "Новички местные полуграмотные братья с великим

друг друга. В собраниях по своим подготовленным проповедникам, тобишь, местные полуграмотные братья с великим самоуслаждением говорили проповеди, — отметил Павлов. — И я имел удовольствие послушать их, а для меня уже не осталось времени говорить. По окончании собрания в заседании членов я высказал свои соображения относительно длинных речей и объяснил, почему я отказался говорить".

Обратный путь Василия Гурьевича пролегал через Маньчжурию. С Божьей помощью и в этой местности Павлову удавалось из разрозненных групп создавать общины.

В Чите Василий Гурьевич заметил за собой слежку. Да и братья местные предупредили, что собрания духовные здесь не разрешены. На вокзале Павлова задержала полиция. Жандарм устроил Василию Гурьевичу подробный допрос, интересуясь, кто такой и какова цель его путешествий. На вопросы жандарма Павлов отвечал односложно: "Я проповедник Евангелия, посещаю своих братьев по вере, призываю людей ко Христу — вот смысл моей жизни".

Проверив паспорт, полицейский отпустил Василия Гурьевича.

В Иркутске не удалось избежать конфликта с православными. Столкновение спровоцировал некий Ананий Шепухин. Этот человек бесчинствовал во время богослужебного собрания, останавливая проповедников несуразными замечаниями. Когда его вывели из стен молитвенного дома, он созвал на улице толпу людей, одержимых ненавистью к баптистам. Подогревая невежественных жителей города грубыми речами в адрес всех неправославных, Шепухин заставлял своих единомышленников громко кричать и предаваться буйству.

После грозных бурь неминуемо наступает тишина. Такое благословенное время Павлов пережил в Омске. Там Господь даровал ему встречу с братьями Романжиевыми. Григория и Андрея Василий Гурьевич самолично крестил еще в период Оренбургской ссылки. На праздничном богослужении по случаю праздника Преображения Господнего Павлов увидел Василия Петровича Кузнецова. Пресвитерское рукоположение этот христианин принял от Павлова в Оренбурге. Многолюдные собрания проходили свободно в домах и под открытым небом. В селе Ильинском на берегу Иртыша Павлов снова встретил знакомого по ссылке человека. Иван Фомич Коблев, тоже крещенный Павловым в Оренбурге, уже давно несет служение пресвитера в родном селении. Недавно его община построила новый дом для молитвенных собраний.

От Омска до Москвы ехали поездом прямого сообщения.

Восемнадцатого августа утомительное путешествие на Дальний Восток завершилось. В понедельник утром усталые миссионеры перешагнули порог квартиры своего сына Павла на Дегтярном переулке у Покровских казарм.

Гонения возобновляются

Предпоследнюю неделю августа 1914 года Павлов провел в Москве. Вместе с пресвитером баптистской церкви Семеном Прркофьевичем Степановым Василий Гурьевич организовал ежедневные духовные собрания по христианскому воспитанию. Евангельские беседы сопровождались хоровым пением. Большую радость доставляло Василию Гурьевичу служение в московской церкви сына Павла, который за малое время подготовил несколько групп хористов и был ревностным проповедником Слова Божия.

Семен Прокофьевич предложил Павлову съездить в Петроград, Василий Гурьевич согласился и 25 августа они были уже в городе на Неве. Вильгельм Андреевич Фетлер как раз арендовал на несколько дней культурные учреждения для евангелизационных собраний. Поэтому Павлову и Степанову пришлось потрудиться в деле проповеди Евангелия за пределами молитвенного дома. Василий Гурьевич усердно просвещал Словом Господним многочисленных слушателей в театре на Обводном канале. Зал театрального училища тоже был переполнен, но гостям проповедовать не разрешили. Заслон поставила полиция.

— Сенат запрещает выступать иногородним проповедникам, — сказал Степанову и Павлову остановивший их блюститель порядка.

На следующий день Павлов, Фетлер, Непраш и Степанов добились приема у директора департамента духовных дел.

— Мы же проповедуем Евангелие. Почему нам запретили возвещать народу Слово Божие? — спросили служители.

— Сочувствую вам, но ничем помочь не могу, — уклончиво ответил директор.

К концу дня просителей принял председатель совета министров Горемыкин.

— Решение Сената обязательно и никто не может отменить его, — развел руками Горемыкин. — Одно только посоветую: подайте прошение на Высочайшее имя.

Петицию царю писать не стали. То ли визиты к начальству повлияли, то ли полицейская бдительность притупилась, но почему-то дальнейшие проповеди Павлова и Степанова в церкви и общественных местах города не вызывали запрета и нареканий со стороны местных властей.

В начале сентября Павлов вновь вернулся в Москву. Между духовными и деловыми собраниями посетил на дому Иону Брихничева. Этот бывший православный священник участвовал в евангельском движении и давно поддерживал личную дружбу с Василием Гурьевичем.

Иона Брихничев жаловался Павлову на крайне бедственное положение дел его семьи.

— Болею, брат, уже не один день, — тихо говорил Брихничев, не вставая с постели. — С питанием худо, хлеб на столе не всегда бывает.

— Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие, — утешал друга Павлов. — В вечных Божиих обителях не будет ни плача, ни болезни, ни смерти.

Прощаясь с Брихничевыми, Павлов раскрыл бумажник и, вытащив оттуда все, что там было из скромных денежных запасов, оставил страждущему семейству.

Через несколько дней Василий Гурьевич приехал в Одессу. Встречая долгожданного проповедника, верующие не расходились по домам после богослужений. Подробные рассказы Павлова о состоянии дела Божия в Сибири и на Дальнем Востоке заинтересовали всех членов Одесской церкви.

Восьмого октября Василия Гурьевича вновь ожидала скамья подсудимых. Одесский окружной суд предъявил Павлову обвинение в пропаганде баптизма. Материалы для судебного преследования Павлова готовил бывший член общины Аркадий Шимановский. Не стесняясь возводить заведомую клевету, Шимановский на суде во всеуслышание заявил, что проповедник Павлов называл православный крест виселицей. Суд приговорил Василия Гурьевича к двум месяцам заключения в крепость с зачетом 20 дней, которые отбывал Павлов в Благовещенске по первому приговору суда.

Местные ревнители православия тоже не оставляли в покое Павлова и его общину. Однажды, перед началом вечернего богослужения молитвенный дом "осадила" негодующая толпа. Несколько человек держали в руках хоругви и большие портреты царя. Шествие возглавлял миссионер Казанцев.

— Люди, не ходите на собрания баптистов, — убеждал собравшихся он, — Это же нерусская вера, Богородице не поклоняются, угодникам не молятся! Проповедник Павлов совращает православных!

— Братья и сестры, я призываю вас не отвечать злом на зло, ругательством на ругательство, — спокойно говорил Павлов. — Проходите в зал и мы начнем Богослужение.

Казанцев несколько утихомирился. Пропев с церковным хором тропари, он увел толпу на прилегающую улицу.

Шестнадцатого октября рано утром Павловы проснулись от грохота, потрясшего стены дома. Василий Гурьевич успокаивал жену, предполагая, что войска проводят маневры. Однако, позже выяснилось, что это турецкие миноносцы без всякого предупреждения открыли огонь по гавани. Когда корабли береговой охраны тоже начали стрелять из пушек, миноносцы неприятеля быстро покинули Одессу.

Начало мировой войны вызвало новый прилив гонений на евангельских верующих. Из Петербурга сообщили, что Фетлер выслан в Томскую губернию на все время военного положения. Опасаясь широкой проповеди Евангелия, власти закрыли баптистские лазареты в Москве и Петербурге.

Вернувшись в город из поездки по сельским церквам, Павлов прочитал в газете "Одесские новости" заметку о том, что власти произвели обыски в домах предназначенных к высылке проповедников: Тимощенко, Албуева, Белоусова и Павлова.

Увидев свою фамилию, Василий Гурьевич принял решение удалиться из Одессы в Тифлис. Перед отъездом зашел в церковь, где хористы проводили спевку, рассказал всем о своих намерениях; и, помолившись с друзьями, в тот же вечер выехал в Закавказье;

Восемнадцатого декабря в Тифлис пришла телеграмма от жены. Александра Егоровна сообщала мужу, что все евангельские собрания в Одессе закрыты властями.

Наиболее мощный шквал гонений на неправославных верующих прокатился по Южной России.

Кто же был инициатором возбуждения ненависти к вольномыслящим христианам в этом районе?

Открытым противником евангельского движения выступил начальник Одесского военного округа генерал Эбелов. По его постановлению в декабре 1914 года были закрыты общины в Одессе, а также церкви в Херсонской и Бессарабской губерниях. Вдохновляли репрессии высшие иерархи казенной части православия: епископ Таврический Димитрий и епископ Херсонский Назарий. Еще 17 марта 1914 года епископ Димитрий направил письмо Таврическому губернатору с изложением своих взглядов на евангельское движение. "Сектантство работает упорно, настойчиво, энергично, — писал иерарх. — Оно высылает на работу целые отряды, оно приглашает для пропаганды знаменитостей — Фетлера, Степанова, Голяева, Проханова, Савельева, Мазаева и других, демонстрирует по православным приходам бывших православных священников, а ныне сектантов Макаревского и Волгина; оно бесплатно наводняет села, деревни и хутора зловредной литературой. Успехи сектантства в сущности ничтожны. За 1913 год по официальным данным на более чем миллионное население отпало в сектантство вообще, баптизм, секту евангельских христиан, в адвентизм, Новый Израиль, иоаннитство всего 244 души обоюго пола, а из них на долю баптизма отпавших приходится всего 34 человека. В отношении проявления патриотизма при объявлении мобилизации и в последующее время развития военных действий, русские сектанты Крымского полуострова ничем не отличались от остального населения; в уездах же — Бердянском и Мелитопольском они были сдержанны и во время манифестаций держались в стороне, хотя в то же время общество села Астраханки Бердянского уезда усердно поставляло подводы для перевозки запасных нижних чинов и, сверх того, открыло подписку, кто и сколько может принять раненых воинов".

Через год епископ Димитрий уже не ограничивается обзорным докладом о деятельности евангельских общин, но просит "в целях предупреждения зловредного влияния сектантства не только в церковном, но и в государственном отношении, закрыть молитвенные собрания в Симферополе и его уезде, а если возможно, то и во всей Таврической губернии на все время военного положения".

В течение месяца губернатор колебался, не предпринимая никаких мер против членов евангельских общин. Однако настойчивые письма православных иерархов постепенно склонили его к практическим антисектантским действиям.

Двенадцатого марта 1915 года он пишет донесение генералу Эбелову с предложением о закрытии в Таврии церквей протестантского направления: "Начальник гарнизона г. Симферополя довел до моего сведения, что открытый при Симферопольской общине евангельских христиан молитвенный дом, несмотря на многократные запрещения и на все принимаемые, как со стороны военного начальства, так и со стороны полиции меры, посещается нижними чинами гарнизона. Такие же сведения получены мною из Феодосии. Помимо этого за последнее время ко мне стали поступать, сообщения и от жандармской и общей полиции и от преосвященного Димитрия, епископа Таврического о других незаконных действиях существующих в Высочайше вверенной мне губернии сектантских организаций и главарей сектантства, имею честь ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о закрытии молитвенных домов, за исключением стоящей вне подозрения в отсутствии преданности царю и Отечеству общины духовных христиан-молокан Тамбовского толка в селе Новоспасском Бердянского уезда".

Генерал Эбелов не замедлил отреагировать на прошение губернатора самым решительным образом. Он издает специальное постановление и распространяет его по всем служебным инстанциям. Документ гласит: "Я главный начальник

специальное постановление и распространяет его по всем служебным инстанциям. Документ гласит: «1. Главным из главных Одесского военного округа и генерал-губернатор, рассмотрев представление Таврического губернатора от 12 марта 1915 года, постановил нижеследующих главарей сектантства за вредную для государственного порядка и общественного спокойствия деятельность выслать в Томскую губернию под гласный надзор полиции на все время состояния Таврической губернии на военном положении: наставника Астраханской общины евангельских христиан-баптистов Федора Балихина, проповедника той же общины в г. Бердянске мещанина Ивана Ветрова, руководителя Феодосийского отделения общины евангельских христиан Фридриха Шенемана, председателя совета Керчь-Феодосийской общины евангельских христиан Ивана Тарасенко, главара адвентистов седьмого дня в Евпатории крестьянина Бердянского уезда Федора Кожевникова, главара евангельских христиан в Евпатории мещанина Алексея Масюту, главарей той же секты в ; городе Геническе Федота Мартыненко и Якова Козырева, телеграфиста железнодорожной станции Мелитополь, казака Полтавской губернии Григория Остапца. Прошу господина Таврического губернатора распорядиться о приведении в исполнение настоящего моего постановления».

Все перечисленные проповедники были высланы по этапу в Томскую губернию. Федору Балихину было сделано снисхождение, ему позволили добираться до места ссылки самостоятельно. Покидая обжитое место, Балихин не смог убрать скошенный хлеб. Единственного сына взяли на военную службу, а жена от тяжких потрясений заболела.

Угроза нового преследования нависла и над Василием Гурьевичем. Частые отлучки Павлова из Одессы не остановили местную Фемиду. На проповедника копили материал, охватывающий многолетнее евангельское служение. 25 февраля 1916 года он предстает перед одесским окружным судом, выслушивая с свой адрес очередные обвинения.

— Павлов Василий Гурьевич виновен в совершении двух преступлений: кощунстве над православной верой и пропаганде баптизма, — читал председательствующий. — Павлов перевел с английского языка брошюру проповедника Сперджена "Возрождение через крещение", в которой автор кощунственно глумился над таинством крещения православной церкви. Павлов издал эту брошюру с целью распространения в России. Я привожу кощунственный текст из данного сочинения: "Мы признаем, что никто не спасается крещением, ибо спасение по учению Христа не зависит от обрядов. Такая религия кажется мне механической и стоит наравне с молитвенными ветряными мельницами в Тибете или же хождением вверх и вниз по ступеням Пилатовой лестницы в Риме, как это делал Лютер во дни своего неведения. Я могу понять простого, безграмотного мужика, который все это проделывает по команде священника и на глазах дворянина. Я даже могу понять людей, которые делали это на заре реформации, но я не могу понять добродетельных, благочестивых людей, стоящих у купели для того, чтобы оскорблять Всемилостивого Отца обетами и обещаниями"... Обвинение Павлова в пропаганде подтверждается тем, что на титульном листе помещено объявление: "Продается при редакции журнала "Баптист", Одесса, Манежная, 24".

— Подсудимый, признаете ли Вы себя виновным в сих преступлениях?

— Нет, не признаю, — кратко ответил Павлов.

— Прошу прочитать всю брошюру вслух, — заявил адвокат Тиктин.

Просьбу уважили. Председательствующий дочитал книгу до конца. Мысли самобытного проповедника овладели вниманием всех участников судебного процесса. "Какое нам дело до английской и папской религии? Стоит ли затевать суд из-за этого?" — перешептывались меж собой присутствовавшие.

После перерыва прозвучала речь прокурора.

— Павлов несомненно виновен, — говорил он. — Как мог русский гражданин перевести брошюру, в которой кощунственно порицается таинство православной и католической церкви? Как русские люди, мы обязаны защищать все догматы православной церкви. Здесь есть миссионер Кальнев. Пусть он как эксперт подтвердит правомерность моих слов.

Кальнев выступал сбивчиво, путано, ему наперебой задавали вопросы: что это за мельница в Тибете? Когда баптизм появился в России? Признает ли православная церковь реформаторское крещение? Обстоятельных ответов от миссионера не услышали, Кальнев настойчиво твердил одно и то же: таинства церкви неприкосновенны и никто их оспаривать не может.

Адвокат Павлова Тиктин страстно защищал своего подопечного.

— Неужели вы не видите, что содержание брошюры носит не кощунственный, а полемический характер, — доказывал он. — Совершить кощунство — значит зло надругаться над какой-либо религией, но это свойственно человеку неверующему, тогда как брошюра написана человеком, глубоко верующим в Господа. Мы слышали в обвинительном акте вырванные из текста отдельные выражения, намекающие вроде бы на кощунство. Но, когда прочитали всю книгу, то услышали интересное и поучительное свидетельство глубоко верующего человека.

— Никто, лишь Иисус может помочь беспомощному грешнику, — с горячим пафосом прочитал абзац Тиктин. — Взгляд на Распятого дает жизнь, в этом взгляде жизнь для нас. Всякий из нас, кто может веровать в великую любовь Божию к человеку во Христе Иисусе, будет спасен! Любой здравомыслящий человек понимает, что долг каждого священника или проповедника к какой бы религии он ни принадлежал — защищать свое вероучение и утверждать свою паству в этом. Посему, можно ли обвинять Павлова как наставника баптистов в том, что он воспитывает паству в духе баптистского мировоззрения? Я надеюсь, что присяжные заседатели виновным Павлова не сочтут.

— Подсудимый, Вам предоставляется последнее слово, — сухо произнес председательствующий.

— Брошюра была напечатана пять лет назад в журнале "Баптист" в двух номерах подряд и цензура ее пропустила, — неторопливо, без волнения заговорил Павлов. — Тогда по просьбе верующих я напечатал проповедь Сперджена отдельной книгой, цензурных запретов опять же не было. Брошюра адресована нашим христианам, а мы убеждены в правильности баптистского вероучения. Я сказал все, а теперь в вашей совести осудить меня или оправдать.

В зале суда повисла долгая пауза. Замешкался даже председательствующий; медленно поднявшись со стула, он сказал:

— Наше положение обязывает нас оберегать устои православной церкви от инославного влияния и мы считаем, что проповедник Павлов виновен как в кощунстве, так и в пропаганде.

После совещания присяжных заседателей и судей был оглашен приговор: Павлов виновен в кощунстве, но заслуживает снисхождения, в пропаганде не виновен. Осужденного надлежит заключить в крепость на восемь месяцев, а брошюру уничтожить. До исполнения приговора Павлов оставался на свободе, общаясь с верующими.

Соработники на ниве Божьей говорили Василию Гурьевичу, что Господь избавит его от восьмимесячного тюремного срока, да и внутренний голос свидетельствовал не отдаваться в руки властей, но пребывать в ожидании.

Павлов снова покидает Одессу, живет несколько месяцев в Тифлисе, затем приезжает в Москву. Московские братья избирают его пресвитером баптистской общины. Опасаясь полиции, Василий Гурьевич поселился на городской окраине. Пастырство на новом месте он совмещал с миссионерским служением, совершая поездки для посещения волжских губерний, Оренбурга и Туркестана.

Год перелома

В стране назревала революция. Старый монархический режим делал последние судорожные вздохи. Это не останавливало ревнителей единого православия. Отдельные миссионеры и священники продолжали тормозить умирающую власть необоснованными доносами на баптистов. В журнале "Слово Истины" Павлов предал гласности копию секретного циркулярного письма армейского протопресвитера Георгия Шавельского от 2 февраля 1917 года. Обвиняя баптистов в политической неблагонадежности, священнослужитель предложил начальнику штаба Верховного главнокомандующего Ромейко-Гурко принять строгие охранительные меры: установить неукоснительные наблюдения за проповедью в местных сектантских собраниях, запретить военным чинам посещение богослужений вне православной церкви, немедленно закрыть те собрания, где будет замечен факт пропаганды антиправительственного или вредного для данного момента направления.

Что же заставило протопресвитера взяться за перо? Патриотические чувства или же личная неприязнь к инаковерующим? Какие улики против баптистов решил выставить он в своем послании? "Ваше Высокопревосходительство* глубокоуважаемый Василий Иосифович! — обращался к военному начальству Георгий Шавельский. — Еще задолго до войны с Германией знакомым с литературой по вопросу о русском сектантстве известно было, что русское сектантство имеет большую склонность к немецкой литературе и немецкому народу, что оно окормлялось немецкими проповедниками, немецкими семинариями и немецкими деньгами. Этого не скрывали и немцы: сведения об этом подробно излагались в немецких миссионерских журналах, баптистских и адвентистских. Связь сектантов с немцами особенно усилилась после 1905 года и поддерживалась посредством литературы и денежных средств. Известно, что император Вильгельм из собранного в день юбилея Фонда значительную сумму отделил на распространение баптизма в России. Еще раньше на эту же цель дал много денег Бисмарк из какого-то военного фонда".

Павлов не стал запальчиво спорить с автором письма. В свойственной ему спокойной манере он разбирает все пункты обвинения. "Сектанты виноваты в симпатиях к немецкому народу? Пусть будет так, — размышляет Василий Гурьевич. — Тогда тех же самых упреков должны заслуживать наши цари, великие князья и другие высшие сановники, которые столетиями роднились с немцами. А духовенство? Русская богословская наука всегда была в плену у Запада и особенно у немцев! Это не мое замечание, а профессора Петроградской духовной академии Бронзова. Целое поколение пастырей православной церкви воспитывалось на немецком богословии. У нас же нет пока своей богословской литературы, а православная не может полностью удовлетворить духа "сектанта" и он, естественно, обращается к более близкой ему по духу немецкой и английской духовной литературе, которая создана корифеями наук со времени Реформации и продолжает умножаться".

История не раз доказывала, что противников религиозного разномыслия мало интересует мучительный процесс поиска Истины их больше волнуют финансовые и чисто житейские проблемы. Не случайно и Георгий Шавельский так всерьез

детины, их больше возмущают финансовые и чисто житейские проблемы. Но эту тактику и Сергий Шавельский так усердствовал в отыскании источников материального обеспечения деятельности баптистских общин. "Бисмарк дал русским баптистам много денег из какого-то военного фонда" — уведомлял протопресвитер главнокомандующего царской армией. Как отреагировал на это заявление Павлов? "Мы, русские баптисты, ровно ничего не знаем об этой значительной сумме, — недоумевал Василий Гурьевич. — Мы утверждаем, что никогда со дня появления русского баптизма в России и донныне, ни русские, ни немецкие баптисты не получали никаких денег от германского правительства для распространения баптизма в России. Собранные в 1913 году в день 25-летнего юбилея кайзера суммы назначены им для распространения Христианства не в России, а среди язычников в Африке, в Камеруне. Откуда же заимствовал свои сведения Шавельской о немецких деньгах для русских баптистов?"

Мы очень просим протоиерея доказать это, в противном случае его донесение мы вправе считать клеветой".

Шавельской прислал в редакцию баптистского журнала краткий ответ. Протопресвитер объяснял, что его письмо на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Гурко было вызвано постановлением съезда духовенства в городе Киеве в январе 1917 года и опиралось на данные доклада протоиерея Саввы Потехина. Протопресвитер указал и литературу, откуда черпались сведения о "щедрых субсидиях" русским баптистам. Источником "обличительной" информации оказались брошюры Кальнева, миссионера-черносотенца. Павлов очень хорошо знал его по Одессе. Этот человек много содействовал возбуждению судебного преследования против Василия Гурьевича и других евангельских проповедников.

Смена политической обстановки несколько охладила "антисектантский пыл" казенно-монархической части православия. Отзвуки Февральских революционных событий в Петрограде докатились и до Москвы. "Утром было еще движение трамваев. Я хотел идти в город из моей квартиры на Мещанской улице, но у ворот Сухаревской башни был остановлен околоточным, который приказал обойти башню другими улицами, чтобы выйти на Сретенку, — записал Павлов в дневнике. — При мне остановился вагон трамвая. Начинают революцию. На грузовых автомобилях разъезжают солдаты с красными флагами. Видно, что войска приняли сторону восставшего народа. По слухам в Петрограде образовалось Временное правительство из депутатов Думы. По улицам ходят толпы народа. Движение это началось с 1905 года, но тогда народ боялся расстрела, а теперь войска за него".

Приход к власти Временного правительства сразу отразился на жизни верующих неправославных исповеданий. Из отдаленных Российских губерний возвращались ссыльные за веру. Павлов встречал в Москве Федора Балихина, Михаила Тимошенко, Федора Белоусова. Эти близкие друзья и соратники Василия Гурьевича, покинув места ссылки по амнистии, без передышки окунались в кипучее евангельское служение. Для проповедников Евангелия открылась возможность нести благовест за пределы молитвенных домов. 3 апреля 1917 года на пасхальной неделе Василий Гурьевич организовал публичное собрание в Большой аудитории московского Политехнического музея. Это научно-культурное заведение служило своеобразной общественной трибуной для свободомыслящей России. Здесь выступали видные ученые, политики, деятели культуры и искусства. Приглашали сюда и представителей христианской общественности. В Большой аудитории звучали голоса проповедников евангельско-баптистских церквей: Проханова, Каргеля, Тимошенко, Павловых — отца и сына.

Третьего апреля баптистские проповедники знакомили слушателей с духовными и социальными взглядами христиан-баптистов. Тимошенко назвал свой доклад: "Принципы баптистов", сын Павлова Павел изложил "Политические требования баптистов", а Василий Гурьевич представил собранию обширный реферат "Отделение Церкви от Государства". По многоплановости содержания и глубине разработки темы это было научно-богословское историческое исследование. Павлов сделал основательный экскурс в историю западноевропейского и русского христианства, затронув проблему взаимоотношения

сделал основательным экскурсом в историю западноевропейского и русского христианства, затронув проблему взаимоотношения церкви и государства.

— Церковь есть учреждение чисто духовное, предназначенное для спасения душ, — говорил Павлов. — По завету ее Основателя Господа Иисуса Христа Церковь для достижения своих целей должна употреблять только одно орудие — слово: идите и проповедуйте Евангелие всей твари — таков призыв Христа. Задача Государства заключается в охране имущества, жизни и земного благополучия его граждан, в наказании преступников и поощрении делающих добро, поэтому оно может употреблять физическую внешнюю силу. При союзе церкви с государством не может быть настоящей свободы совести. Ибо если одно верование получает привилегию, то другие унижаются; равноправие отсутствует и является соблазн ради земных выгод притворно исповедовать предписываемую веру. Религия должна быть частным делом. Раз государство не дает церкви материальной поддержки, то пусть оно и не вступает в ее устройство или управление. Необходимо вовсе упразднить департамент духовных дел. Объявить все церковные имущества и земли, в особенности монастырские, национальной собственностью. Ведь истинные монахи жили трудами рук своих. Необходимо ввести гражданский брак, предоставить права юридических лиц общинам. Наш идеал: свободная церковь в свободном государстве.

В апреле по Москве прошла волна евангелизационных собраний. И снова люди, жаждущие духовного обновления, слушали проповеди Павловых и Михаила Даниловича Тимошенко. Эти проповедники-евангелисты почти ежедневно устраивали призывные богослужения, куда сотнями стекались слушатели.

Василий Гурьевич на время оставляет горячую духовную работу в Москве и с делегацией верующих отправляется во Владикавказ на съезд баптистов. Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Азов, Батайск, Прохладный, минуя эти города, по суше и по морю с большими трудностями двигалась группа. На улицах Владикавказа уставшие путники оказались только на седьмой день поздно вечером. Большие окна молитвенного дома сияли огнями, а изнутри по окрестностям разливалось пение. В тот же вечер Василия Гурьевича пригласили проповедовать. Павлов говорил на тему из Евангелия от Иоанна: "Возведите очи ваши и посмотрите, как они побелели".

— Я был свидетелем больших духовных пробуждений в центральных городах России, — сказал Павлов. — Это работа Духа Святого. Надеюсь, что дни предстоящего съезда позволят нам самих себя испытать, самих себя исследовать, — являемся ли мы сосудами, благопотребными Владыке на это доброе дело?

Во Владикавказ приехало 90 делегатов и 50 гостей. Настроение у служителей было приподнятое. Все говорили, что после шестилетнего перерыва — это первый свободный съезд баптистов, когда над головой не висит плетка городского.

Василия Гурьевича избрали в состав поверочной комиссии для выяснения делегатских полномочий. Комиссия работала два дня и выявила немало лиц, приехавших на съезд самостоятельным путем — без надлежащих мандатов от общин.

— Деятельность Союза баптистов за последние два года из-за войны и гонений была сведена к нулю, — заявил председательствующий Дей Иванович Мазаев. — Поэтому сейчас крайне необходимо оживить миссионерскую работу наших церквей. Съезд постановил организовать ежегодные сборы на миссию, а в конце текущего года собрать средства для поддержания потерявших трудоспособность проповедников, вдов и сирот. Планируя развитие духовного образования, делегаты решили создать специальный фонд для библейской семинарии. Участники съезда договорились об упразднении районных союзов, сохраняя только наиболее крупные объединения: Сибирское, Дальневосточное и Туркестанское. Для

ранних соборов, собирали только самые крупные совещания. Спорное, давнего происхождения и туркестанское. Для разрешения сложных внутриобщинных вопросов было предложено образовать третейский суд, состоящий из судей от спорящих сторон и представителя правления Союза.

В работе съезда принимала участие группа из Союза евангельских христиан. Евангелисты предлагали возобновить работу по достижению единства, взяв за основу владикавказское Соглашение между Д.И. Мазаевым и И.С. Прохановым в 1912 году. Съезд избрал соединительный комитет, который начнет действовать с том случае, если наметятся твердые предпосылки для сближения. В состав комитета вошли: Д.И. Мазаев, И.К. Савельев, В.Г. Павлов, В.А. Фетлер, Г.И. Мазасв.

В Москву Павлов возвратился только в середине мая. Время после окончания Владикавказского съезда Василий Гурьевич использовал для посещения городов Северного Кавказа, Ростова и Одессы. В Одессе Павлову удалось провести большие уличные собрания с проповедью Евангелия.

Вернувшись в Москву, Василий Гурьевич сразу же приступил к организации регулярных евангелизационных собраний под открытым небом. Зажигательные проповеди служителей Евангелия привлекали большие массы слушателей.

Добрые вести поступали из Петрограда. Там с 17 по 25 мая проходил съезд евангельских христиан. Со стороны баптистов в Петроград делегировали: П.В. Павлова, М.Д. Тимошенко, П.И. Скороходова, А.Г. Алехина, Г.Д. Жулина.

Баптистским представителям съезд вручил резолюцию, где говорилось, что евангельские христиане желают скорейшего осуществления благородных целей соединительного комитета. Съезд решил объявить прощение всем отлученным евангельскими общинами и принятыми баптистскими общинами, даже если они не принесут извинений. А что касается лиц отлученных баптистскими общинами или перешедшими из-за ссор в евангельские общины, то съезд советует общинам найти все пути для примирения с ними. Решения съезда о прощении, подчеркивалось в резолюции, объясняется не только высшим требованием христианской любви, но и величием переживаемого момента наступления свобод. Со стороны евангельских христиан в соединительный комитет съезд предложил И.С. Проханова, В.Т. Пелевина, Ф.С. Савельева, Г.М. Матвеева.

Добрые известия о расширении дела Божия в общинах баптистов и евангельских христиан еще более вдохновили Василия Гурьевича на труды по распространению Евангелия. Он начинает разрабатывать миссионерское поле в центральных областях России. В начале июня вместе с братом Иваном Ивановичем Карташевым Павлов отправляется в Рязань. На ночлег остановились в пригородном селе Дягилеве. Полноценного отдыха не получилось, почти до самого утра Василий Гурьевич провел с новообращенными, выслушивал рассказы местных верующих о церковной жизни. Сапожник Лукьян Сергеевич Тарасов поведал Павлову о том, как ему совсем недавно пришлось провести несколько месяцев под стражей. Он ревностно проповедовал Слово Божие односельчанам. Вероятно, "штундо-баптистская пропаганда" заставила кого-то просить начальство применить силу для усмирения неугомонного проповедника.

В Рязани баптисты отмечали праздничное событие: шесть душ решили посвятить свою жизнь на служение Господу. Водное крещение преподавал им Василий Гурьевич. После церковного торжества Павлов участвовал в евангелизационном собрании. Городская управа беспрепятственно предоставила баптистам большой зал реального училища. Павлов и Карташев говорили о необходимости духовного возрождения и призывали к покаянию.

Через неделю Василий Гурьевич уже был в городе Вязьме Смоленской губернии. При содействии члена местной церкви

Через неделю Василий Гурьевич уже был в городе Вязме Смоленской губернии. При содействии жены местной церкви сестры Марии Никитичны Мусиенко удалось арендовать зал съезда мировых судей. Большие, расклеенные в общественных местах афиши, придали городу праздничный вид. "Религиозное собрание, — читали прохожие. — Приезжий баптистский проповедник В.Г. Павлов произнесет проповедь на тему: Сила Евангелия для спасения человечества".

Более двухсот слушателей присутствовало в зале воскресным вечером. Проповедь Павлова касалась жизни души, звала к внутреннему обновлению и евангельским идеалам, а в понедельник днем Василий Гурьевич проповедовал в городском саду. На этот раз не было певческой группы и все отведенное время пришлось посвятить проповеди. Как в Лондонском Гайд-Парке Павлов взобрался на скамейку, прочитал рассказ евангелиста Иоанна о беседе Христа с самарянкой, объясняя слушателям сущность поклонения Богу в духе и истине.

— Бог есть Дух. Его нельзя заключить в рамки времени, в рамки пространства. Он бесконечен. И поклонение Господу нельзя ограничивать какой-то определенной территорией. Господь слышит молитвы на всяком месте, если только мы взываем к Нему от чистого сердца, — говорил Павлов.

Серию духовно-просветительских собраний провел Василий Гурьевич на Тамбовщине. Он выехал в Тамбов в конце июля по приглашению проповедника Павла Ивановича Малина. Земля Тамбовская издавна славилась религиозным многоцветием. Православные, старообрядцы, субботники, пятидесятники, духоборы, молокане, баптисты жили, придерживаясь своих убеждений, обрядов и традиций. В 1775 году Тамбовщина стала родиной молоканства. Талантливые народные самородки Илларион Побирохин и Семен Уклеин призывали в вопросах веры отказаться от всех существующих обрядов и ориентироваться только на внутреннее духовное озарение и на Евангелие без запутанных человеческих комментариев. "Возлюбите чистое словесное молоко", — этот евангельский текст единомышленники Побирохина и Уклеина использовали для обозначения своего вероисповедания. Почти через сто лет на молоканской почве в селе Горелом появились общины баптистов. Нелегкую душепопечительскую заботу о первых христианах-баптистах взяли на себя выходцы из молокан — отец и сын Малины. Иван Николаевич Малин с малолетства готовил сына к духовному служению. Учась в сельской школе, Павел Малин часто посещал церковные занятия для детей. К тому времени, когда Павел стал организатором и руководителем местной баптистской общины, он путем усердного самообразования приобрел широкий духовный кругозор. Гостеприимный дом Малиных в селе Донское был своеобразной избой-читальней. Накопленная Павлом Ивановичем обширная духовная библиотека расходилась по рукам. Малин также старался развивать дух межцерковного общения. По инициативе Малина Тамбовскую церковь навещали видные служители Евангелия из других российских губерний: Ф.П. Балихин, Д.И. Мазаев, И.А. Голяев, К.С. Савельев. Василий Гурьевич посетил верующих Тамбовщины тоже по просьбе Павла Ивановича. "Утром прибыл в Тамбов и остановился у Малиных, — сообщают строки путевого дневника Павлова. — В газетах были объявления о том, что баптистским проповедником Павловым в Нарышкинской читальне будет сказана речь на тему: "Свобода, братство, равенство". На вечере, где присутствовало 600 душ, я старался доказать, что современные социалисты многое позаимствовали из учения Христа, но без искреннего признания самого Христа, без Божиего присутствия и благословения не может быть и истинной гражданской свободы".

Во второе воскресенье июля Павлов и Малин вновь организовали собрание в зале публичной библиотеки. На этот раз тема носила более духовный характер. Василий Гурьевич приводил слова апостола Павла из Послания к Коринфянам: "Примиритесь с Богом".

— Отчего метутся народы? Где зарождается вражда и ненависть? — говорил Павлов. — Всякое общественное зло и неустойчивость проистекает из сердец человеческих, зараженных грехом. Возвращение к Богу — это путь покаяния, очищения и

дустройство прорывается из сердца, головы, тела, зараженного грехом. Возвращение к Богу — это путь покаяния, смирения и примирения. Примирившись с Господом, мы обретем мир друг с другом.

Десять дней совершал Павлов служение проповедника-евангелиста на Тамбовщине. Кроме собраний в городе, Василий Гурьевич вместе с Малиным побывал в малых сельских церквях, они ездили на станцию Сампур, посещали верующих в селе Донское.

В конце июля в Москве состоялось заседание совета Союза баптистских общин. Служители ознакомили всех с телеграммой от верующих Смоленска. Они просили прислать к ним на время проповедника, и Василий Гурьевич вновь оказался на дорогах Смоленщины. В Смоленске преподавал крещение новообращенным, провел евангелизационное собрание в зале городского Учительского института, помогал открывать новые церкви в пригородных селениях.

Часто навещал Василий Гурьевич селения Малоярославского уезда Калужской губернии. Избрание служителей, крещение новых христиан, проповедь Евангелия в общественных местах. Эта нива везде ожидала неустанного труда и отеческой опеки умудренного опытом служителя. Кочевать по российским дорогам — дело не из легких. Иногда и кровя нормального над головой во время ночлега не было, а вместо кровати солому жестковатую приходилось стелить. Сельские дороги и так-то от избытка транспорта не страдают, но путники иной раз сталкивались с происшествиями не очень приятного характера. "В трех верстах от станции Балабаново, один мужик стал объезжать нас, зацепил своей телегой за нашу, опрокинул нас и уехал, — рассказывает в дневнике Василий Гурьевич. — Мы отделались лишь небольшой поломкой нашего возка, исправили его и благополучно доехали до станции, где на другой день утром я сел в товарный вагон и прибыл домой".

Жизнь в Москве текла своим чередом: регулярные церковные богослужения, призывные собрания на Даниловском рынке.

Мыслящие люди из народа, услышав евангельскую весть, с удовольствием внимали Божественным глаголам Жизни и благодарили устроителей открытого благовестия за напоминание Христовых заповедей. Уходя с головой в организацию евангелизационных собраний, Павлов не забывает и о своем пастырском служении. Ведь истинный пастырь тот, кто болеет за всякую душу, знает нужды членов общины. Если горе врывалось в какую-либо семью, туда спешил со словом утешения Василий Гурьевич. Брат остывает в вере, — Павлов навещает его и ненавязчиво старается объяснить ослабевшему, какого великого богатства лишится человек, если окончательно пренебрежет благодатью Божьей. Беспokoит Василия Гурьевича и судьба отлученных. Они тоже страдают душой и нуждаются в целительном пастырском слове. Возвратить душу на путь покаяния и обновления, — что может быть радостнее для служителя Христова? Так проходили осенние дни семнадцатого. Проповедь Евангелия на Даниловском рынке, поездки в соседние губернии, посещения страждущих и обездоленных, деловые братские советы.

Как отнесся Павлов к большевистскому перевороту? Дневник Василия Гурьевича молчит об октябрьских событиях. Значит ли это, что он был совершенно равнодушен к происходящему в стране и утратил социальную чуткость? Очень осторожный и рассудительный по природе, Василий Гурьевич никогда не делал скоропалительных выводов.

В 1917 году вместе со своим сыном Павлом и Михаилом Тимошенко Василий Гурьевич продолжает издавать журнал "Слово Истины". Это издание освещало не только круг духовных проблем, на страницах журнала появлялись статьи христианских публицистов общественно-политического характера. Издатели публикуют работу английского богослова Ф.В. Фаррара "Голос совести". Василий Гурьевич пишет обзорную рецензию на эту книгу, соотнося мысли автора с событиями в

Фаррара и слов его совесть. Василий Гурьевич пишет обзорную рецензию на эту книгу, соотнося мысли автора с событиями в России. "Какой должен быть единственный истинный идеал народа, желающего быть поистине разумным и просвещенным народом? — приводит Павлов слова Фаррара. — Пусть смеются легкомысленные и неверные люди, все же существует только один подобный идеал: это долг, справедливость, это закон Синая, это закон Христа, это чистота в жизни, это честность в торговле, это верное сохранение Истины, это святая неприкосновенность таинства брака".

"Какие верные мысли высказаны этим глубокомысленным английским писателем, — говорит Василий Гурьевич. — За последнее время наши идейные вожди, а за ними рабочие, солдаты и крестьяне составили себе ложное представление о свободе и под флагом ее мы испытали ужасы разорения Москвы и братоубийственную междоусобную войну. Хотели свободы, а одна партия (большевиков), склонив на свою сторону штыки, продолжает творить насилия и ужасы не хуже, чем во время Николая II. Хотели братства, а вместо братства — братоубийство! Ждали равенства, а вместо равенства грабежи и пожары; словом, пока повторяется Парижская коммуна, ведущая к гибели России".

Глубоко разочаровало Василия Гурьевича то, что лозунги большевиков о свободе, равенстве и братстве не соответствовали реальной политике новой власти, допускавшей акты насилия и посягательства на личные права граждан. Могло ли вместить христианское сознание Павлова большевистский миф о возможности построения справедливого общества, игнорируя библейские законы и пренебрегая небесным благословением?

Не менее определенно высказались о ближайших последствиях прихода большевиков к власти и сотрудники Павлова по журналу. "Если раньше была хоть видимая религиозность и набожность в России, то теперь их загнали в угол и стараются совсем изгнать из обихода русской жизни, — писал христианский публицист А. Регнидзов. — И сказала во всей своей силе и наготы нищета духовная опустошенной русской души. Получилось то, что говорилось в Евангелии о нечистом духе, который оставил человека, но найдя потом пустое место незанятым, возвращается, приводя с собою еще семь духов, злейших себя. Все искренне жаждущие спасения России должны понять, что для этого есть только одно средство. Путь этот — Христос, который может спасти от гибели Россию, слабую духом, раздираемую злыми бесами".

Мрачную безысходную картину рисует и другой постоянный автор журнала М.Д. Тимошенко. Поистине провидческим даром дышат его строки из статьи "Братоубийственный кошмар", помещенный в последнем номере за 1917 год: "Тяжело на душе: партийная узость и духовная косность принесли достойные плоды своему богу. Сотни молодых жизней, участников бойни, и множество случайных прохожих дополнили армию мертвецов. Народившись в Петрограде, ядовитые газы нетерпимости и жажды крови перекатились в Москву и целую неделю держали граждан российской республики в смертельном страхе и ужасе. Точно ураган пронесся над ними. Разрушенные здания, выбитые окна, баррикады. Партия большевиков, воспользовавшись военной силой, отняла всю власть из рук других партий. Конечно, это не конец борьбы. Недалекое будущее таит в себе еще большие ужасы новых столкновений и партийных распрей. Самое святое — вера в человека попирается невежественной толпой. Все святости гениального разума, искусства оказались во прахе перед его величеством — хамом, владеющим оружием греха. Кровь убитых вопиет к совести и сердцу всех нас: довольно крови, опомнитесь! Свергаем идолов партийного недомыслия и протянем друг другу руки братского общения на основах братского единения. Это можно сделать силою Победителя смерти и греха — Сына Божия. Он может избавить нас от повторения пережитых ужасов".

И Павлов, и его соратники верили в то, что настоящее преобразование страны может начаться только с внутреннего духовного изменения каждой отдельной личности. Поэтому Василий Гурьевич старался использовать любую возможность для того, чтобы внести лепту в дело олухотворения своих соотечественников. Воскресная школа в Москве, где он иногда

для того, чтобы внести лепту в дело одухотворения своих соотечественников. Воскресная школа в Москве, где он иногда проводил уроки, собирала по праздничным дням до 1000 посетителей. 25 декабря, на Рождество по западному календарю, Павлов руководил торжественным собранием в школе. Ученики вместе с родителями и членами церковью славили Бога за ниспослание Спасителя в мир.

Новый год Василий Гурьевич тоже встречал в братском общении. С молитвами, пением и размышлением о неисповедимых путях Господних провожали русские христиане переломный и противоречивый семнадцатый год.

На ниве духовного просвещения

Духовную отдушину, открытую на волне переходного времени, верующие евангельско-баптистского исповедания старались как можно лучше использовать для похода в народ с Евангелием. Почти непрерывно в крупных городах и селениях поместные церкви организовывали дни и недели интенсивной Евангелизации. На городских улицах и в парках раздавалось христианское пение, распространялись духовные трактаты, книги Священного Писания. Верующие шли на заводы, посещали госпитали и казармы. В самарской губернии огонь духовного пробуждения охватил многие слои населения. Христианские проповедники выступали в публичных местах с лекциями на актуальные темы: "Тупик современности", "Христианство и культура". Баптисты Самары издавали газету "Путь к жизни". В Балашове формируется редакция журнала "Друг молодежи". "Мы печатаем брошюры и летучие листки в сотнях, тысячах экземпляров и распространяем по лицу нашей дорогой России для пробуждения дорогих родичей", — сообщал бакинскому пресвитеру Василию Иванову Илья Голяев.

Самое крупное духовное издательство образовалось уже в октябре 1917 года в Москве. Это было детище Павловых и Тимошенко, созданное на кооперативной основе. Издательство выпускало журнал "Слово Истины" и множество христианской литературы. Сотрудники журнала очень внимательно прислушивались к биению пульса духовно-общественной жизни. Читатели находили известия с полей евангелизации, узнавая о больших призывных собраниях в Москве, Петрограде, Одессе, Киеве, Саратове, Самаре, Рязани, Смоленске, о работе солдатских и студенческих кружков по изучению Библии, о возобновлении деятельности Армии Спасения и повсеместном открытии Воскресных школ. Журнал освещал не только радостные события, на его страницах можно было услышать и плач страждущих душ. В некоторых губерниях разгорались конфликты, христиане баптисты страдали от непонимания со стороны окружающих, от подозрительности властей. В апреле 1918 года Павлов опубликовал письмо крестьянина Ивана Шкуренкова из села Акуличи Брянского уезда, Орловской губернии: "Уверовал я на войне в шестнадцатом году и сразу начал проповедовать с другим братом и сейчас у нас община из двадцати душ. Но сатана, зная свою скорую погибель, не дремлет. И вот к празднику Пасхи мы убрали нежилой дом для нашего назидания. В субботу под Пасху было много посетителей, которые всех поносили и стучали что есть мочи в колотушки. И нам приходилось много раз быть агнцами среди разъяренных волков. В ночь со второго на третий день праздника Пасхи повыбили рамы и стекла в доме, а стены вымазали колесным дегтем. В четыре часа дня меня и брата Василия Перегутко и еще других братьев повезли в волостное присутствие. Там сельский комиссар вместе с какими-то людьми предложили нам ссылку из общества и устранение от пайка, которым братья наши питали плоть. Встретившие нас в волости всячески поносили имя Божье и кричали: пострелять их} А комиссар сказал: Не смейте более собираться в доме; Я запечатаю его. Когда он приехал на место, мы просили сохранить мебель. — Я за ваше имущество отвечать не буду, — заругался комиссар, — убирайте его сами сейчас, выбрасывайте вон. И стал он сам выкидывать скамейки, а еще трое ему помогали. Опустошив дом, дверь потом забили гвоздями. Дорогие братья и сестры, молитесь Господу, чтобы Господь помог нам в нашей работе".

В стране царила неразбериха. Изданный Лениным 23 января 1918 года "Декрет об отделении Церкви от Государства и Школы от Церкви" юридически объявлял равенство всех религиозных объединений перед буквой закона. Фактически же

школы от Церкви юридически обеспечивали равенство всех религиозных свободными перед буквой закона. Фактически же положения Декрета во многих случаях оказывались лишь отвлеченной формулой. Только через полгода Народный Комиссариат юстиции выпустил постановление о порядке проведения в жизнь. Общество было расколото на множество разнородных группировок, их противоборство переросло в гражданскую войну. Василий Гурьевич и его сотрудники по журналу "Слово Истины" смотрели на жизнь духовно просветленными очами и не могли не замечать того, что новая власть, делая упор на диктатуру одной партии, зараженной воинствующим атеизмом, может привести страну к религии самообожествления.

"Если устранить из общества мысль о Боге, то придет император и потребует божественных почестей", — это умозаключение родилось не только в голове русского философа Николая Бердяева, подобные размышления тревожили сердца и проповедников евангельского христианства.

Пространными рассуждениями на эту тему поделился через журнал "Слово Истины" в январе 1919 друг и соратник Василия Гурьевича Михаил Тимошенко: "27 февраля Россия отпраздновала двухлетие революции. Однако, на душе у меня что-то невесело. В тот день, когда первая весточка достигла глухой татарской деревушки, где я находился под бдительным оком урядника, волна всеобщего ликования захватила и меня. Прошло два года и я иногда жалею о том покое и уюте, который окружал меня в неволе. Ибо еще раз подтвердилась истина, что только те могут быть истинно свободны, кто свободен внутренне от порочной совести. За два года мы в общем озверели еще больше, кровь продолжает заливать землю, сама свобода попала в узы партийной распри, произвол отдельных личностей не имеет предела, гражданская война разгорается во всеобщий пожар, голод свирепствует. Свергая одного тирана, мы можем быстро соорудить себе нового, даже более свирепого, который, обещая нам горы счастья, отнимет у нас и последнюю веру в возможность перерождения человека. Хотелось бы верить, что мы, наученные многому в прошлые годы, отвернемся от суесловия краснобаев и примем за тщательное исследование заветов любви, переданных нам Христом".

Делу распространения христианской любви посвящали свою деятельность сотрудники издательства "Слово Истины". Василий Гурьевич не только готовил статьи и различные материалы к печати, но и частенько нес "боевое дежурство" на книжных складах и магазинах издательства. По всем российским губерниям растекался отсюда духовный хлеб, напоая жаждущие души.

Труды по организации издательских дел не прерывали чисто пастырского служения. Павлов находит время для участия во всех сферах церковной жизни. Рождественские праздники девятнадцатого года Василий Гурьевич отмечал в детской воскресной школе, призывные собрания на Даниловском рынке тоже не обходились без проповедей Павлова.

Хозяйственная разруха, связанная с гражданской войной, давала знать о себе и в столице. Дневник Павлова той поры пестрит заметками: "Не мог быть в собрании, потому что стали трамваи из-за недостатка топлива. Ночевал у сына, трамваи все стоят".

В конце февраля 1919 года Павлов с проповедником Андреевым отправляется посещать церкви Владимирской губернии. Ехали в холодном товарном вагоне с частыми остановками. Пассажиры не выдерживали холода, искали повсюду дрова и прямо на полу вагона пытались развести огонь. Дыму напустили много, а тепла ни на гран не прибавилось. Владимирское село Коровино, куда прибыли уставшие проповедники, было заметным очагом евангельского движения. Здешняя община росла. Новообращенные принимали крещение даже в студеные зимние месяцы. Сотни людей пришли послушать приезжих проповедников, хозяевам крестьянских изб пришлось разбивать перегородки для расширения площади. Зная о том, что в

проповедников, козлевам крестивских иво пришлось разорвать перегородки для расширения площади. Они с тем, что в городах люди бедствуют от голода больше, чем в деревнях, верующие села Коровино отправили с гостями в столицу три пуда сухарей и мешок картошки. "Несмотря на трудности поездки, я имел великую радость видеть в этих селениях сотни обращенных душ", — записывает в дневник Павлов.

В апреле Василия Гурьевича пригласили в Петроград на рукоположение служителей и по делам издательства "Слово Истины". В Петроградском Доме Евангелия Василия Гурьевича встретил пресвитер Иван Никитович Шилов. Он срочно уезжал в Старую Руссу и все руководство ближайшими собраниями поручил Павлову.

Петроградская церковь заметно поредела. Голод заставил некоторые семейства переехать в хлебородные районы. Шилов и Муравьев отправили своих домочадцев в Самарскую губернию, а сами остались здесь. Церковь пополнялась новообращенными. Павлов провел собеседования с желающими вступить на христианскую стезю и на следующий день преподал им крещение. Через три дня возвратился Шилов и было сразу же устроено торжественное богослужение, на котором Василий Гурьевич совершил рукоположение Шилова и Оренгера на пресвитерское служение. На собрании баптистов присутствовало много евангельских христиан. Среди них Павлов заметил племянника И.С. Проханова по линии жены Николая Александровича Казакова. Представители евангельских христиан передали баптистам приглашение Проханова посетить их общину. Евангельские христиане отмечали праздник хора, зал был наполнен, в основном молодыми верующими. "Проханов и я сказали речи в назидание молодежи, — пишет Василий Гурьевич в дневнике. — Сегодня столица разукрашена красными флагами, а по улицам шествия довольно жидкие. На Невском проспекте один оратор с автомобиля говорил речь публике, призывая на борьбу с Колчаком, но рукоплесканий было не слышно, публика равнодушно слушала его. Ночевал у Проханова".

Василий Гурьевич всегда был горячим сторонником братских отношений с верующими родственных исповеданий. С руководителем Союза Евангельских Христиан Иваном Степановичем Прохановым его связывала давняя дружба. Они оба были выходцами из молоканской среды, оба поощряли дух миссионерства в своих церквах и сами были образцовыми проповедниками-евангелистами. Как христиане с широким кругозором и обостренным социальным чутьем Павлов и Проханов какое-то время подвизались вместе на политическом поприще. После обнародования Манифеста от 17 октября 1905 года они принимали участие в создании "Союза свободы, правды и миролюбия". Эта организация представляла собой христианско-демократическую партию кадетского направления. Из-за внутренних разногласий Союз прекратил свою деятельность в марте 1906 года. Когда Василию Гурьевичу доводилось посещать град Петра, он старался изыскать время для того, чтобы повидаться с Прохановым.

Вернувшись в Москву, Павлов погружается в поток разнообразных нескончаемых дел: проповедует на Даниловском рынке, исполняет пастырское служение в церкви, трудится в издательстве. И, как всегда, по-христиански откликается на события общественной жизни. 10 мая 1919 года Василий Гурьевич вместе с церковным советом принимает решение прочитать серию лекций о предотвращении межнациональной розни и еврейских погромов.

На второй день праздника Троицы Павлов устраивает торжественное крещение новообращенных на берегу Москвы-реки. Господь послал яркую солнечную погоду. Небо и земля ликовали, радуясь спасительной Божьей благодати.

Радостные мгновения жизни часто омрачались горечью физических недугов и бытовых неурядиц. "Сейчас у нас духовный подъем, миссионеры несут людям Слово Жизни, издательские дела тоже идут хорошо, — писал Василий Гурьевич Николаю Одинцову 29 июля 1919 года. — Я часто хворал, а моя Александра Егоровна стала неузнаваема, от ее тучности и спела не осталось — стала пегкой как серна. Питаемся как можем: конечно постимся по-православному, редко когда едим

следа не осталось — стала жесткой, как сермяга. Едимся как можем, хлеба не достаем по православному, редко когда одним скромное, но слава Богу, голодными еще никогда не были. Братья тоже заботятся о нас: некоторые присылают сухари".

Василий Гурьевич квартировал на окраине Москвы в заводских помещениях. Какая-то комиссия приходила, долго осматривала здание и постановила выселить всех жильцов и Василия Гурьевича с женой. Через два часа оказалось, что волнения пока напрасны, явился контролер жилищного отдела Петров и объявил, что Павловых не тронут до особого распоряжения.

Василий Гурьевич часто наблюдал, как хаос внешней жизни расстраивал человеческие души, убивал совесть, сеял вседозволенность, лишая людей нравственной опоры. Обратим внимание на предельно простую запись в дневнике Павлова: "Сегодня наш квартирант Норбеков, несмотря на мой протест, влез на плодовое дерево во дворе и обивал еще незрелые яблоки и груши, угощая ими своих товарищей. Этот человек без совести и стыда. Он говорит, что теперь настала коммуна и все будет общее".

Немало людей восприняли идею коммунизма как возможность к благоустройству жизни за счет других. В первые годы Советской власти атеизм официально не был возведен в ранг государственной политики. Пытаясь завоевать симпатии верующих, много пострадавших от царского режима, Совет Народных Комиссаров в январе 1919 года издал Декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Этот закон в первую очередь охватывал антивоенные христианские течения: меннонитов, духоборов и толстовцев. Так как среди баптистов и евангельских христиан тоже были люди с отрицательным отношением к военной службе, эти церкви вынуждены были выдвинуть своих представителей в посреднический орган между Церковью и Государством. Таким звеном стал Объединенный Совет религиозных общин и групп. Председателем Совета был избран толстовец В.Г. Чертков, а его заместителем стал сын Василия Гурьевича Павел Васильевич Павлов. Практически часто случалось так, что в делах Совета приходилось участвовать и Василию Гурьевичу. Как опытный христианин и знаток религиозных конфессий он проводил теологическую экспертизу по ходатайству лиц, желавших освободиться от воинской повинности по соображениям совести. "Целый день провел в разборе бумаг Объединенного Совета по делам об освобождении от воинской службы", — свидетельствует краткая дневниковая запись о причастности Василия Гурьевича к работе религиозного экспертного органа.

За массой дел в городе Павлов не забывает и о нуждах сельских общин. Трудно исчислить время, где больше приходилось бывать Василию Гурьевичу: в столице или за ее пределами. В семидесяти верстах от Москвы находилось маленькое село Тимаковка. Павлов приезжал туда регулярно и любил проповедовать в местной церкви. Общину возглавляла пожилая сестра Дарья Васильевна Тихонова. Она рассказывала Павлову о местных религиозных нравах. Новая власть здесь не гасила духовные обычаи, а даже поощряла. Василий Гурьевич с удивлением узнал о том, что во время трехдневного праздника в честь Казанской Божьей матери председатель сельсовета запрещал все полевые работы. Такая высокая степень уважения к религиозным запросам населения не всем начальствующим была свойственна.

Павлов убедился в этом, когда через три дня приехал в подмосковный городок Перово. Неподалеку от станции Кожуховская Павлов и его спутники Гартвич и Мосин увидели высочайший забор лагеря военнопленных. Что привело их сюда? В одном из барачных лагерей томился христианин Федор Иванович Поллак. Он написал братьям по вере, рассказав о том, что его арестовали в Киеве большевики в качестве заложника от "буржуев". Комендант лагеря разочаровал пришельцев. Поллак находился здесь временно, разъяснил он, и на днях этого заключенного перевели в Москву на территорию Андрониковского монастыря. Павлов с друзьями в этот же день двинулся к древней обители и через надзирателей смог перелаять съестные припасы и небольшую сумму денег для узника. Самого Поппака удалось повидать только издалека.

передать собственное имущество и большую сумму денег для узника. Самому Поллаку удалось повидать только подлин со стороны главного входа. Он шел с другими арестантами на работу. Павлов всячески старался облегчить участь Федора Ивановича, писал ходатайства властям от имени Московской церкви и от Объединительного Совета религиозных групп, но ничего не помогало. Большевики наотрез отказались освободить Поллака.

Не раз ходил Василий Гурьевич в административный отдел Таганской тюрьмы. Там под следствием находился брат Георгий Шалье и еще четверо верующих содержались под стражей за отказ от оружия. Свидания с ними Василий Гурьевич не добился, но рад был тому, что передачу кое-как приняли. В начале октября в Москву прибыл петроградский пресвитер Иван Никитович Шилов с братом Яковсоном. Они хотели повидаться с Василием Гурьевичем и обсудить возможности расширения миссионерского служения в северных краях России. Несколько дней подряд Павлов, его петербургские друзья и московские сослужители разрабатывали пути и способы проповеди Евангелия на Российских окраинах. Заседания Миссионерского комитета перемежались с работой внутрицерковного совета московской общины баптистов. Некоторые члены совета предложили Василию Гурьевичу снять с себя руководство богослужбными собраниями и выполнять только функции пресвитера: совершение Вечери Господней, крещение, венчание и проповедь. Павлов выразил свое несогласие с решением совета, ссылаясь на то, что в баптистских церквях принято, чтобы пресвитер председательствовал во всех собраниях общины. Совет обвинил Павлова, что он иногда дремлет, когда проповедуют другие. "Такое случается со мной после многих бессонных ночей. Возвращаясь из путешествий, я чувствую усталость, — объяснял Павлов. — Я думаю, пусть этот вопрос решает церковь путем голосования". Члены совета долго совещались и в итоге пришли к заключению — не ограничивать пока Павлова в служении.

За духовными рекомендациями к Павлову не раз обращались сотрудники палаточных миссий. Они приезжали в Москву с разных концов России, беседовали с Василием Гурьевичем о том, как лучше организовать уличные собрания для проповеди Евангелия. Чаще всего эти беседы проводились на квартире сына Василия Гурьевича. Поток посетителей не иссякал до поздней ночи. А далеко за полночь к Павлу Васильевичу иногда навевались представители власти. "Ночью в два часа явился комиссар по борьбе с контрреволюционной партией и спекуляцией в квартиру моего сына, где я ночевал. Сына в это время не было дома. Комиссар произвел обыск в канцелярии, до четырех часов утра все рылся в бумагах и опечатал канцелярию", — рассказывает Павлов в дневнике.

Четырнадцатого декабря 1919 года Василий Гурьевич совершал освящение нового богослужбного зала на Серпуховской площади.

— Лик земли непрестанно меняется, новые царства приходят взамен прежних и только Божье Царство неколебимо, ибо основано Вечным Богом. Это Царство любви и света, в нем действуют неземные законы. Мы освящаем это помещение во славу Господа. Мы будем молиться Царю веков, дабы сей дом был местом возвещения о Царстве Иисуса Христа. Чем больше людей станут сынами Божьего Царства, тем ярче воссияет Слава Господня! — сказал Павлов перед началом богослужения.

Торжественную проповедь о духовном храмостроительстве произнес соратник Павлова Василий Прокофьевич Степанов. Степанов был родом из села Пески Тамбовской губернии. Ревностное служение Степанова сделало это тихое селение на берегу Хопра одним из центров Российского евангельского движения. Помимо яркого проповеднического дарования, Степанов обладал и незаурядными административными способностями. "Ремонт дома стоил нам 15 тысяч рублей, 150 стульев дало нам одно учреждение в наше пользование пока бесплатно. Все хлопоты по устройству этого дома взял на себя брат Степанов Василий Прокофьевич", — отметил Павлов в дневнике.

Бесконечные пастырские труды по устройению церковей не замыкали интересы Павлова только на проблемах внутриобщинной жизни. Он глубоко интересовался всеми направлениями Богоискательства, которые заявляли о себе в Москве. В конце 1919 года большим событием московской духовной жизни были религиозно-философские лекции профессора Владимира Марцинковского. Этот замечательный ученый, проповедник и публицист выступал на Высших женских курсах, в университетах и в Большой аудитории Политехнического музея, участвовал в диспутах с Луначарским. Василий Гурьевич старался не пропустить ни одной лекции Марцинковского. Годы не ослабили у него юношеской тяги к словесным баталиям о поисках Истины, о жизни и смерти. Павлов всегда приходил с женой и садился в первых рядах, чтобы можно было лучше слышать ораторов. Вероятно, волна антисемитских настроений побудила Марцинковского подготовить лекцию на тему "Христос и евреи". Он прочитывал ее по нескольку раз во многих аудиториях. И всегда залы были переполнены. Марцинковский рассказывал о своих встречах с ученым еврейским раввином Яковом Мазе. Этот раввин любил Новый Завет и даже цитировал его в своих проповедях в синагоге. "Почему евреи не веруют в Иисуса, как в Мессию?" — спросил я его. — "Потому что с тех пор, как Его имя стало известным, кровь евреев не переставала проливаться теми, кто его имя носит... Недавние погромы на Украине превзошли своими ужасающими размерами все избиения, бывшие до сих пор в истории". Он взял в руки афишу о моей лекции и стал читать программу: "Ключ к разрешению еврейского вопроса... Ключ? О, кажется сам Бог его потерял". Когда мы прощались, Яков Мазе сказал: "Да благословит Вас Тот, во имя Которого Вы идете к людям".

Марцинковского сменил на трибуне писатель-толстовец Иван Горбунов-Посадов. Оратор призывал отбросить национальные предрассудки, ведь все люди — творения Единого Бога. — Христиане — толстовцы вполне солидарны с лектором, хотя мы и не разделяем веры в Божественность Христа, — сказал Горбунов-Посадов напоследок.

Павлов, сидевший по обыкновению, на первом ряду, энергично поднялся и попросил слова. Ему разрешили подняться на сцену. Седобородый коренастый старец с блестящими темными глазами предстал перед слушателями как посланец иных миров, как древний пророк, глашатай Божьей Истины.

— Я уважаю вас друзья-толстовцы, за вашу любовь к добру и правде. Но вы глубоко заблуждаетесь, отвергая Божественность Иисуса Христа, — твердым голосом заговорил Павлов. — Евангелисты свидетельствуют о том, что апостол Петр исповедовал Его Божество, а когда иудейский первосвященник спросил Иисуса: "Ты ли — Христос, Сын Благословенного?" Иисус сказал: "Я, и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных". Первосвященник признал такие слова богохульством и вместе с другими судьями осудил Иисуса на смерть. Можно ли считать себя христианами, не признавая Христа своим Господом и Спасителем?

Об участии Василия Гурьевича на лекционных дискуссиях Марцинковский впоследствии упомянул в мемуарах "Записки верующего". "Известный поборник баптизма в России Павлов В.Г. всегда говорил добродушным тоном, но очень ясно и определенно", — так охарактеризовал своего добровольного помощника Владимир Филимонович.

С толстовцами Павлов часто беседовал на квартире сына. Василий Гурьевич никогда не уклонялся от переговоров с верующими иных исповеданий. Толстовцы утверждали, что учение о трех Богах, о Троице создала Церковь и потом, якобы, обожествила Христа, хотя Он сам себя не обожествлял. "В этом вопросе я чувствую больше родства с православными христианами", — заявлял Павлов, опираясь на слово Евангелия о явлении Бога в трех лицах и Божественной природе Христа.

Неоднократно посещал Василий Гурьевич и кружки Марцинковского образованные в Москве среди студенчества и

неоднократно посещал различные турслеты и кружки марцкинского, образованные в Москве среди студенчества и интеллигенции. На этих встречах молодые люди изучали Слово Божие и толковали о необходимости возрождения Православной Церкви.

Вторая баптистская церковь на Серпуховской площади в период становления тоже находилась под духовным попечением Павлова. "Руководил собранием на Серпуховке. После богослужения имел беседу со слушателями по разным интересовавшим их вопросам, причем один мой собеседник, молодой человек, высказал, что он из моей проповеди убедился в пустоте своей жизни", — гласит запись в дневнике от 31 декабря 1919 года.

Спасти хотя бы одну душу от духовной гибели, — что может быть радостнее для пастыря и проповедника?

На полувековом рубеже

"Они и в старости плодovitы, сочны и свежи".

Пс.91, 15.

Обстановку в стране начала двадцатых годов Павлов обрисовал предельно скупыми дневниковыми строчками. Видимо, количество слов убывает с нарастанием трудностей. За немногословными заметками встает страдальческий облик России, истерзанной гражданской войной, разрухой и голодом. "Обедал у Дроздовых, они дали нам муки и пшена, так как у нас недостача хлеба, — записывает Павлов 4 января. — Вассианов Леонид дал тоже кусок хлеба и сухарей. Ходили пешком в Серпуховской молитвенный зал".

После тяжелых потрясений умирает один из членов баптистской общины Григорий Бакланов. Он был арестован ЧК и попал в концлагерь за то, что торговал брюками на Сухаревском рынке. Не выдержав тюремных условий, Бакланов через год скончался. Разбитая горем вдова Бакланова благодарила Павлова за богослужения на квартире и утешительные проповеди.

Неожиданный подарок пришел в Москву из Оренбурга. Тамошняя община собрала несколько мешков пшеницы для бедствующих от голода столичных единоверцев. Но как только груз оказался в стенах молитвенного дома, помещение моментально опечатали местные власти. В дни дознания и обследования законности доставки продовольствия верующих приютила в своем зале Армия Спасения.

Среди Московских баптистов можно было часто видеть гостей из других городов. Приезжие братья и сестры делились своими бедами и горестями. Петроградский проповедник Иван Яковлевич Урлауб рассказывал о своих злоключениях в Ивановском концлагере. Больше года он пробыл там в качестве заложника.

По церквам Москвы носились страшные слухи о зверских убийствах христиан на Украине. От рук махновцев погибли члены палаточной миссии: два проповедника и три диакониссы.

К весне появилась возможность для проведения христианских съездов и конференций. Вновь возобновились попытки к сближению двух догматически родственных течений: баптистов и евангельских христиан. Этой теме были посвящены совместные съезды, проходившие в Москве с 27 мая по 6 июня 1920 года. Еще на полгода раньше Временный общий совет

совместные съезды, проходившие в Москве с 27 мая по 8 июня 1920 года. Еще на полтора раньше Временный общий совет приступил к изданию уникального журнала "Братский Союз", на титульном листе которого одна рука крепко сжимала два жезла, рядом были начертаны слова из книги пророка Иезекииля: "И сложи их у себя один с другим в один жезл, чтобы в руке твоей были одно".

Участники съезда долго не могли выбрать взаимоприемлемое название для нового христианского объединения. Союз евангельских христиан и баптистов, союз крещенных по вере евангельских христиан, союз первых христиан — такие предложения поступали с обеих сторон. Наконец, остановились на первом, все решили, пусть будет "Союз евангельских христиан и баптистов".

Уже поздним вечером 3 июня собрание Московского съезда достигло наивысшего оживления. Зал огласился молитвами благодарения и радостным пением. Глаза у всех блестели от слез умиления. Делегаты, взявшись за руки, восторженно пели гимн "За евангельскую веру".

— Дорогие братья и сестры! — прозвучал с кафедры громкий голос Проханова. — Среди нас находится уважаемый служитель баптистского союза Василий Гурьевич Павлов. Братство евангельских христиан и братство баптистов знает его как многолетнего и испытавшего много скорбей труженика Евангелия. Приглашаю сейчас почтить верного слугу Господа и нашего общего брата, ветерана на ниве Божьей вставанием.

Зал шумно поднялся, все повернули головы в сторону невысокого старца с длинной патриаршей бородой.

— Я не заслуживаю такой чести, — тихо, сквозь слезы проговорил Павлов. — Я только старался исполнить волю Божью, вся слава принадлежит Господу. Сейчас я радуюсь тому, что Господь сподобил меня увидеть день единства народа Божьего.

Радостное ликование, к сожалению, оказалось преждевременным. Разногласия обозначились при обсуждении состава и местонахождения руководящего органа. Кто должен возглавить новый союз? Баптисты предлагали коллегиальное управление, представитель евангельских христиан Пелевин настаивал на том, чтобы председателем союза был Проханов. В каком городе удобнее всего разместить объединенный духовный центр — в Москве или Петрограде? Проханов не претендовал на высший пост, одобряя коллегиальный характер руководства, но не давал пока согласия на то, чтобы совет был перенесен из Петрограда.

Съезд пришлось заканчивать на грустной ноте. По замечанию Павлова "дело слияния в один союз провалилось из-за второстепенных вопросов". Василий Гурьевич сделал свое заключение с оттенком преувеличенной категоричности, ибо внутренне он был настроен на скорейшее объединение с евангельскими христианами и никак не ожидал, что вновь появятся препятствия. Поборников единства утешало то, что Московский съезд в этом направлении все-таки сотворил доброе дело, — помог каждому участнику ощутить себя частицей Тела Христова и пробудил стремление к более тесному сближению. Один добрый шаг повлек со временем и другие шаги. Служителями союза евангельских христиан и союза баптистов было подписано соглашение о создании одного управляющего совета с коллегиями в Москве и в Петрограде. Последующие съезды и встречи руководителей не смогли досконально воплотить проекты и обеспечить согласия по всем пунктам, но удалось в какой-то мере наладить совместную работу в деле проповеди Евангелия, издания духовной литературы, организации Библейских курсов и трудах милосердия.

Василий Гурьевич не всегда принимал прямое участие в объединительных переговорах, но сама личность и высокий духовный авторитет Павлова-старшего создавали атмосферу примирения. За его плечами был огромный опыт доброго сотрудничества с верующими родственными течениями. На Московском съезде в 1920 году Василию Гурьевичу Павлову было поручено написать историю баптистского движения в России. "История русского баптизма — это я", — говорил Василий Гурьевич. И в этой фразе не было и тени горделивых притязаний, не было самолюбования, но глубокая преданность и послушание Божьему призванию, — идти и проповедовать Евангелие всем народам. Павлов не мог подолгу находиться в столице, сердце его постоянно рвалось к малым церквям, разбросанным по русским селам и деревням. Он всегда помнил о простых сельских проповедниках, которые с необыкновенным терпением несли крест служения Господу.

В конце 1920 года Павлов трудился на миссионерских полях Центральной России и Поволжья. Во время посещения общин Тамбовской губернии Павлов на собственном опыте извещал то, что провозглашенные большевиками права и свободы носили шаткий относительный характер. "Село Борки, Шацкого уезда. Военный комиссар пришел на богослужение и спросил: кто вам разрешил собрание? Мы прочли ему параграф 13 Конституции, а он и слушать не хотел. Отобрал у нас документы, сказав, что Шацкий уезд на осадном положении. В Шацк из БоркОв было передано по телефону, что мы, якобы, агитаторы и бандиты. На собрании были два агента, но о себе не заявляли", — записал Павлов в дневнике.

Личные неприятные инциденты с властями и сообщения единоверцев о более серьезных преследованиях не остановили подвижника веры. В любую погоду, по бездорожью шел на святое дело служитель Евангелия. Забывая о личных невзгодах, Павлов болеет душой за друзей по вере и стремится исполнить свой пастырский долг перед Богом и Церковью. "17 лиц осуждены судом в ссылку на 1 год. Среди них находится брат Василий Прокофьевич Чупахин. Узнайте в пересыльном пункте, нельзя ли ссыльным дать хлеба и припасов на дорогу. Вся вина Чупахина состоит в том, что он был членом Учредительного собрания, — выражал он свою обеспокоенность в письме сыну из Тамбова от 13 ноября 1920 года. — В прошлое воскресенье совершил рукоположение в Тамбове брата П.И. Малина на служение пресвитера, С.Г. Плотникова посвятил в учителя, М.Д. Роткина в благовестники. Сегодня оттепель, грязь, санный путь испорчен. Думаем в будущее воскресенье быть в Рассказове".

Страдает кто-то один, с ним страдает и вся Церковь, страдания одного христианина, пусть даже самого не приметного, задевают в первую очередь сердце пастыря. Оно не успокаивается до тех пор, пока страждущая душа не обретет хотя бы малого облегчения. Миссионерские путешествия для пожилого проповедника — дело не из легких, но сиюминутные трудности не заслоняют глубокой тревоги за судьбы других. "Милый Паша! Из Моршанска я выехал вчера и не попал на поезд в Самару. Я посетил здесь две общины: евангельских христиан и нашу. Три члена: Чупахин, Озоль и Крупка арестованы без объявления причин, но из письма Чупахина видно, что они обвиняются в агитации против Советской власти, чего вовсе не было, — пишет Василий Гурьевич сыну 3 декабря 1920 года. — Местная власть воздвигла гонение на религиозной почве, потому что отбирают письма, брошюры, Библии и, вероятно, считают наше учение вредным для советского строя. Братья сидят в сыром помещении. Если можете, то немедленно ходатайствуйте об освобождении этих братьев".

Кроме чисто практических забот о нуждах духовных соратников, Павлов занимался организацией богословского образования. Основанные им в Москве Библейские курсы породили филиалы и в других Российских губерниях. Василий Гурьевич всячески старался поддерживать очень важную работу этих отделений на местах. Павлов взялся за преподавание сразу нескольких дисциплин: гомиетику, догматику, историю христианства. Естественно, что миссионерские поездки по губерниям Василий Гурьевич использовал и для занятий со слушателями Библейских курсов. Долше всего приходилось задерживаться в Самаре, здесь по инициативе местных проповедников регулярно работали Курсы по богословию.

Старейший член Ташкентской баптистской церкви Антон Степанович Колганов, годы спустя, оставил краткие воспоминания о том, как ему довелось однажды увидеть Василия Гурьевича в Самаре. "В середине декабря 1920 года я пришел на утреннее воскресное богослужение. Ведущий объявил: Сегодня в нашем собрании находится пионер русского баптистского братства Павлов Василий Гурьевич. На кафедру вышел старец с большой окладистой бородой, по виду как духовный исполин. Он приветствовал собрание и сказал: Несколько лет тому назад меня этапировали в одну из сибирских тюрем, а в общей сложности я их прошел в царской России до сорока. В Самаре была остановка и я удостоился с конвоем и в кандалах посетить богослуженное собрание. Народу было очень мало и помещение неказистое, крохотное, а сейчас зал просторный и весь наполнен людьми. Благодарите и прославляйте Господа за Его попечение. Целых два месяца жил тогда Василий Гурьевич в Самаре. Библейские курсы проводил, преподавал проповедникам догматику, риторику и другие предметы".

Самара была в то время крупным очагом христианского студенческого движения. Во главе христианских кружков и молодежных организаций стоял профессор филологии Владимир Филимонович Марцинковский, ученый муж с широким культурным и духовным кругозором. Своеобразный штрих из жизни Марцинковского приводит Василий Гурьевич в письме к сыну Павлу от 28 декабря 1920 года. "Узнал здесь, что из студенческого кружка принял крещение от меннонитского проповедника Тевса известный нам лектор В.Ф. Марцинковский, но с оговоркой не принадлежать ни к какой общине и иногда употреблять крестное знамение, — рассказывает Павлов. — По слухам в Москве образовано 15 кружков верующих среди студентов. Сегодня заканчиваются наши Курсы и будет прощальный вечер".

Василий Гурьевич часто встречался с Марцинковским на диспутах и духовно-просветительских собраниях в общественных местах Самары и Москвы. Павлов никогда не критиковал Марцинковского за духовную работу вне церковных структур. Чрезмерная зависимость от какой-либо церкви наложила бы существенные ограничения на его деятельность в качестве христианского миссионера-просветителя. Как человек многоопытный и проницательный Павлов очень хорошо понимал, что Марцинковскому Господь дал особый крест, суть которого так мудро выразил апостол Павел: "будучи свободен от всех, я всем поработил себя". — 1 Кор. 9, 19.

В книге "Записки верующего" Марцинковский, излагая свое отношение к русским баптистам и евангельским христианам, упоминает мимоходом и о христианском благородстве В. Г. Павлова: "Русская православная церковь еще не дождалась реформации. Церковный корабль все еще ищет светского буксира. Но есть в русской православной среде живые люди, горячо стремящиеся к преобразованию церкви в духе Евангелия, и оно придет, это преобразование, вернее преображение, через возрождение свыше отдельных лиц, в среде духовенства и мирян. И потому я так верю в евангельское движение, которое способствует возрождению личности проповедью Евангелия в народе. Это делают, главным образом, евангельские христиане и баптисты, к сожалению еще не совсем объединившиеся в дружной совместной работе. Хотя те и другие звали меня в свой союз, но я считаю себя в данное время примыкающим, так сказать, к обоим течениям сразу, ибо не вижу между ними существенной разницы. Вообще же, я хотел бы в духе объединиться со всеми любящими Христа, а называться — просто христианином. Старый баптистский деятель В.Г. Павлов сказал мне однажды: когда известного евангелиста Бедекера спросили, к какой церкви он принадлежит, он ничего не ответил, а только показал рукой на небо, исповедуя этим свою веру в небесную, невидимую Церковь, члены которой рассеяны по разным церквам и общинам. Так, видно, и Вы себя определяете"...

По примеру апостола Павла, Марцинковский много сил полагал на то, чтобы донести Евангелие "сродникам по плоти" — иудеям. Житель Самары Марк Львович Крейман одним из первых среди лиц иудейского происхождения обратился ко Христу

людям. Имелось Самары Марк Львович Крейман одним из первых среди лиц еврейского происхождения обратился ко Христу через лекции и беседы Марцинковского. Сын Марка Львовича Вениамин Крейман пошел по стопам отца, современные христиане знают его как духовного композитора, певца и пламенного проповедника-евангелиста.

Вениамин Крейман часто вспоминает рассказы отца о его встречах с В.Г. Павловым: "Мой отец переехал в Москву из Самары в 1919 году. Он работал в канцелярии Союза баптистов секретарем-делопроизводителем и почти ежедневно видел служителей из духовного центра. Ему приходилось делать стенографические записи во время деловых совещаний. Отцу тогда было 22 года, но никто из руководящих пастырей не относился к нему как к малопосвященному юнцу. А Василий Гурьевич в особенности, был очень внимателен, обращался с отцом как с равным. Когда какой-либо сложный вопрос заводил служителей в тупик, Василий Гурьевич подходил к отцу и спрашивал: А что думает по этому поводу Израиль? Отец смущался, но высказывал свои соображения. Еврейский язык отец знал не очень хорошо и когда в разговоре с Павловым употреблял еврейские выражения, Василий Гурьевич улыбался и говорил: Израиль, ты делаешь ошибки. На публичных диспутах Марцинковский, Павлов и мой отец вместе участвовали в дискуссиях. Потом отца посадили в тюрьму на три года".

Не миновало тюремное заключение и Марцинковского. На полгода его лишили свободы, а в 1923 году выслали из России вместе с другими представителями отечественной интеллигенции. Владимир Филимонович был неудобен для нового режима широтой своего духовного мировоззрения. Власть обвиняли его в проповеди размягчающей души христианской любви и в том, что он, якобы, пытается создать единый фронт из всех религий.

Просветительское служение Владимира Марцинковского находило сочувствие и отклик в душе Василия Гурьевича. Эти добрые воины Иисуса Христа были во многом похожи друг на друга. Главное, что их объединяло — это любовь к Богу, боль за судьбу России, дело проповеди Евангелия, гуманитарные науки, глубина духовной жизни.

В 1921 году жизненный путь Василия Гурьевича Павлова озарила знаменательная дата: он перешагнул полувековой рубеж следования за Христом. О проведении юбилейных торжеств позаботились близкие друзья и сподвижники Павлова. Несмотря на груз текущих практических дел и тяжелые материальные условия в стране, они смогли даже разработать специальную программу, посвященную юбилею.

Заблаговременно в журнале "Слово Истины" было опубликовано воззвание к церквам России: "Напоминается всем общинам, братьям и сестрам, что постановлением последнего Всероссийского съезда баптистов в Москве решено достойно отметить 50-летний юбилей работы на ниве Божьей старейшего труженика Василия Гурьевича Павлова. В исполнение этого постановления коллегия совета Всероссийского союза баптистов решила принять на счет Союза пожизненное обеспечение В.Г. Павлова в размерах, позволяющих не терпеть недостатка в пропитании и одежде. Оповестить о юбилее в братских журналах для посылки желающими поздравлений и приветствий. Поместить в журналах краткую биографию, по возможности, с портретом. Преподнести ему от Союза с соответствующей надписью Библию в лучшем переплете. В Москве устроить приветственное собрание с устройством вечера любви на средства Союза. Постановление о пожизненном обеспечении внести на утверждение Всероссийского съезда. Общины, районные организации и отдельные братья и сестры, желающие почтить старца Василия Гурьевича Павлова своими поздравлениями и приветствиями, приглашаются посылать их теперь же без задержки в адрес коллегии Союза в Москву. Собранные вместе приветствия будут преподнесены и оглашены в день чествования 22 апреля сего года.

Коллегия совета Всероссийского съезда баптистов, члены: П.В. Павлов, М.Д. Тимошенко, И.Н. Шиллов.

Управляющий делами: А. Шалье.

Секретарь: П. Мелис".

Вероятно из-за скромности Василий Гурьевич не оставил дневниковых записей о юбилейных собраниях в его честь. Отголоски памятных мероприятий сохранились только на страницах журнала "Слово Истины" за 1921 год № 12. Большой внушительный портрет Василия Гурьевича украшает заглавный лист журнала. Величаво-спокойный облик Павлова с глазами, в которых запечатлена мудрость и просветленная грусть, напоминает образ библейского пророка, озабоченного плачевным духовным состоянием народа. Две юбилейные статьи знакомят читателей с подвижнической деятельностью проповедника. Одна из них принадлежит перу сына Василия Гурьевича Павла Павлова. "Наше братство в лице Василия Гурьевича имеет стойкого, верного своим убеждениям борца за Евангельскую правду, — пишет Павел Васильевич. — За ним не числится падений и отступлений. Твердо и непоколебимо совершал он порученное Господом дело. Василию Гурьевичу, как и всякому человеку, присущи некоторые слабости и несовершенства, но всегда и во всем он действовал искренне и честно, ревнуя о деле Божьем, и своей прямолинейностью, неумением быть лицеприятным отталкивал иногда даже друзей. Василий Гурьевич глубоко знает Священное Писание, считается в нашем российском братстве самым выдающимся по силе слова проповедником. Глубокие по содержанию мысли он умеет облекать в доступную для самого простого человека форму. Говорит он всегда с подъемом, вдохновляясь сам и зажигая слушателей. Тысячи душ были обращены через его проповеди к Господу, крещены и объединены в общины. Имя его известно не только у нас в России, но и в широких кругах за границей. Теперь как и в древние дни Господь посылает своих проповедников, дабы явить всему миру свою силу. Наша молитва о том, чтобы Бог продлил дни жизни юбиляру, дабы из сокровищницы его богатейшего духовного опыта могло бы черпать юное поколение христиан".

Не один десяток лет прошел с Василием Гурьевичем рука об руку проповедник и литератор Михаил Данилович Тимошенко. Они вместе трудились на евангельских полях и непрерывно питали материалами все издания баптистской печати в России. Слово о духовном брате и соратнике Тимошенко тоже поместил в специальном юбилейном выпуске журнала "Слово Истины". "Жить для Иисуса — таков жизненный девиз Василия Гурьевича, он не изменял этому принципу ни при каких обстоятельствах, — отметил Михаил Данилович. — С именем Павлова тесно связано многострадальное, орошенное кровью и слезами мучеников начало и развитие дела Божия в нашей стране. Василий Гурьевич займет почетное место в истории русских баптистов, надо только радоваться тому, что в наших рядах такие герои веры. Всю свою жизнь Василий Гурьевич без перерыва работает в деле благовестия по всей России и далеко за границей".

Последнюю свою поездку за пределы отечества Павлов совершил в 1922 году. Это была благотворительная миссия. Любовь к согражданам, гибнущим от голода, заставила Василия Гурьевича поехать в Германию и организовать сбор денежных средств для помощи страждущему русскому народу.

Время отшествия

"Течение совершил, веру сохранил".

2 Тим. 4,7.

Большинство людей вступая в преклонные лета тяготеют к оселлости привязываются накрепко к насиженным местам

Воспитание людей, вступающих в преклонные лета, тяготеет к беседности, привлекается нарочито к наивысшим местам. Василия Гурьевича спокойное безвозмездное житие мало привлекало. На удивление всем, семидесятилетний старец вдруг заявляет о своем решении покинуть столицу и выехать в Баку. Неужели не доставало ему труда в центральных губерниях России? Духовно-организационная работа множилась день ото дня. На очередном съезде в декабре 1923 года Павлов был избран членом Всероссийского совета союза баптистов. В Москве и окрестностях нарастало христианское кооперативное движение, опыт и знания Василия Гурьевича ценили на Библейских курсах. Станным и загадочным казалось многим непреклонное решение Павлова о выезде из Москвы. Может быть Василий Гурьевич не поладил с коллегами по духовной работе, не нашел общего языка с руководителями московских церквей? — носились предположения в умах верующих.

Сложный характер был у Павлова, и отношения его с ближними и сотрудниками складывались не всегда благополучно и легко. Не раз в дневнике он ронял фразы о трениях с некоторыми служителями. "Церковный совет в большинстве состоит из торгашей и плотских людей, которые постоянно противодействуют мне и моим делам", — записал он еще в сентябре 1920 года. Напряженные ситуации возникали довольно часто, но они не перерастали в большие конфликты. Павлов старался не давать места вспыльчивости и никогда не боролся с недуховными устремлениями в церквях плотскими методами своих противников. Столь неожиданный на первый взгляд шаг Василия Гурьевича был обусловлен возвышенными причинами. Несмотря на постаревшую телесную храмину, Павлов не утратил юношеского пыла души, дух миссионерства по-прежнему горел в нем с неослабевающей силой. всю жизнь вынашивал он мысль, чтобы пойти с проповедью Евангелия к мусульманским народам. Это дело не было абсолютно новым для Василия Гурьевича. Ему приходилось раньше свидетельствовать о Христе мусульманам в Закавказье, в Оренбургской ссылке, в Румынии. А в то время, когда Павлов редактировал и издавал журнал "Баптист", на его страницах часто появлялись сообщения о духовных нуждах мусульманских стран.

Интересны комментарии Василия Гурьевича на статью профессора французского Университета Бритке в журнале "Баптист" за 1910 год, №33 об исламе: "В целом наблюдения Бритке верны, мы лишь не можем согласиться с тем, что будто тщетно думать об обращении мусульман в христианство и будто усилия католических и протестантских миссионеров не привели ни к чему. Это неправда, обращения были и есть, конечно, нет массовых. Но христиане еще мало сделали для обращения мусульман. У нас в России, например, кроме господствующей церкви никакое другое вероисповедание не имеет права проповедовать мусульманам и язычникам. Но, несмотря на препятствия, дети Божии, во исполнение приказания Христова, должны проповедовать Евангелие и мусульманам. Но, прежде чем возвещать Слово Божие, необходимо ознакомиться с их верованиями и обычаями. В русской литературе есть довольно сочинений, знакомящих нас с мусульманским мировоззрением".

Престарелый проповедник Евангелия, хороший знаток исламской восточной культуры десятилетия спустя вновь намеревается пройти по миссионерским маршрутам юности. После съезда в Москве он посещает Петроградскую церковь и оттуда вместе с проповедником Сергеем Васильевичем Белоусовым выезжает в Баку.

Шестнадцатого декабря 1923 в районе Моздока у Черноярского разъезда все пассажиры почувствовали неладное. Поезд резко замедлил ход, остановился и долго не двигался с места. Вечерняя тишина огласилась топотом молодых резвых ног и дикими криками. По вагонам, расталкивая и тормоша пассажиров, сновала разнузданная толпа незнакомых людей.

— Что им нужно? Кого они ищут? — всполошились все.

— Это грабители! — звонко разнеслось по вагону.

— Золото и червонцы, — схватил Павлова за плечи здоровенный детина. — Гони быстрее, старик.

Василий Гурьевич вытащил из кармана два последних червонца и протянул их налетчику.

— Вот, берите, у меня нет больше. Я баптистский проповедник, — сказал он.

Парень выхватил червонцы, нахальным жестом толкнул Павлова в грудь и перекинулся в соседнее купе. Грабеж продолжался около часа. Обчистив пассажиров, бандиты скрылись в темноте. Поезд с надрывом лязгнул и стал набирать скорость. Какое-то время в вагоне царило молчание. Все пребывали в тяжелом оцепенении, а потом расслабились и стали шумно обсуждать случившееся.

Василий Гурьевич безмолвствовал. Белоусов заметил, как лицо его попутчика сильно переменялось, оно было бледным и страдальческим.

— Что с тобою, брат?

— Сердце... Болит... Мочи нет, — еле выговорил Павлов, склонив седую голову и прижимая руку к груди.

С бакинского вокзала Василий Гурьевич кое-как с помощью Белоусова, делая частые передышки, добрал до квартиры. Немошь разливалась по всему телу, он даже не находил сил, чтобы подняться с постели. Проходили дни, недели, настал четвертый месяц, а состояние больного не улучшалось. Врачи делали все возможное, церкви молились об исцелении проповедника, а Василий Гурьевич вверял свою судьбу в руки Божьи. Неподвижность угнетала его, он тосковал о труде.

— Господи, — с плачем молился Василий Гурьевич. — Почему Ты держишь меня в таком положении? Если я Тебе еще нужен на земле, то исцели меня, если же Ты решил отозвать меня, то прими мой дух и избавь от страданий, Ты же видишь, что я не могу больше терпеть...

Друзья и близкие, глядя на его измученное лицо, молились и плакали вместе с ним.

Когда приступы болезни немного отступали, Василий Гурьевич оживлялся, расспрашивал друзей о духовных нуждах, вникая во все тонкости и детали церковной жизни, строил планы будущей работы.

— Я хотел бы еще потрудиться для Господа в Азербайджане, в Армении, в Грузии, на моей родине, но пути Божии выше путей моих. Разрешиться и быть со Христом — несомненно лучше. Когда земной наш дом, эта временная хижина разрушается, мы ожидаем от Бога обители вечные, неразрушимые, — говорил Павлов и глаза его сияли неземной радостью.

Павел Васильевич получил в Москве от отца телеграмму: "Здоровье мое плохо, поспеши увидеться. Павлов".

Десятого апреля у. постели больного стоял сын Павел и внук Василий.

— Дети мои, служите Господу, не забывайте Его, — шептал Василий Гурьевич. — Схороните меня в Тифлисе, рядом с отцом моим Гурием...

Через четыре дня Павел Васильевич отправился на время в Тифлис, надеясь еще раз повидать отца на обратном пути. Но в Тифлисе его уже ждала скорбная телеграмма: "Павлов скончался". Начались тягостные и печальные хлопоты по перевозке тела Василия Гурьевича из Баку в Тифлис. 20 апреля гроб с телом усопшего был установлен в зале Тифлисской церкви христиан-баптистов. Зелень и груды цветов венчали смертное ложе. Склонившись над головой почившего, замерли у гроба сын, внук, жена Александра Егоровна, друзья и соратники на ниве Божьей. После полудня внутрь помещения уже невозможно было протиснуться, а люди шли и шли к церкви. Когда гроб вынесли во двор, — все прилегающие улицы были запружены народом. Похоронная процессия медленно двинулась в сторону городского кладбища. Необычайное благоговение охватило присутствующих при виде гроба, который несли на плечах мудрые почтенные старцы с роскошными пушистыми бородами почти до пояса, За старцами тянулся бесконечный людской поток из верующих всех христианских исповеданий. Казалось, это было торжественное шествие самой Руси, святой и праведной, гонимой за благородство души и "дум высокое стремление". Эта Русь хоронила своего великого сына-подвижника. Во многих христианских общинах города Василий Гурьевич всегда был желанным гостем. Его приглашали проповедовать Слово Божие баптисты, молокане разных толков, евангельские христиане-трезвенники, субботники. Все знали о том, что он возвещал учение Христа, не осуждая инаковерующих. А если и вступал в беседы по спорным вопросам, то рассуждал всегда мягко, без наскока, терпеливо выслушивая и не унижая собеседника. Грустно было осознавать, что теперь уста этого благочестивого пастыря и проповедника сомкнулись навеки. Уста молчали, а лик по-прежнему притягивал взгляды. "Прямо как живой лежит Василий Гурьевич", — громко шелестело в толпе. Словно часть свода небесного, выделялось скульптурное чело, вместилище Божьей премудрости и всяких знаний. Тайственный мир и покой окутывал благообразное чистое лицо почившего.

У самой могилы заблаговременно соорудили трибуну, увитую зеленью. На нее степенно поднимались проповедники из разных церквей и произносили краткие прочувствованные речи в память Василия Гурьевича.

— В вагоне, когда нас грабили, я спрятал два червонца, бывшие у меня, и отдал грабителям советские знаки, сказав при этом, что у меня нет червонцев, те, что лежали в моем кармане, мне не принадлежали. Не так поступил покойный. "Вот два червонца, у меня нет больше, — сказал он грабителям и, действительно, у него не было больше, — вспоминал служитель баптистских церквей Закавказья Сергей Васильевич Белоусов, сопровождавший Павлова в последнем путешествии. — А если бы было сто, он и тогда бы отдал им. Так, верный во всем и везде, жил этот примерный старец. Сделки с совестью, приспособления к жизни и обстоятельствам покойный не знал. Всю жизнь кочуя с одного места на другое, имея лишь необходимое для жизненного обихода, не привязывая сердце к земному, прожил этот старец семьдесят лет. Никогда не пожалел он о том, что сделал этот именно, а не другой выбор в жизни. А жизнь его шла торным путем: аресты, ссылки, тюрьмы, кандалы, лишения. Для чего этот неутомимый труженик изучал языки? Для того ли, чтобы получить выгодное место в мире? Нет, только для пользы распространения Царства Божия на земле. Как и апостол Павел он мог сказать: "Для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение".

Перед погребением на трибуну вышел сын покойного Павел Васильевич. Худощавый, с опечаленным осунувшимся лицом, он начал говорить об отце, преодолевая слезы.

— Кто из известных нам современных людей более всего воплотил заповедь Господню: возлюби Господа Бога Твоего

кто из известных нам современных людей более всего возлюбил заповедь Господню: возлюбил Господа Бога всем сердцем твоим и ближнего твоего как самого себя? Кто все свое сердце целиком и безвозвратно, безраздельно отдал Богу, кто свой мозг, в котором помещалось Знание двадцати четырех языков, посвятил ближнему? Ища таковых среди современников, мы невольно остановимся на личности усопшего. Для чего мы стоим здесь? Для того, чтобы полной грудью вдохнуть в себя аромат этой возвышенной жизни, вдохновиться примером мучеников и героев веры. Он оставил многочисленное духовное потомство, которое не преклоняет свои колена перед Ваалом греха, и многие из нас, подобно Елисею, разлученные с ним огненной колесницей смерти, смотря вверх, готовы воскликнуть: "Отец мой, Отец мой, колесница Израиля и конница его". И мы подхватим падающую сверху милоть, этот великий духовный плащ Илии, плащ пророческого энтузиазма, жара и кипения веры, готовность продолжать начатое Христом великое дело обновления мира. Об этих героях веры апостол Павел говорит в Послании к Евреям: те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, пещерам и ущельям земли, в милотях и козьих кожах. Пророка наших дней Василия Гурьевича, всю жизнь побиваемого камнями вражды за то, что звал к первоначальной чистоте апостольской церкви, к возрождению, предостерегал от надвигающейся опасности безверия, обличал суеверия и неправду. Сотни душ будут славить Господа за то, что в тяжелое безотрадное время Он послал в наш двадцатый век Своего пророка, дерзавшего во имя Господа свидетельствовать о Нем, как о едином Спасителе...

Стихли траурные речи, гроб плавно опустили в отверстую могилу, глухо зашлепали комья земли по крышке. Церковный хор торжественно и вдохновенно пел погребальные гимны. Никто не спешил уходить от выросшего холма, заваленного ворохом цветов.

Вослед похоронной церемонии на адрес друзей и родственников покойного много дней подряд шел нескончаемый поток писем и телеграмм. "Смерть Василия Гурьевича завершила первый героический период истории русского баптизма, — писал из Ленинграда друг Павлова Иванов-Клышников. — Радостен итог полувековой работы: свет Евангелия зажжен от края до края русской земли и уже не может потухнуть, на опустевшее место почившего ветерана встали сотни и тысячи молодых работников, готовых, как он, всю свою жизнь положить на алтарь Христа. Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром, ибо видели очи его спасение, которое Ты уготовал русскому народу". Христианский мир Запада тоже переживал скорбные дни, в странах Европы и Америки хорошо знали труды Павлова. Представители заграничных баптистов Портер и Фильбрандт направили в Тифлис сочувственное послание: "По случаю смерти дорогого брата-старца Василия Павлова выражаем родственникам покойного и всему русскому братству наше искреннее соболезнование, память усопшего борца за Евангельскую Истину светло запечатлена в братских сердцах и истории баптистов всего мира. Бог да утешит вас".

Теплый вздох сопереживания донесся с восточной окраины России. Дальневосточные христиане не могли забыть благословенных встреч с пастырем-миссионером, посетившим их края десять лет тому назад. "Василий Гурьевич всю свою благовестническую жизнь провел в тюрьмах и изгнании, а при посещении им нашего Дальнего Востока, на долю его выпало испытать еще раз горькую чашу страданий. Гонительная рука царского правительства и тут не оставила его в покое: по приговору одесского окружного суда ему пришлось некоторое время отсидеть в Благовещенской тюрьме. Но это нимало не сломило в нем энергии так, чтобы он отказался от упорного труда на пути распространения благой спасительной вести. По выходе из временного заключения, он с удвоенной силой начал снова работать для Господа и вскоре ему удалось осуществить намеченный братьями Г.И. Мазаевым и Н.В. Одинцовым план по организации дальневосточного отдела Всероссийского союза. Кроме того Василий Гурьевич немало потрудился и в самих общинах нашего отдаленного края, вводя в них такие порядки, которых раньше не было, и тем увековечил в них благородную память о себе самом. Поэтому мы, соболезнуя об утрате несокрушимого столпа Всероссийского братства, считаем своим святым долгом с благодарностью засвидетельствовать о понесенных трудах на Дальнем Востоке. Пусть светлая память о нем живет в признательных сердцах

засвидетельствовать о конченных трудах на дальнем востоке. Пусть светлая память о нем живет в признательных сердцах наших и пусть Господь утешит дорогую сестру Александру Георгиевну — супругу почившего и семейных его в этой невозместимой утрате.

Ваши по вере, надежде и любви от имени Дальневосточного союза – Г.И. Шипков".

Теплые, простые, возвышенные строки писем и телеграмм сплели еще один пышный и яркий венок памяти праведника, который покинул бренный мир и ушел в вечные обители Отца Небесного.

Не отыскать теперь следов к праху Василия Гурьевича. Тифлис разрастался со временем и скромный островок Молоканского кладбища, отделенный по произволу начальствующих особ господствующей церкви массивной кирпичной стеной от православных захоронений, сочли не заслуживающим внимания потомков. Новый микрорайон с многоэтажными домами превратил кладбищенскую землю за пределами древней ограды в общегородскую территорию.

Время основательно замечает следы на лице земли, но оно не властно над духовным наследием. Целы и невредимы еще подшивки старых журналов "Слово Истины", "Христианин", "Баптист", "Беседа". Обветшалые, читанные-перечитанные страницы хранят статьи, проповеди, беседы и переводы Василия Гурьевича Павлова. Истлеют манускрипты, но не исчезнут слова, запечатленные на них. От сердца к сердцу потянутся они, от поколения к поколению. Наглядное подтверждение тому — тысячи духовно возрожденных христиан России, объединенных сознательной верой в искупительную жертву Сына Божия. К созиданию этого живого храма приложил свое сердце провозвестник Евангелия Василий Гурьевич Павлов.

Домостроитель Церкви Христовой

В библейскую эпоху "домостроителями" называли определенную категорию рабов, которым хозяин дома поручал заботу о дневном пропитании и попечение о всевозможных житейских нуждах других слуг. Христианские церкви не могли существовать без духовных домостроителей. Это были многоопытные, закаленные в скорбях и гонениях служители Христа: апостолы, проповедники, учителя. От пастырей стада Христова требовалась любовь к Богу, верность делу Евангелия, кропотливая забота о душах. Выражение "церковный домостроитель" чаще всего вызывает в душе образ мудрого старца, обремененного грузом лет, стоящего у последней черты земной жизни. Подобные представления не всегда соответствуют исторической действительности. Пророк Иеремия начинал свое служение, имея всего двадцать четыре года от роду. Другой вестник Божий пророк Исайя выступил на общественную проповедь около тридцати лет. Бремя пастырского душепопечительства нес юный собрат апостола Павла Тимофей. Василий Гурьевич Павлов ощутил Божье призвание к духовному домостроительству тоже на заре юности. Еще до учебы в Гамбургской семинарии Павлов заявил о себе как о евангельском домостроителе, помазанном свыше, от Бога. "Я сведущ более старцев... — обронил однажды святой псалмопевец Давид, — ибо повеления Твои храню". Пс. 118, 100. Богословская начитанность и осведомленность позволила Павлову очень рано занять место духовного руководителя первых баптистских церквей в России. Василий Гурьевич не оставил обширных богословских сочинений. Его богословие рассыпано в многочисленных письмах, дневниках и журнальных статьях. Целый богословский трактат можно составить на переписке Павлова с пресвитером Бакинской общины баптистов Ивановым. В одном из писем девятнадцатилетний юноша берет на себя труд изъяснить соработнику на ниве Божьей свое понимание библейского учения о Боге-Троице.

"А что пишешь, брат, объяснить тебе нечто о Боге-Троице, то хотя я и готов с радостью послужить тебе мерою моего познания которое дал мне Господь, но однако должно заметить, что это есть один из наиглубочайших догматов нашей

познания, которое дал мне Господь, но, однако, должно заметить, что это есть один из самых глупых догматов нашей святой христианской религии, а потому ты проси Самого Господа, Который Духом Своим может более просветить тебя, нежели все богословы в мире, — отмечает Василий Павлов. — Я не могу хорошенько привести на память прежнего нашего разговора о сем предмете, но в твоём понятии о Святой Троице я ничего не нахожу противным Священному Писанию. А мое понятие такое: Мы исповедуем, что есть Единый, Истинный, Невидимый и Непостижимый Бог, Единый по существу, но Троичный в лицах: Отец, Сын и Святой Дух. Триипостасный Бог сотворил все видимое и невидимое. Бог-Отец есть причина первоначинательная, Бог-Сын строительная, Дух Святой — совершительная. Как в творении, так и в спасении человека участвуют все три лица Святой Троицы. Бог-Дух Святой освятил и возродил меня. Все лица Святой Троицы суть равного Божественного достоинства касательно их Божественной природы. Как Бог-Отец восхотел спасти меня и послал Сына Своего искупить меня. Бог-Сын искупил меня. Все лица Святой Троицы суть равного Божественного достоинства касательно их Божественной природы. Как Бог-Отец есть Истинный Бог, так равно и Сын есть Истинный Бог, равно и Дух Святой есть Истинный Бог. Но не три Бога, но Един Бог в трех лицах".

Изучая Библию, Павлов всегда стремился постичь сокровенный смысл Слова Божия. Молодым христианам свойственно забывать принцип "от простого к сложному", но юному Павлову это не помешало. Сложные истины Библии он разрешает по-старчески мудро, со знанием дела, с упованием на помощь Божию. Вот его рассуждения о воскресении мертвых из письма В.В. Иванову от 10 ноября 1873 года: "Теперь, пожалуй, исполню твою просьбу и приступлю к объяснению текста 1 Кор. 15, 22-28, в чем да поможет мне Бог-Дух Святой. "Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут" — говорит апостол. Всю 15 главу Первого Послания к Коринфянам Святого Павла побудило написать то обстоятельство, что коринфяне стали заблуждаться в одном из членов веры и именно в самом главном — в воскресении мертвых. В предыдущем стихе апостол говорит о воскресении всех вообще людей, добрых и злых, а потом возвещает о воскресении только учеников Христовых, меняя форму выражения. Там сказано: "Как смерть чрез человека, так и воскресение чрез человека", а здесь не написал "как в Адаме все умирают, так во Христе все воскреснут", но вместо сего употребил слово "оживут", что значит более, нежели только одно Воскресение. Христос и врагов воскресит для осуждения, но своих он не только воскресит, но и оживит, то есть они получат жизнь вечную и будут с ним наслаждаться небесным блаженством. Как верно то, что мы верующие в Адаме умерли духовно и умираем телесно, так верно и то, что Христос, воскресив нас духовно, воскресит нас и телесно, о чем Павел утверждает в целой главе".

Переписка Павлова и Иванова главным образом касалась вопросов практического богословия. Иванов просил Павлова высказать мнение о возрасте лиц, над которыми можно совершать крещение по вере.

"Служит ли молодость человека препятствием принятия его в сообщество верующих? — спрашиваешь ты, — пишет Павлов. — Разрешение этого вопроса мы должны искать в Слове Божьем. А оно гласит: кто уверует и крестится, спасен будет. Следовательно, мы должны требовать веры от всякого желающего присоединиться к нашей Церкви. Как и Филипп спросил евнуха, — веришь ли ты, что Иисус Христос есть Сын Божий? И когда он дал удовлетворительный ответ, тогда Филипп тотчас крестил его. Итак все дело в том, что если кто желает быть членом нашей Церкви, то мы должны получить убеждение, — возрожден ли он? примирился ли с Господом? получил ли прощение своих грехов? И если мы уверены, что Господь принял его, то как мы можем воспрепятствовать, чтоб не креститься ему водою? Вообще я не верю тому, чтоб человеку удобнее было спастись в старости, нежели в молодости: нет, все зависит от Бога, Который оживляет мертвых и дает им жизнь вечную. За границей наши братья преподают крещение детям Божьим даже ниже того возраста, относительно которого ты имеешь сомнение. Недавно я читал о том, что один из баптистских проповедников в Швеции крестил девушку тринадцати лет.

Твердо знай, брат, если для кого Иисус Христос сделался Альфой спасения, для того он будет и Омегой, то есть концом".

Духовный авторитет юного Павлова приносил благословение и отраду одним и вызывал беспокойство у других. Служителям Тифлисской общины, у которых червь зависти ворочался на дне сердечном, трудно было смириться с тем, что этот юнец обладает незаурядными задатками патриархальной мудрости. "Око государя" тоже нервно вздрагивало, неотступно надзирая за всеми шагами проповедника Евангелия. Полицейский чиновник В.А. Валькевич в своем отчете сделал такую отметку: "Павлов еще до получения им миссионерского образования за границей, настолько выделялся среди Тифлиских баптистов, что Василий Васильевич Иванов исключительно к нему обращался за указаниями и разъяснениями по принципиальным вопросам баптистской догматики, проповеди, организации и Павлов, несмотря на протесты Воронина, помимо своей общины единолично руководил новоивановскими баптистами через Иванова".

Благодаря подвижнической деятельности Павлова Тифлисская община стала "духовным Иерусалимом" для окрестных церквей и всего баптистского движения в России. Уже к концу семидесятых годов девятнадцатого века тифлисская община охватывала Тифлискую, Бакинскую губернии и Тверскую область.

Василий Васильевич Иванов был на восемь лет старше Павлова, но никогда не считал зазорным советоваться с Василием Гурьевичем. Что же подкупало в личности Павлова его современников? С Василием Гурьевичем легко было общаться. Он не "давил" собеседника своим авторитетом, всегда старался избегать поучительного тона, не претендовал на роль "папы" или "митрополита", суждения которого не подлежат оспариванию. Павлов был живым воплощением демократических принципов баптизма. Делясь своими мнениями по вопросам церковного домостроительства, Павлов давал понять собеседнику, что его суждения нельзя принимать за непререкаемую истину, ему, как и всем людям, свойственно ошибаться. Это благородное смирение Павлова ощущаешь, когда знакомишься с его частной перепиской. "Сегодня снова принимаюсь писать тебе, брат, так как я вчера не успел сделать это. Из твоего письма вижу твои здравые во всем понятия. Господь да укрепит тебя и вашу общину, — ободряет Павлов Иванова. — Я тоже, брат, ни в чем не желаю иметь разномыслия с нашими немецкими братьями. Мне кажется неуместным замечание Никиты Исаевича, что ты обращаешься ко мне, а не ко всей Церкви. Я думаю, что тебе и в голову никогда не приходила такая мысль, чтобы моим мнениям придавать силу закона для всей вашей общины. А если так, то что же тут есть неприличного, если ты, будучи моим братом, просишь меня изъяснить некоторые из моих мнений? Наша Церковь совершенно свободна относительно мышления. Да я, кажется, и никогда не выдавал свои мнения за то, будто они имеют силу закона для вас. Вы сами — слава Богу! — хорошо знакомы со Словом Божьим и оно есть пробный камень для всех понятий. Конечно в недоразумительных случаях вы можете обращаться ко всей Церкви, как то пишет Никита Исаевич, но и решения всей Церкви вы не просто ведь должны слепо и безусловно принимать и покоряться; нет, и решения всей Церкви должны быть так же испытываемы как и мнения одного человека".

Василий Гурьевич Павлов обладал даром богослова полемиста. Искусством ведения духовного диалога удаётся овладеть далеко не каждому. Очень редко истина рождается в спорах, в горячих словесных схватках возникает соблазн потешить свое самолюбие и во что бы то ни стало низложить противника. В разговорах с инакомыслящими Василий Гурьевич пользовался методом апостола Павла, — не унижать собеседника, а возводить его ум и сердце к всестороннему пониманию Библейской Истины. Этому принципа Павлов придерживался не только в устных беседах, но и в статьях вероучительного и богословско-полемического характера. Например, анализируя воззрения субботаствующих христиан, которые пытались соединить ветхозаветную обрядность с благодатью Иисуса Христа, Павлов, опираясь на Слово Божие, в мягкой форме объясняет оппонентам, что христианам нет нужды соблюдать субботу.

"Есть ли такое место в Новом Завете, которое прямо говорит о ненужности празднования субботы? — начинает свои размышления Павлов. — Эту тему апостол Павел затрагивает в Послании к Колоссянам: "Итак никто да не осуждает вас за пищу или питие, или за какой-нибудь праздник или новомесячие, или субботу. Это есть тень будущего, а тело во Христе". Иудействующие христиане осуждали уверовавших из язычников за то, что они не держались постановлений закона Моисеева о пище и питии, ели запрещенное законом мясо нечистых животных, может быть пили из нечистой по закону посуды, не признавали иудейских праздников. Апостол говорит, что иудействующие христиане не смеют осуждать их, потому что христиане правильно поступают, когда ничего такого не соблюдают из закона Моисеева, в том числе и субботы, так как эти вещи — суть тень, а тело во Христе. Тень идет впереди тела и указывает на Него, а когда явилось тело, то есть Христос с истинными благами, то теперь нет надобности гоняться за тенью и тот, кто по принятии благодати Христовой начинает праздновать субботу, то он оставляет тело, то есть Христа и цепляется за тень. Еще в 14 стихе апостол сказал, что все эти постановления закона Моисеева Христос упразднил смертью Своею и нашу расписку, то есть закон взял и пригвоздил ко кресту, так как Он уплатил наш долг. Да и самый закон назван рукописанием, то есть долговой распиской, которую Христос истребил, зачеркнул. Следовательно, эта расписка уничтожена и пригвождена ко кресту".

Полемизируя с инакомыслящими, оставаясь принципиальным в главных вопросах церковного домостроительства, Василий Гурьевич не скатывался на узко догматические позиции, не превращался в замкнутого самодовольного сектанта. Его статья "Единство протестантизма" в февральском номере журнала "Беседа" за 1896 год свидетельствует о широком кругозоре Павлова.

"Следует полагать, что Дух Святой с самого начала одобрял различие, ибо такое различие обогащает христианство и дает ему возможность приспособляться ко всем обществам и ко всякому разумению. При всей верности Божественному Учителю существуют различные понятия Истины и к ним всегда примешиваются заблуждения. Если бы различные течения оставались в одной и той же церкви, то они взаимно ослабили бы себя. Дом разделившийся сам в себе, не может устоять. Напротив, каждая партия, работая отдельно от другой, обнаруживает известные истины, остающиеся сокрытыми для других партий. Такое разделенное действие, может служить только к общей пользе. Церковь не должна быть Вавилоном и чтобы избежать этого христиане должны оставить надежду видеть в ближайшем будущем внешнее единство протестантизма, но в то же время они не должны в неразумной гордости изрекать анафемы тем, которые не одного мнения с большинством. Если же различие есть благодеяние, то никакое вероисповедание не должно превозноситься над другим, но все христианские наименования должны взаимно признавать друг друга и обращаться друг с другом по братской любви".

Как христианин с острым духовным и социальным чутьем Павлов много размышлял не только о взаимоотношениях верующих различных вероисповеданий, он думал также о положении Церкви в окружающем мире, об отношении христиан к Государству и политике. Никакая религиозная конфессия не должна стремиться к господствующему положению в обществе, — считал Павлов.

"В средние века католическая церковь имела единовластие и была чрезвычайно испорчена, — писал Василий Гурьевич в журнале "Беседа" за 1896 год, — такова она всюду, если не имеет подле себя евангельской церкви. Католическая церковь только там сохраняет свое влияние, где она борется за свое положение и духовный авторитет".

Один из крупных исследователей протестантских движений в России В.Д. Бонч-Бруевич называл Павлова "высокочтимым вождем русского баптизма". Бонч-Бруевича в первую очередь интересовало отношение баптистов к революционному перевороту в обществе. С Павловым Бонч-Бруевич вел регулярную переписку и естественно задавал ему немало

перестроению общества. С Павловым Бонч-Бруевич вел регулярную переписку и, естественно, задавал ему немало "каверзных" вопросов. Ответы Павлова в той или иной форме проскальзывали в книгах Бонч-Бруевича. "Вот как выразил свое отношение к политике один из видных представителей того крыла русского баптизма, которое сосредотачивается только на перемене основ личной жизни, —; говорил Бонч-Бруевич о Павлове в книге "Значение сектантства для России". — Я верю в силу Евангелия, утверждает этот баптист, только оно способно открыть человеку глаза на многое. По Евангелию революция может быть только одна — духовная. Революцию и проповедь Евангельскую я сравниваю с молоком и лимоном. Обе вещи употребительные и нужные, но вместе не могут сосуществовать, одно другое обязательно испортит. Отрицаю я и все баптисты союз Церкви и Государства, от которого происходят бесконечные гонения и притеснения за веру. Мы признаем, что вера не нуждается в охране государства и не должна быть стеснена в своем проявлении".

Интересными мыслями о роли государства делился Павлов в письме к толстовцу князю Д.А. Хилкову из Тульчи от 5 сентября 1901 года: "Сейчас я читаю сочинения Толстого "Царство Божие внутри вас". По моему мнению, Христианство не разрушает и не отрицает Государства, потому что Государство есть продукт известного развития человеческой жизни. Но Христос предлагает иной, лучший и высший порядок жизни.

Если все люди примут добровольно Его учение, тогда Государство станет излишним, а будет лишь Церковь или Царство Божие, где люди будут связаны между собой лишь духовными узами любви. Но так как люди остаются еще плотскими, то есть видящими цель жизни лишь в наслаждении мирскими благами, упразднение всякой власти не сделает нас лучшими".

Глубокая заинтересованность Павлова вопросами церковного и общественного бытия выявляет в нем натуру талантливого христианского публициста, для которого интересы Церкви и благо общества всегда стояли выше личного благополучия. Сердце Василия Гурьевича тянулось к близким по духу периодическим печатным изданиям, существовавшим тогда в России. Первый журнал, где начал активно подвизаться Павлов, назывался "Братская помощь". Журнал выходил в Саратове и издавался бывшим членом местной судебной палаты Прокопием Адриановичем Устимовичем. Сотрудничать с "Братской помощью" Василию Гурьевичу предложили закавказские проповедники Евангелия В.В. Иванов и И.К. Ермолов. Уже во время второй Оренбургской ссылки Павлов готовил материалы для этого журнала. Он переводил с английского проповеди Чарльза Сперджена, которые потом появлялись на страницах журнала. Это издание носило межконфессиональный характер и преследовало благотворительные цели. Рядом с православными авторами соседствовали представители баптистов: Е.В. Кирхнер, В.Г. Павлов, М.А. Сторожев, И.А. Голяев, евангельский христианин М. Штейнбрехер, толстовец И. Файнерман.

С 1895 года Павлов становится также деятельным сотрудником журнала "Беседа", куда поступали его многочисленные сообщения и статьи о преследованиях протестантов в России. С годами крепло перо Павлова-публициста, возрастал духовный опыт, расширялся кругозор. В 1910 году Павлов принимает служение редактора журнала "Баптист". В течение двух лет Василий Гурьевич находился на этом посту. Когда листаешь обмякшие пожелтевшие страницы "Баптиста" тех времен, легко узнаешь своеобразный "почерк" Павлова. Этот "почерк" виден в гармоничном подборе материала, в разнообразии тематики, в статьях по актуальным животрепещущим проблемам. Часто прямо на страницах журнала редактор разговаривал с читателями, делился своими мнениями о качестве печатного органа Союза русских баптистов.

"Что касается содержания нашего журнала, мы по возможности стараемся делать его разнообразным, чтобы все могли найти интересное и полезное для себя чтение, — объясняет Павлов. — Мы имеем в виду не только одних проповедников, но жен и детей, не только Церковь, но и семью, чтение в семейном кругу. Некоторые проповедники желают видеть в нашем журнале только статьи богословского характера и находят лишними такие рассказы как "Карду, индусская девушка", а женщины и дети с нетерпением ждут журнала чтобы продолжить чтение "Карду". Один из подписчиков а быть может и

женщины и дети с истерическим шумом идут к журналу, чтобы прочитать письмо Карду. Один из подлинных пасторов, а быть может и многие, по неразвитости своей считают этот рассказ просто басней. Однако, это не басня, но он верно изображает нравы и обычаи язычников вообще, и в частности в Индии. Если это не интересно знать нашим братьям, в особенности еще занимающим служение проповедников, то мы можем только пожалеть об их убогом умственном развитии, что они не интересуются и не хотят интересоваться ничем, что находится вне нашей русской действительности. Мы идем верной дорогой, стараясь расширить кругозор наших читателей, снабжая их познаниями о религии и жизни других народов. Нас в особенности, радуют отзывы людей компетентных, наш журнал читается людьми простыми и учеными, поэтому мы не можем сделать его годным лишь для чтения одним деревенским мужикам, но мы хотим, чтобы люди образованные тоже находили соответствующую духовную пищу в нем. Поэтому если и встретятся в нем такие статьи как "Свобода религиозного культа" профессора Александра Винэ, знайте, что эта статья имеет тоже свой круг читателей. Редактору труднее угодить всем своим читателям, нежели повару своим нахлебникам. Говорят, что такой человек еще не родился, который мог бы угодить всем".

При всем многообразии материала Павлов делал журнал христоцентричным. Если верен принцип Сократа: "Познай себя и ты познаешь весь мир", то во сто крат вернее этот принцип, обращенный к личности Христа. Познавая Христа, не только душу свою спасешь, но и на все события, происходящие в мире, будешь смотреть просветленными глазами. Ведь Бог открывает Себя в Библии, в природе, в истории, в судьбах народов и отдельных личностей. Христоцентричность подразумевает Божье присутствие и всеохватывающий духовный взгляд на прошлое, настоящее и будущее.

С 1913 года Павлов становится одним из руководителей редакционного коллектива баптистского журнала "Слово Истины". Свой редакторский опыт Василий Гурьевич обобщил и опубликовал в журнале в виде лаконичных заметок о труде редактора духовного журнала. Это своеобразное кредо Павлова о сущности христианской журналистики. "Он должен находить "великое в малом", — считает Василий Гурьевич. — Он не может личные свои интересы ставить выше успеха того дела, которому служит. В лице его всякое дело находит себе друга и защитника. Церкви, благовестники, миссии, воскресные школы могут рассчитывать на его поддержку. Он не следует за общественным мнением, но стремится руководить им или, по крайней мере быть вполне независимым от него. Он должен занять руководящую роль не догматизмом, но посредством спокойного обсуждения и убедительного доказательства, в то же время он должен столь же охотно принимать, как и давать наставления. Если же его взгляды опровергнуты, то ему следует отступить от них и поблагодарить своего противника за его услугу. Даже самый образцовый редактор не обладает совершенством. Его суждения, как и мнения других людей могут находиться под влиянием образования, интереса или духа общины, но он стремится всегда судить правильно".

В нынешнюю эпоху расцвета христианской печати эти заметки Павлова могут стать настольной памяткой редактору любого церковного издания, практическим руководством по выработке добротного стиля христианской журналистики.

Все разносторонние дарования Павлова были подчинены пастырскому и миссионерскому служению. Начиная с 1908 года Василий Гурьевич ведет в журнале регулярную рубрику "Беседы баптиста". В редакцию потоком шли письма с вопросами на самые разные темы церковного домостроительства и христианской жизни. Павлов кропотливо разбирал каждый вопрос и подготавливал краткие, но емкие содержательные ответы. В Церквах никак не утихали споры, — как лучше называться? Приживется ли слово "баптист" в России? Может быть именовать себя просто евангельскими христианами? Подобными предложениями читатели буквально засыпали редколлегию журнала "Баптист". Что же думал по этому поводу один из первых баптистов России? "Один брат просил нас объяснить, почему мы называемся "баптистами", а не русскими евангельскими христианами? Мы не отвергаем, но принимаем и второе название, а слово "баптисты" ставим в конце, как объяснительное, потому что учение баптистов известно во всем мире а евангельскими христианами часто именуют себя люди различных

потому что у тех баптистов известно во всем мире, а святыми христианами часто именуют себя люди различных убеждений, например, лютеране и наши новомоляканы и петербургские верующие, хотя между ними имеются большие различия. Баптистов называют "крестителями", потому что они крестят всех верующих, даже и тех, которые были крещены в младенчестве. Баптисты, от которых мы ведем свое начало, впервые стали известны в Англии в 1611 году и отсюда распространились по Европе и Америке. Для чего выдумывать новые названия и вносить путаницу, когда у нас есть единство веры. Нам нет причины стыдиться имени "баптист". Буньян, Мильтон, Сперджен были баптисты. Тысячи мучеников, которых жгли на кострах, топили в воде и подвергали ужасным пыткам за то, что они не признавали крещения младенцев. Новый Завет не дает нам предписания как называться, но как жить христианину. Названия различным подразделениям христианских Церквей дает история и их нелегко давать самим по себе".

Служение В.Г. Павлова оказало реформирующее влияние на русский протестантизм. При содействии уважаемого пастыря была введена музыка в богослужebные собрания. Молоканские традиции проявлялись не только в отрицании музыкальных инструментов, молokane также не употребляли духовных гимнов, составленных христианскими поэтами в различные периоды истории. Павлов сумел доказать ограниченный характер этой молokane традиции и не боялся использовать в церквях богатую песенную сокровищницу, накопленную мировым Христианством в процессе истории.

"Некоторые люди, считающие себя духовными, отвергают как молитву собственными словами, так и пение духовных песен. Хотя апостол Павел говорит: "Назидая себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу". — Еф. 5,19. В дни апостолов в Церкви кроме псалмов Давида пели и другие песни. Недавно ученые открыли эти гимны на арамейском языке. Эти гимны были составлены первыми христианами. Новая песнь — следствие новой милости Господней. Ветхозаветная Церковь пела песнь Моисея, ибо спасение от рабства Египетского было главным предметом всех славословий Израиля. А так как теперь явлена новая милость Божия: спасение от вечной гибели и освобождение от дьявольского рабства кровью Агнца, то Новозаветная Церковь поет теперь песнь Агнца, не отвергая и песни Моисея. Как печально было бы, если бы мы, послушав некоторых буквоедов, перестали бы петь наши духовные песни и славословия только потому, что они не записаны в Священном Писании".

Как пастырь, Павлов стремился сохранять в церквях дух первоапостольской свободы. Он неизменно напоминал своим собратьям и всем верующим о равенстве христиан перед Богом. Когда в редакцию пришло письмо с вопросом "Кто старше, пресвитер или церковь?", Павлов ответил на него в духе евангельского демократизма. Когда речь идет о старшинстве или о власти в смысле господства, то такой власти в церкви вовсе нет, — утверждает Василий Гурьевич, — а есть только служение, разделение труда. Христос сказал, чтобы не признавали никого отцом на земле, кроме Отца небесного и учителем никого не считали, кроме Христа, чтобы не подчинялись никакой власти беспрекословно и безусловно. Он же сказал, что мы все — братья, а если братья, то все равны, старше только Отец Наш Небесный. Но по любви мы должны быть рабами друг другу, как и Христос, будучи старше всех, смирил Себя, приняв Образ раба, умыл ноги своим братьям. Пресвитеры не составляют собою особого сословия, они имеют в Церкви только особое служение. Не надо забывать, что все верующие суть цари и священники, а потому и равны перед Богом с пресвитерами. Церковь, желающая подвергнуть суду своего пресвитера, должна пригласить себе на помощь других пресвитеров и вообще опытных братьев, которые, как гости имеют право лишь собственного голоса и вместе с собором этих братьев исследовать дело обвиняемого пресвитера и постановить свое решение. Таким образом, решение церкви будет более беспристрастным".

Со страхом Божиим и евангельской мудростью подходил Василий Гурьевич к образованию новых церквей. Процесс этот нелегкий, зачастую даже болезненный, тут нельзя действовать наобум, нужен такт и предельная осторожность. От Одессы до Владивостока от Тифлиса и до Петербурга проходили миссионерские маршруты Павлова. На обширном пространстве

до Владивостока, от Тифлиса и до Петербурга проходили миссионерские маршруты Павлова. На обширном пространстве российских земель возникали новые церкви от духовных семян, которые неустанно сеял труженик Евангелия. Постепенно складывалась организационная практика по благоустройению новых христианских общин. Группы новообращенных не могли моментально окрепнуть, не могли сразу превратиться в полноценную Церковь. Для поддержки незрелых христиан приходилось из существующих церквей отделять часть служителей и верующих для труда в новой самостоятельной общине. В одной из журнальных бесед Павлов дает советы, как совершать это дело в духе любви и благоразумия.

"Члены, желающие составить самостоятельную общину, прежде всего, должны заручиться на это согласием той общины, к которой они доселе принадлежали. Если это была благоустроенная община с пресвитером во главе, то пресвитер ее с советом общины, после того, как община из части своих членов, составляющих доселе ее отделение или станцию, отправится в местность, где предполагается эта организация и руководит там избранием будущего пресвитера и других служителей церкви. Когда предварительная работа по образованию новой общины окончена и члены ее в мире отпущены матерью-церковью, то новая церковь может пригласить посторонних единоверных пресвитеров других церквей составить собор или совещательное собрание для рукоположения вновь избранных служителей церкви".

Павлов хорошо знал и о тех искушениях, которые подстерегают служителей. Неожиданно для самого себя он может оказаться в сетях мамоны. Вонифатий Михайлович Ковальков, знавший Василия Гурьевича при жизни, отмечает в своих воспоминаниях непримиримость Павлова к скопидомству. "Нельзя с одинаковой ревностью служить двум господам, — любил повторять Василий Гурьевич. — В таком случае только истощаешь себя и не имеешь внутренней радости".

Другая опасность может подтачивать силы служителя. Этот порок иногда называют "ложь во спасение", или "святая ложь". Василий Гурьевич решительно отвергал применение "святой лжи" и написал специальное разъяснение для тех, кто не прочь в особых случаях сказать неправду.

"Ложь никогда нельзя назвать святой, как черное не должно называть белым, — писал он. — Если ложь иногда может быть "святой", то и грех по аналогии тоже может быть иногда "святым"; но это абсурд, ибо одно понятие исключает другое. Некоторые в доказательство своего мнения ссылаются на библейский пример Раав-блудницы, на Авраама, который назвал Сарру, жену свою, сестрою. На это одно можно сказать, что грехи святых написаны не для подражания, а для избежания оных. Мы всегда должны говорить только истину, а остальное все предоставить Богу, Который силен избавить нас от смерти телесной, если Ему угодно, если же нет, то лучше умереть с истиной на устах, нежели избежать смерти или потери земной посредством лжи".

Василий Гурьевич хотел бы видеть всех служителей Церкви проповедниками покаяния, вестниками Божьей любви и спасения. В своих проповедях и беседах Павлов часто указывал на любимый образ Иоанна Крестителя, бесстрашного глашатая правды Божьей. Составляя пособие для учителей воскресных школ, Василий Гурьевич сопоставляет все духовные труды со служением Иоанна Предтечи.

"Когда этот неизвестный проповедник, одетый в высшую мантию пророка, выступил просто, но сильно, и могуче возвысил свой голос, то он вызвал не только удивление, но и громкое эхо, и народ большими толпами стекался к нему, чтобы послушать слова о покаянии и Царствии Небесном. Бог вовремя дал настоящего человека, а с ним и настоящее слово. Не посылал ли постоянно Бог мужей с сильным и духовным словом, слушать которых теснились толпы народа? Лютера, Муди, Сперджена? Исполнишь духом могучего пророка или исполнишь духом Иисуса Христа, мой дорогой сотрудник, и тогда предайся просто, но с побуждением любви и благополного воодушевления возведению Истины, будь при этом строг к самому себе но

с покаянием любви и благородного воздыхания истинны, судя при этом строг к самому себе, но снисходителен к погибающим и заблуждающимся грешникам, тогда и твои ученики будут толпиться вокруг тебя и внимать твоему слову"...

Все христиане призваны быть предтечами Небесного Учителя, готовить путь для принятия Христа человечеством, обустроить радость встречи души с Богом. Хороший духовный наставник тот, считал Василий Гурьевич, кто является рассадником Божьей любви. Павлов часто помышлял о том времени, когда Царство Любви воцарится на земле и все войны исчезнут.

"Рано или поздно человечество должно придти к убеждению, что грубое насилие не может сделать его счастливым, — писал он в статье "Кто мой ближний?" — что его счастье заключается в любви, которая не захватывает чужого, но уступает охотно свое, которая не угнетает слабого, но служит ближнему по примеру Христа. Чем скорее мы поймем и применим к жизни закон любви, тем скорее наступит Царство Божие на земле"...

Павлов — богослов, публицист, редактор, благовестник и пастырь явлен России в определенное время как служитель вечного Божьего Царства, Царства Любви и Истины. А Любовь — венец Божьего домостроительства и совокупность совершенства.

Основные источники

1. Дневники В.Г. Павлова 1898—1921гг. Архив Союза еХБ. Москва.
2. Журнал "Баптист" 1907—1925 гг. Ростов-на-Дону, Москва.
3. Журнал "Слово Истины" 1913-1921 гг. Одесса, Москва.
4. Газета "Утренняя Звезда" №№ 20,21. Петербург, 1913.
5. А.И. Клибанов. "История религиозного сектантства в России". Москва, 1965.
6. Переписка В.Г. Павлова за 1895—1922 гг. Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма. Петербург.
7. В.А. Валькевич. "Записки о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе". Тифлис, 1900, с приложением №№ 16, 1900.

□

